Карлос КАСТАНЕДА

КНИГА 4. СКАЗКИ О СИЛЕ

Пять условий для одинокой птицы:
первое — до высшей точки она долетает;
второе — по компании она не страдает, даже таких же птиц, как она;
третье — клюв ее направлен в небо;
четвертое — нет у нее окраски определенной;
пятое — поет она очень тихо.

Сан Хуан де ля Крус
«Разговоры о свете и любви»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СВИДЕТЕЛЬ ДЕЙСТВИЙ СИЛЫ

1. СВИДАНИЕ СО ЗНАНИЕМ

Я не видел дона Хуана несколько месяцев. Была осень 1971 года. У меня была уверенность, что он находится в доме дона Хенаро в центральной Мексике, поэтому я сделал все необходимые приготовления для шести-семидневной поездки к нему. Однако, на второй день моего путешествия я интуитивно остановился в месте жительства дона Хуана в Соноре в середине дня. Я оставил свою машину и пошел к его дому. К своему удивлению я нашел его там.

— Дон Хуан! Я не ожидал найти тебя здесь, — сказал я.

Он засмеялся. Мое удивление, казалось, доставило ему удовольствие. Он сидел перед дверью на пустой молочной фляге. Казалось, он ожидал меня. В той легкости, с которой он встретил меня, был оттенок завершенности. Он снял шляпу и помахал ею перед собой комическим жестом. Затем он опять одел ее и отдал мне честь по-военному он опирался о стену, сидя на фляге, как если бы он был в седле.

— Садись, садись, — сказал он веселым тоном, — рад тебя видеть вновь.

— Я собирался ехать всю дорогу до центральной Мексики ни за что ни про что. А затем мне пришлось бы ехать обратно в Лос-Анжелес. То, что я нашел тебя здесь, сэкономило мне несколько дней езды.»

— Каким-либо образом ты бы нашел меня, — сказал он загадочным тоном. — скажем, однако, что ты должен мне шесть дней, которые ты используешь на нечто более интересное, чем нажимание на педаль газа в своей автомашине.

Было что-то обещающее в улыбке дона Хуана. Его теплота была заразительной.

— Где твои орудия письма?

Я сказал ему, что забыл их в автомашине. Он сказал, что без них я выгляжу неестественно и заставил меня пойти и взять их.

— Я закончил писать книгу, — сказал я.

Он бросил на меня долгий странный взгляд, который вызвал раздражение в центре моего живота. Казалось, он толкает меня в живот каким-то мягким предметом. Я ощущал себя так, словно мне вот-вот станет плохо, но затем он отвернул голову в сторону, и я восстановил свое хорошее самочувствие.

Я хотел поговорить о моей книге, но он сделал мне знак, который означал, что он не хочет, чтобы я что-либо говорил о ней. Он улыбнулся. Настроение его было легким и обворожительным, и он тотчас же вовлек меня в незначительный разговор о людях и текущих событиях. В конце концов я ухитрился направить разговор на ту тему, которая меня интересовала. Начал я, заметив, что пересмотрел свои первичные заметки и понял то, что он мне давал детальное описание мира магов с первой нашей встречи. В свете того, что он сказал мне на этих начальных стадиях, я стал расспрашивать о роли галлюциногенный растений.

— Почему ты заставлял меня использовать эти сильные растения столь много раз? — спросил я.

Он засмеялся и очень тихо пробормотал: «потому что ты нем.»

Я расслышал его с первого раза, но хотел быть уверенным в том, что он сказал, и притворился, что не понял.

— Извини, я не расслышал, — сказал я.

— Ты знаешь, что я сказал, — ответил он и встал.

Он похлопал меня по голове и прошел мимо.

— Ты довольно медлительный, — сказал он. — и не было никакого другого способа встряхнуть тебя.

— Значит ничего из этого не было абсолютно необходимо? — спросил я.

— В твоем случае — было. Однако есть другие типы людей, которые, кажется, не нуждаются в этом.

Он стоял рядом со мной, глядя на верхушки кустов с левой стороны дома. Затем он опять сел и заговорил об элихио, своем другом ученике. Он сказал, что элихио воспользовался психотропными растениями только один раз с тех пор, как стал его учеником, и однако он продвинулся даже более далеко, чем я.

— Быть чувствительным — естественное состояние некоторых людей, — сказал он. — ты, также как и я, в эту категорию не входишь. В конце концов чувствительность значит очень мало.

— Но что же тогда значит много? — спросил я.

Казалось, он искал подходящий ответ.

— Имеет значение то, чтобы воин был неуязвим, — сказал он наконец. — но это лишь способ говорить. Способ вертеться вокруг да около. Ты уже выполнил ряд задач магии, и я верю, что пришло время отметить источник всего того, что имеет значение. Поэтому я скажу, что для воина имеет значение прибытие к целостности самого себя.

— Что такое целостность самого себя, дон Хуан?

— Я сказал, что собираюсь только отметить это. В твоей жизни еще очень много свободных концов, которые ты должен связать прежде, чем я должен поговорить о целостности самого себя.

Здесь он закончил наш разговор. Он сделал знак руками, показав, что хочет остановить мои разговоры. Кто-то или что-то явно находилось поблизости. Он склонил голову налево, как бы прислушиваясь. Я мог видеть белки его глаз, когда он остановил их на кустах, находившихся слева за домом. Несколько секунд он внимательно слушал, а затем поднялся, подошел ко мне и прошептал мне на ухо, что нам нужно уйти из дому и отправиться на прогулку.

— Здесь что-нибудь не так? — спросил я шепотом.

— Нет, все так. Все совершенно в порядке.

Он повел меня в пустынный чапараль. Мы шли около получаса, затем пришли к небольшому круглому участку, на котором не было растительности. Пятнышко около четырех метров в диаметре, где красноватая земля ссохлась и была совершенно ровной. Не было однако никаких признаков, что это машины очистили и выровняли участок. Дон Хуан сел в центре того участка лицом к юго-востоку. Он указал на место в полутора метрах от него и попросил меня сесть там лицом к нему.

— Что мы собираемся сделать? — спросил я.

— Сегодня вечером у нас здесь свидание, — ответил он.

Быстрым взглядом он осмотрелся в окрестностях, поворачиваясь на месте до тех пор, пока не стал вновь смотреть на юго-восток.

Его движения испугали меня. Я спросил его, с кем же это свидание?

— Со знанием, — сказал он. — скажем так, что знание кружит вокруг нас.

Он не дал мне уцепиться за такой загадочный ответ. Он быстро изменил тему, и шутливым тоном велел мне быть естественным, то есть записывать и разговаривать так, как если бы мы были у него дома.

Что больше всего давило мне на ум на этот раз, так это то живое ощущение, которое я имел шестью месяцами раньше, разговаривая с койотом. Это событие означало для меня, что я впервые мог визуализировать или воспринять через свои органы чувств и в трезвом состоянии то описание мира, которое делают маги.

— Мы не собираемся уходить в рассуждения о занятиях подобного рода, — сказал дон Хуан, услышав мой вопрос. — тебе нельзя посоветовать индульгироваться, концентрируя свое внимание на прошлых событиях. Мы можем касаться их, но только поверхностно.

— Но почему это так, дон Хуан?

— У тебя еще недостаточно личной силы для того, чтобы искать объяснения магов.

— Значит, есть объяснение магов?

— Конечно, маги — люди. Мы — создания мысли. Мы ищем разъяснений.

У меня было такое впечатление, что основным моим недостатком было искать объяснения.

— Нет. Твой недостаток в том, что ты ищешь подходящих объяснений. Объяснений, которые подойдут к твоему миру, против чего я возражаю, так это против твоей рассудочности. Маг тоже объясняет все вещи в своем мире, но он не такой окаменелый, как ты.

— Каким образом я мог, прийти к объяснению магов?

— Накапливая личную силу. Личная сила заставляет тебя очень легко соскользнуть в объяснение магов. Это объяснение не является тем, что ты называешь объяснением. Тем не менее оно делает мир и его чудеса, если не ясными, то по крайней мере менее пугающими. Это должно быть сущностью объяснения. Но это не то, чего ты ищешь. Ты ищешь отражения своих идей.

Я потерял инерцию в задавании вопросов. Однако его улыбка подталкивала меня к тому, чтобы я продолжал разговаривать и следующей темой, представляющей для меня большую важность, был его друг Хенаро и то необычное действие, котороеимели на меня его поступки. Каждый раз, когда я приходил с ним в контакт, я испытывал абсолютно неземные расстройства органов чувств.

— Хенаро поразителен, — сказал он. — но пока что не имеет смысла говорить о нем или о том, что он делает с тобой. Опять же, у тебя нет достаточно личной силы, чтобы поднимать эту тему. Подожди, когда она у тебя будет, тогда и поговорим.

— Что если ее у меня никогда не будет?

— Если у тебя ее никогда не будет, то мы никогда не поговорим.

— Однако с той скоростью, с которой я продвигаюсь, будет ли она у меня? — спросил я.

— Это зависит от тебя. Я дал тебе всю необходимую информацию. Теперь ты отвечаешь за то, чтобы получить достаточно личной силы, чтобы потрогать чешуйки.

— Ты говоришь метафорами, — сказал я. — скажи мне прямо, скажи мне точно, что я должен делать. Если ты мне уже это говорил, предположим, что я уже это забыл.

Дон Хуан усмехнулся и лег, положив руки под голову.

— Ты отлично знаешь, что тебе нужно, — сказал он.

Я сказал ему, что иногда мне кажется, что я знаю, но что большей частью у меня нет такой уверенности в себе.

— Боюсь, что ты путаешь темы, — сказал он. — самоуверенность воина не является самоуверенностью среднего человека. Средний человек ищет определенности в глазах того, кто на него смотрит и называет это самоуверенностью. Воин ищет неуязвимости в своих собственных глазах и называет это смирением. Средний человек сцеплен с окружающими его людьми, в то время как воин сцеплен только с самим собой. Может быть ты охотишься за радугами, ты гонишься за самоуверенностью среднего человека, тогда как тебе следовало бы стремиться к смирению воина. Разница между тем и этим — значительная. Самоуверенность обозначает, что ты знаешь что-то наверняка. Смирение включает в себя то, что ты неуязвим ни в поступках, ни в чувствах.

— Я старался жить в согласии с твоими предложениями, — сказал я. — возможно я делал не все самое лучшее, но самое лучшее, что я мог сам. Это неуязвимость?

— Нет. Ты должен делать лучше, чем это. Ты все время должен выталкивать себя за собственные границы.

— Но это будет безумие, дон Хуан. Никто не может этого.

— Есть масса вещей, которые ты сейчас делаешь, и которые казались бы тебе безумными десять лет назад. Эти вещи сами по себе не изменились. Изменилась твоя идея относительно самого себя. То, что было невозможным тогда, совершенно возможно сейчас. Может быть твой полный успех в перемене самого себя, это только дело времени и в этом отношении единственно возможным курсом, который есть у воина, это действовать неуклонно и не оставляя места для отступления. Ты достаточно знаешь о пути воина, чтобы действовать соответственно. Но на твоем пути стоят твои старые привычки и твой распорядок жизни.

Я понял, что он хотел сказать.

— Ты думаешь, что записывание — одна из моих старых привычек, которую я должен изменить? Может мне следует уничтожить мою новую рукопись?

Он не ответил. Он поднялся и посмотрел на край чапараля. Я сказал, что получил письма от различных людей, говорящих мне о том, что неправильно писать о своем ученичестве. Как прецедент, они цитировали то, что мастера восточных эзотерических доктрин требовали абсолютной секретности. Насчет своих учений.

— Может быть, эти мастера просто индульгируют в том, что они мастера? — сказал дон Хуан, глядя на меня.

— Я не мастер. Я только воин. Поэтому я действительно не знаю, что чувствует мастер.

— Но может быть я говорю о тех вещах, о которых мне не следовало бы говорить, дон Хуан?

— Неважно, что человек открывает или что он удерживает про себя. Все, что мы делаем, все, чем мы являемся, основывается на нашей личной силе. Если у нас ее достаточно, то одно сказанное слово может быть достаточным для того, чтобы изменить весь ход нашей жизни. Но если у нас недостаточно личной силы, то прекраснейшие и чудеснейшие отделы мудрости могут быть раскрыты нам, и это раскрытие ни черта нам не даст.

Затем он снизил голос, как бы говоря мне что-то секретное.

— Я собираюсь произнести, пожалуй, величайший момент знания, который кто-либо может произнести, — сказал он. — посмотрю я, что ты с ним сможешь сделать. Знаешь ли ты, что в этот самый момент ты окружен вечностью, если пожелаешь?

После долгой паузы, во время которой он подталкивал меня едва заметными движениями глаз сделать заключение, я сказал, что не понимаю, о чем он говорит.

Затем он указал в зенит. Или там, или мы можем сказать, что вечность вроде этого, — и он расставил руки, указывая на восток и запад.

Мы взглянули друг на друга. В его глазах был вопрос.

— Что ты на это скажешь? — спросил он, подзуживая меня подумать над его словами.

Я не знал, что сказать.

— Знаешь ли ты, что ты можешь растянуть себя навсегда в любом из направлений, в котором я указал, — продолжал он, — знаешь ли ты, что один момент может быть вечностью? Это не загадка, это факт. Но только если ты оседлаешь этот момент и используешь для того, чтобы ухватиться за целостность самого себя навсегда и в любом направлении.

Он смотрел на меня.

— У тебя не было этого знания раньше, — сказал он улыбаясь. — теперь ты его имеешь. Но это не делает никакой разницы, поскольку у тебя недостаточно личной силы для того, чтобы использовать мое откровение. Однако, если бы у тебя было достаточно личной силы, то одни только мои слова были бы достаточны для тебя, чтобы сконцентрировать целостность самого себя и вывести критическую часть себя за те границы, в которых она заключена.

Он подошел ко мне сбоку, и постукал меня по груди. Это было очень легкое постукивание.

— Там границы, о которых я говорю, — сказал он. — можно выйти из них. Мы — это чувства, осознание, заключенное здесь.

Он хлопнул меня по плечам обеими руками и мои блокнот и карандаш полетели на землю. Дон Хуан поставил ногу на блокнот и уставился на меня смеясь.

Я спросил его, не возражает ли он, что я делаю заметки. Он сказал «нет» ободряющим тоном и убрал ногу.

— Мы — светящиеся существа, — сказал он, ритмично покачивая головой. — а для светящегося существа только личная сила имеет значение. Но если ты спросишь меня, что такое личная сила, то я должен сказать тебе, что мои объяснения не объяснять этого.

Дон Хуан взглянул на западный горизонт и сказал, что еще осталось несколько часов дневного света.

— Нам придется здесь быть долго, — объяснил он. — поэтому мы будем или спокойно сидеть, или говорить. Для тебя неестественно молчать, поэтому, продолжим разговаривать. Это место является местом силы, и прежде чем придет ночь, оно должно быть использовано для нас. Ты должен сидеть как можно более естественно, без страха и без нетерпения. Похоже на то, что тебе легче всего расслабиться, делая заметки. Поэтому пиши, сколько твоей душе угодно. А теперь, предположим, что ты расскажешь мне что-нибудь о своих сновидениях.

Его внезапный переход застал меня врасплох. Он повторил свою просьбу. Много нужно было сказать об этом. Сновидения включали в себя культивирование особого контроля над собственными снами до такой степени, что опыт, испытанный в них, и то, что испытываешь во время бодрствования, приобретает одинаковую практическую ценность. Подход магов состоял в том, что под воздействием сновидения обычный критерий в том, чтобы отличить сон от реальности, становится недействующим.

Практика сновидения состояла в том упражнении, в которое входило нахождение собственных рук во время сна. Иными словами, следовало намеренно увидеть во сне, что смотришь на собственные руки и можешь найти их, поднимая на уровень глаз во время сна.

После нескольких лет безуспешных попыток я, наконец, выполнил задачу. Оглядываясь назад, мне становится очевидным, что я добился успеха лишь после того, как добился контроля в какой-то степени над миром своей повседневной жизни.

Дон Хуан захотел узнать всю подноготную. Я стал рассказывать ему, что трудность устанавливать команду смотреть на руки очень часто бывает совершенно непреодолимой. Он предупредил меня, что ранние стадии подготовительной работы, которую он называл настройка сновидения, состояли из смертельной игры, которую ум человека играет сам с собой, и что какая-то часть меня самого будет делать все возможное к тому, чтоб воспрепятствовать выполнению этой задачи.

— Сюда может входить, — сказал дон Хуан, — раздумывание о бессмыслице всего этого, наплывы меланхолии или даже депрессия с позывом к самоубийству.

Я однако так далеко не зашел. Мой опыт был скорее на светлой, комической стороне. Тем не менее результат бывал одинаково разочаровывающим. Каждый раз, когда я собирался взглянуть на руки во сне, случалось что-нибудь необычное. Я или начинал летать, или мой сон превращался в ночной кошмар, или же просто приходило очень приятное ощущение телесного возбуждения. Все во сне выходило далеко за рамки «нормального», если говорить о живости сна, и поэтому сон ужасно затягивал. Мое первоначальное намерение наблюдать за своими руками бывало забыто в свете новой ситуации.

Однажды ночью, совершенно неожиданно, я нашел свои руки во сне. Я видел во сне, что иду по незнакомой улице иностранного города и внезапно я поднял руки и поместил их перед лицом. Казалось, что что-то внутри меня самого сдалось и позволило мне смотреть на тыльную сторону своих рук.

Инструкции дона Хуана состояли в том, что как только вид моих рук станет расплываться или меняться на что-либо еще, я должен перевести свой взгляд с рук на любой другой элемент окрестности в моем сне. В этом конкретном сне я перенес свой взгляд на здание в конце улицы. Когда вид здания начал туманиться, я сконцентрировал свое внимание на других элементах, входящих в мой сон. Конечным результатом была невероятно ясная и стройная картина пустынной улицы в каком-то неизвестном заграничном городе.

Дон Хуан заставил меня продолжать рассказывать о других опытах в сновидении. Мы разговаривали долгое время.

В конце моего отчета он поднялся и пошел в кусты. Я тоже поднялся. Я нервничал. Это было ничем не обоснованное ощущение, поскольку ничто не возбуждало ни страха, ни заботы. Дон Хуан вскоре вернулся, он заметил мое возбуждение.

— Успокойся, — сказал он, слегка взяв меня за руку.

Он усадил меня и положил мне на колени блокнот. Он уговаривал меня писать. Его аргументом было то, что я не должен беспокоить место силы ненужными чувствами страха или колебания.

— Почему я стал так нервничать? — спросил я.

— Это естественно, — сказал он. — чему-то внутри тебя угрожает твоя деятельность в сновидениях. До тех пор, пока ты не думал об этой деятельности, с тобой было все в порядке. Но теперь, когда ты свои действия раскрыл, ты готов упасть в обморок.

— У каждого воина свой собственный способ сновидения. Каждый способ различен. Единственно, что у нас есть у всех общее, так это то, что мы разыгрываем хитрые трюки для того, чтобы заставить самих себя отступиться. Противоядием будет настойчиво продолжать попытки, несмотря на все эти барьеры и разочарования.

Он спросил меня затем, могу ли я выбирать тему для сновидения. Я сказал, что не имею ни малейшей идеи относительного того, как это сделать.

— Объяснение магов, относительно того, как отбирать тему для сновидения, — сказал он, — состоит в том, что воин выбирает тему сознательно, удерживая изображение в своем уме, в то время как он выключает свой внутренний диалог. Другими словами, если он способен на какое-то время о том, что он хочет в сновидении, даже если это ему удается лишь на секунду, желаемая тема придет. Я уверен, что ты это сделал, хотя и не осознавал этого.

Последовала длинная пауза, а затем дон Хуан начал нюхать воздух. Казалось, он прочищает свой нос. Три или четыре раза он с силой выдохнул через ноздри, мышцы его живота сокращались рывками, которые он контролировал делая короткие, маленькие вдохи.

— Мы больше не будем говорить о сновидении, — сказал он. — Это может стать у тебя навязчивой мыслью. Если в чем-нибудь можно добиться успеха, то успех должен приходить легко, с небольшим количеством усилий, но без стресса или навязчивых идей.

Он поднялся и прошел к краю кустов. Нагнувшись, он всмотрелся в листву. Казалось, он что-то рассматривает в листьях, не подходя к ним слишком близко.

— Что ты делаешь? — спросил я, не способный сдержать свое любопытство.

Он повернулся ко мне, улыбнулся и поднял брови.

— Кусты полны странных вещей, — сказал он и сел снова.

Его тон был таким спокойным, что он испугал меня больше, чем если бы он крикнул. Мой блокнот и карандаш упали у меня из рук. Он засмеялся, изобразил мои движения и сказал, что мои преувеличенные реакции являются одним из тех свободных концов, которые еще существуют в моей жизни.

Я хотел поговорить об этом, но он мне не позволил.

— Осталось совсем немножко дневного света, — сказал он. — есть другие вещи, которых мы должны коснуться, прежде чем наступят сумерки.

Затем он добавил, что, судя по моим успехам в сновидении, я должно быть научился останавливать по желанию свой внутренний диалог. Я сказал ему, что это так.

В начале нашей связи дон Хуан разработал другую процедуру: делать длинные переходы, не фокусируя глаза ни на чем. Его рекомендацией было не смотреть ни на что прямо, но, слегка раскашивая глаза, удерживать в боковом зрении все, что попадается на глаза. Он настаивал, хотя в то время я этого и не понимал, на том, что если будешь удерживать несфокусированные глаза в точке слегка выше горизонта, то возможно замечать сразу все в почти полном 180-градусном секторе перед глазами. Он заверил меня, что это упражнение является единственным способом прекратить внутренний диалог. Он обычно расспрашивал меня о моем прогрессе, но потом перестал интересоваться этим.

Я сказал дону Хуану, что практиковал эту технику в течение нескольких лет, не замечая никаких изменений. Однако однажды я с потрясением понял, что только что шел в течение десяти минут, не сказав себе ни единого слова.

Я заметил дону Хуану, что осознал тот факт, что остановка внутреннего диалога — это не просто удерживание слов, которые я говорил себе. Весь мой мыслительный процесс остановился, и я ощутил себя как бы в подвешенном состоянии, парящим. Чувство паники, которое возникло из этого осознания заставило меня восстановить свой внутренний диалог как противоядие.

— Я говорил себя, что внутренний диалог это то, что прижимает нас к земле, — сказал дон Хуан. — мир то-то и то-то или такой-то и такой-то только потому, что мы говорим сами себе о том, что он то-то и такой-то.

Дон Хуан объяснил, что проход в мир магов открывается после того, как воин научится выключать внутренний диалог.

— Сменить нашу идею мира — является ключом магии, — сказал он. — остановка внутреннего диалога — единственный путь к тому, чтобы выполнить это. Все остальное просто продвижение. Сейчас ты в таком положении, что знаешь о том, что ничто из того, что ты видел или слышал, за исключением остановки внутреннего диалога не могло само по себе изменить что-либо в тебе или в твоей идее мира. Следует оговориться, однако, что такое изменение не может быть вызвано силой. Теперь ты сможешь понять, почему учитель не обрушивается на своего ученика. Это родит в нем только мрачность и навязчивые идеи.

Он спросил о деталях других опытов, которые у меня были в выключении внутреннего диалога. Я рассказал все, что мог вспомнить.

Мы разговаривали, пока не стало темно, и я уже не мог удобно записывать. Мне пришлось уделять меньше внимания записыванию, а это изменяло мою концентрацию. Дон Хуан понял это и стал смеяться. Он указал на то, что я выполнил еще одну задачу магии — записывать, не концентрируя внимания.

В тот момент, когда он это сказал, я понял, что на самом деле не уделяю никакого внимания действию записывания, казалось, это отдельная деятельность, с которой я не имею ничего общего. Я был озадачен. Дон Хуан попросил меня сесть рядом с ним в центре круга. Он сказал, что стало слишком темно, и что мне уже небезопасно сидеть так близко к краю чапараля. Я почувствовал на спине озноб и прыгнул к нему.

Он велел мне сесть лицом к юго-востоку и скомандовать самому себе быть тихим без всяких мыслей.

Сначала я не мог этого сделать и испытал момент нетерпения. Дон Хуан повернулся ко мне спиной и сказал, чтобы я облокотился о его плечо для поддержки. Он сказал, что как только я остановлю свои мысли, я должен удерживать глаза открытыми и смотреть на кусты в направлении юго-востока. Загадочным тоном он добавил, что поставил передо мной задачу, и что если я решу ее, то буду готов к другому сегменту мира магов.

Я выставил слабый вопрос о природе этой задачи. Он мягко усмехнулся. Я ждал его вопроса и затем что-то во мне включилось. Я почувствовал себя подвешенным. Казалось, что из моих ушей выпали затычки, и миллионы звуков чапараля стали слышны, их было так много, что я не мог их отличать индивидуально. Я чувствовал, что засыпаю и затем внезапно что-то привлекло мое внимание. Это не было что-то такое, что вовлекало бы мой мыслительный процесс. Это не было видением или чертой окрестностей, и однако же мое сознание было чем-то захвачено. Я был абсолютно бодрствующим. Глаза мои были сфокусированы на пятне у края чапараля, но я не смотрел, не думал и не говорил сам с собой. Мои чувства были чисто телесными ощущениями. Слова им не требовались. Я чувствовал, что прорываюсь через что-то неопределенное. Может быть то, что в обычном состоянии было бы моими мыслями, прорывалось. Во всяком случае, у меня было такое ощущение, что я попал в снежный обвал, и что-то теперь рушилось, имея меня в своем центре. Я почувствовал жжение в своем животе. Что-то тянуло меня в чапараль. Я мог различать темную массу кустов прямо перед собой. Однако, это не было

недифференцированной темнотой, которой она была обычно. Я мог видеть каждый отдельный куст, как если бы смотрел на них в темных сумерках. Казалось, они двигаются. Масса их листьев выглядела как черные юбки, летящие ко мне, как если бы их нес ветер. Но ветра не было. Я погрузился в их гипнотизирующее движение. Какая-то пульсирующая дрожь, казалось, подтаскивала их все ближе и ближе ко мне. А затем я заметил более светлый силуэт, который, казалось, накладывался на темную форму кустов. Я сфокусировал свои глаза сбоку от светлого силуэта и смог увидеть в нем слабое сияние. Затем я взглянул на него не фокусируясь и мне пришло ясное убеждение, что светлый силуэт — это человек, прячущийся под кустами.

В этот момент я находился в крайне необычном состоянии сознания. Я осознавал окружающее и тот умственный процесс, который это окружающее во мне вызывало. Однако я ничего не думал, как я думаю обычно. Например, когда я понял, что силуэт, наложенный на кусты — человек, я вспомнил другой случай в пустыне. Я заметил тогда, во время прогулки с доном Хенаро, что в ночном чапарале позади нас прячется человек. Но в тот момент, как я пытался разумно объяснить явление, я потерял человека из виду. На этот раз, однако, я чувствовал себя хозяином положения и отказался объяснять что-либо или думать вообще. На секунду у меня было впечатление, что я могу удержать человека и заставить его оставаться там, где он есть. Затем я испытал странную боль в центре своего живота. Что-то, казалось, вырывалось изнутри меня, и я уже не мог больше держать напряженными мышцы брюшного пресса. В тот самый момент, когда я отступился, темная фигура громадной птицы или какого-то летающего животного бросилась на меня из чапараля. Казалось, что форма человека превратилась в форму птицы. У меня было ясное осознанное восприятие страха. Я ахнул, затем издал громкий крик и упал на спину.

Дон Хуан помог мне подняться. Его лицо было вплотную с моим. Он смеялся.

— Что это было? — заорал я.

Он заставил меня замолчать, приложив мне руку ко рту. Приложив мне губы к уху, он прошептал, что нам нужно покинуть это место спокойно и собранно, как будто бы ничего не произошло. Мы шли бок о бок. Его походка была расслабленная и равномерная. Пару раз он быстро оборачивался. Я сделал то же самое и дважды уловил какую-то темную массу, которая, казалось, следовала за нами. Позади себя я услышал громкий и какой-то неземной крик. На секунду я был объят чистым ужасом. Судороги прошлись у меня по мышцам живота. Они начинались спазматически и их интенсивность росла до тех пор, пока они просто не заставили мое тело бежать.

Единственно, как можно говорить о моей реакции, так это применяя терминологию дона Хуана. Поэтому я могу сказать, что мое тело из-за того испуга, который я испытал, смогло выполнить то, что он называл «бег силы», техника, которой он обучил меня несколькими годами раньше, состоящая из бега в темноте не спотыкаясь и не ударяясь ни обо что.

Я не полностью осознавал, что я сделал или как я сделал. Внезапно я оказался опять у дома дона Хуана. Очевидно он тоже бежал, и мы прибежали в одно и то же время. Он зажег свою керосиновую лампу, повесил ее на потолочную балку и спокойно сказал, чтобы я сел и расслабился.

Некоторое время я лежал на одном месте, пока моя нервозность не стала более управляемой. Затем я сел. Он подчеркнуто сильно приказал мне действовать так, словно ничего не произошло и вручил мне мой блокнот. Я не заметил в своей спешке, что обронил его.

— Что там произошло, дон Хуан? — спросил я наконец.

— У тебя было свидание со знанием, — сказал он, указывая движением подбородка на темный край пустынного чапараля. — я повел тебя туда, потому что я мельком заметил ранее, что знание бродило вокруг дома. Можно сказать, что знание знало о том, что ты приезжаешь и ожидало тебя. Вместо того, чтобы встречаться с ним здесь, я считал, что с ним следует встретиться на месте силы. Затем я сделал тебе испытание, чтобы посмотреть, достаточно ли у тебя личной силы, чтобы изолировать ее от всех остальных окружающих нас вещей. Ты сделал прекрасно.

— Подожди минутку, — запротестовал я. — я видел силуэт человека, прячущегося за кустом, а затем я видел огромную птицу.

— Ты не видел человека! — сказал он с ударением. — не видел ты и птицы. Силуэт в кустах и то, что полетело к нам, была бабочка. Если ты хочешь быть точным, употребляя термины магов, но очень смешным в своих собственных терминах, то ты можешь сказать, что сегодня у тебя было свидание с бабочкой. Знание — это бабочка.

Он взглянул на меня пристально. Свет лампы создавал странные тени на его лице. Я отвел глаза.

— Возможно, у тебя будет достаточно личной силы, чтобы разгадать эту загадку сегодня ночью, — сказал он. — если не сегодня ночью, то может быть завтра. Вспомни, ты мне еще должен шесть дней.

Дон Хуан поднялся и прошел на кухню в задней части дома. Он взял лампу и поставил ее к стене на короткий круглый чурбан, который он использовал как табурет. Мы уселись на полу друг против друга и поели бобов с мясом из горшка, который он поставил перед нами. Ели мы в молчании.

Время от времени он бросал на меня отрывистые взгляды и, казалось, готов был засмеяться. Его глаза были как две щелки. Когда он смотрел на меня, то слегка приоткрывал их, и влага в уголках отражала свет лампы. Казалось, он использовал свет для того, чтобы создавать зеркальные отражения. Он играл с этим, покачивая головой почти незаметно каждый раз, когда останавливал глаза на мне. Эффектом была захватывающая игра света. Я осознал его маневры после того, как он использовал их пару раз. Я был убежден, что он действует так, имея в уме определенную цель я почувствовал себя обязанным спросить об этом.

— Для этого у меня есть далеко идущая причина, — сказал он ободряюще. — я успокаиваю тебя своими глазами. Ты уже больше не нервничаешь, не так ли?

Я должен был признать, что чувствую себя очень хорошо. Мелькание света в его глазах не было угрожающим и ни в коей мере не раздражало и не пугало меня.

— Как ты успокаиваешь меня своими глазами? — спросил я.

Он повторил незаметные покачивания головы. Его глаза действительно отражали свет керосиновой лампы.

— Попробуй сделать это сам, — сказал он спокойно и положил себе еще еды. — ты сможешь успокаивать сам себя.

Я попробовал качать головой. Мои движения были неуклюжи.

— Болтая головой таким образом ты себя не успокоишь. Скорее ты добьешься головной боли. Секрет состоит не в качании головой, а в том чувстве, которое приходит к глазам из района внизу живота. Именно оно заставляет голову качаться.

Он потер район живота. Когда я закончил есть, я прислонился к груде дров и пустых мешков. Я попытался имитировать его качание головой. Дон Хуан, казалось, забавлялся бесконечно. Он смеялся и хлопал себя по ляжкам.

Затем внезапный звук прервал его смех. Я услышал странный глубокий звук, подобный постукиванию по дереву, который исходил из чапараля. Дон Хуан поднял свой подбородок, сделав мне знак оставаться алертным.

— Это бабочка зовет тебя, — сказал он без всяких эмоций в голосе.

Я вскочил на ноги. Звук тотчас прекратился. Я посмотрел на дона Хуана в поисках объяснений. Он сделал комический жест беспомощности, пожимая плечами.

— Ты еще не закончил своего свидания, — добавил он.

Я сказал ему, что чувствую себя недостойным и что лучше я уеду домой и вернусь тогда, когда буду чувствовать себя сильнее.

— Ты говоришь чепуху, — бросил он. — воин берет свою судьбу, какой она бы ни была, и принимает ее в абсолютном смирении. Он в смирении принимает то, чем он является не для того, чтобы сожалеть, не как основу для сожаления, а как живой вызов.

— Для каждого из нас нужно время, чтобы понять этот момент и использовать его в жизни. Я, например, ненавидел само звучание слова «смирение». Я — индеец, а мы, индейцы, всегда были смиренны и ничего не делали, только опускали свои головы. Я думал, что смирение не по пути с воином. Я ошибался. Сейчас я знаю, что смирение воина не является смирением нищего. Воин ни перед кем не опускает головы, но в то же время он не позволит никому опускать свою голову перед ним. Нищий, напротив, уже при падении шляпы падает на колени и метет пол перед любым, кого считает выше себя. Но в то же время он требует, чтобы кто-то, находящийся ниже его, мел пол перед ним.

Вот почему я говорил тебе сегодня ранее, что я не понимаю, что чувствуют мастера. Я знаю только смирение воина, а оно никогда не позволит мне быть чьим-либо мастером.

Мы некоторое время молчали. Его слова вызвали во мне глубокое волнение. Я был тронут ими и в то же время озабочен тем, чему я был свидетелем в чапарале. Моим сознательным заключением было то, что дон Хуан что-то скрывает от меня и что он на самом деле должен знать, что происходит.

Я ушел в эти размышления, когда тот же самый странный стучащий шум вывел меня из задумчивости. Дон Хуан улыбнулся, а затем начал посмеиваться.

— Ты любишь смирение нищего, — сказал он мягко. — ты опускаешь голову перед разумом.

— Я всегда думаю, что меня разыгрывают, — сказал я. — это основной момент моей проблемы.

— Ты прав. Тебя разыгрывают, — заметил он с обезоруживающей улыбкой. — это не может быть твоей проблемой. Реальной проблемой в этом отношении является то, что ты чувствуешь, будто я сознательно тебя обманываю. Прав я?

— Да, есть во мне что-то, что не дает мне поверить в реальность происходящего.

— Ты опять прав. Ничего из происходящего не является реальным.

— Что ты хочешь этим сказать, дон Хуан?

— Вещи являются реальными только после того, как научишься соглашаться с их реальностью. То, что происходит сегодня ночью, например, вероятно не может быть для тебя реальным, потому что никто с тобой согласиться не может относительно этого.

— Ты хочешь сказать, что не видел того, что произошло?

— Конечно, видел, но я не в счет. Вспомни, что я тот, кто тебя обманывает.

Дон Хуан смеялся, пока не закашлялся и не выбился из дыхания. Его смех был дружественным, даже несмотря на то, что он смеялся надо мной.

— Не обращай так много внимания на ту чушь, которую я несу, — сказал он ободряюще. — я просто стараюсь расслабить тебя и знаю, что ты чувствуешь себя в своей тарелке только тогда, когда ты в смущении.

Его выражение было рассчитано комичным, и мы оба расхохотались. Я сказал ему, что меня еще более испугало то, что он сейчас сказал.

— Ты боишься меня? — спросил он.

— Не тебя, но того, что ты представляешь.

— Я представляю собой свободу воина. Ты этого боишься?

— Нет, но я боюсь устрашительности твоего знания. В нем нет для меня утешения. Нет гавани, куда бы приткнуться.

— Ты опять все путаешь. Утешение, гавань, страх — все это настроения, которым ты научился, даже не спрашивая об их ценности. Как видно, черные маги уже завладели всей твоей преданностью.

— Кто такие черные маги?

— Окружающие нас люди являются черными магами. А поскольку ты с ними, то ты тоже черный маг. Подумай на секунду, можешь ли ты уклониться с той тропы, которую они для тебя проложили. Нет. Твои мысли и твои поступки навсегда зафиксированы в их терминологии. Это рабство. Я, с другой стороны, принес тебе свободу. Свобода дорога, но цена не невозможна. Поэтому бойся своих тюремщиков, своих мастеров. Не трать своего времени и своей силы, боясь меня.

Я знал, что он был прав, но все же несмотря на мое искреннее согласие с ним, я знал также, что привычки моей жизни обязательно заставят меня тянуться к моей старой тропе. Я действительно себя чувствовал рабом.

После долгого молчания дон Хуан спросил меня, достаточно ли у меня силы чтобы еще раз столкнуться со знанием.

— Ты хочешь сказать, с бабочкой? — спросил я полушутя.

Его тело согнулось от смеха. Казалось, что я только что сказал ему самую смешную шутку в мире.

— Что ты в действительности имеешь в виду, когда говоришь, что знание — это бабочка? — спросил я.

— Я ничего другого не имею в виду, — ответил он. — бабочка есть бабочка. Я думал, что к настоящему времени со всеми твоими достижениями у тебя будет достаточно силы, чтобы «видеть». Вместо этого ты мельком заметил человека. А это не было истинным «видением».

С самого начала моего ученичества дон Хуан ввел концепцию «видения», как особой способности, которую можно развить, и которая позволит воспринимать «истинную» природу вещей.

За несколько лет нашей связи у меня развилось мнение, что то, что он имеет в виду под «видением», является интуитивным восприятием вещей, или же способностью понимать что-то сразу, или, возможно, способностью насквозь видеть человеческие поступки и раскрывать скрытые значения и мотивы.

— Я могу сказать, что сегодня вечером, когда ты встретился с бабочкой, ты наполовину смотрел, наполовину видел, — продолжал дон Хуан. — В этом состоянии, хотя ты и не был полностью самим собой, как обычно, ты, тем не менее, смог находиться в полном сознании, чтобы управлять своим знанием мира.

Дон Хуан остановился и взглянул на меня. Сначала я не знал, что сказать.

— Как я управлял своим знанием мира? — спросил я.

— Твое знание мира сказало тебе, что в кустах можно найти только подкрадывающихся животных или людей, прячущихся за листвой. Ты удержал эту мысль и естественно тебе пришлось найти способ сделать мир таким, чтобы он отвечал этой мысли.

— Но я совсем не думал, дон Хуан.

— Тогда не будем называть это думанием. Скорее это привычка иметь мир таким, чтобы он всегда соответствовал нашим мыслям, когда он не соответствует, мы просто делаем его соответствующим. Бабочки, такие большие, как человек, не могут быть даже мыслью. Поэтому для тебя то, что находилось в кустах, должно было быть человеком.

— Такая же вещь случилась и с койотом. Твои старые привычки определили природу этой встречи также. Что-то произошло между тобой и койотом. Но это не был разговор. Я сам бывал в такой переделке. Я тебе рассказывал, что однажды я говорил с оленем. Теперь ты разговариваешь с койотом. Но ни ты, ни я никогда не узнаем, что на самом деле имело место в этих случаях.

— Что ты мне говоришь, дон Хуан?

— Когда объяснение магов стало ясным для меня, уже было слишком поздно узнавать, что именно сделал для меня олень. Я сказал, что мы разговаривали, но это было не так. Сказать, что между нами произошел разговор, это только способ представить все таким образом, чтобы я смог об этом говорить. Олень и я что-то делали, но в то время, когда это имело место, мне нужно было заставлять мир соответствовать моим идеям, совершенно так же, как это делал ты. Так же, как ты, я всю свою жизнь разговаривал. Поэтому мои привычки взяли верх и распространились на оленя. Когда олень подошел ко мне и сделал то, что он сделал, то я был вынужден понимать это как разговор.

— Это объяснение магов?

— Нет, это мое объяснение тебе. Но оно не противоречит объяснению магов. Его заявление бросило меня в состояние умственного возбуждения. На некоторое время я забыл о крадущейся бабочке и даже забыл записывать. Я попытался перефразировать его заявление, и мы ушли в длинное обсуждение рефлексирующей природы нашего мира. Мир, согласно дону Хуану, должен соответствовать его описанию. Это описание отражает себя.

Другим моментом его разъяснения было то, что мы научились соотносить себя с нашим описанием мира в терминах того, что я назвал «привычки». Я ввел то, что считал более всеобъемлющим термином «намеренность» — свойство человеческого сознания посредством которого соотносятся с объектом или намереваются иметь этот объект в таком именно виде.

Наш разговор вызвал крайне интересное рассуждение. Будучи рассмотренным в свете объяснений дона Хуана, мой «разговор» с койотом приобретал новые черты. Я действительно намеренно вызвал «диалог», поскольку я никогда не знал другого пути намеренной коммуникации. Я также преуспел в том, чтобы заставить его отвечать описанию, соответственно которому коммуникация происходит через диалог. И, таким образом, я заставил описание отразиться.

Я испытал момент огромного подъема. Дон Хуан засмеялся и сказал, что быть до такой степени тронутым словами, это другой аспект моей глупости. Он сделал комический жест разговора без звуков.

— Мы все проходим через одни и те же фокусы, — сказал он после длинной паузы. — единственный способ преодолеть их состоит в том, чтобы продолжать действовать как воин. Остальное придет само собой и посредством себя самого.

— А что остальное, дон Хуан?

— Знание и сила. Люди знания обладают и тем и другим. И в то же время никто из них не сможет сказать, каким образом они их приобрели за исключением того, что они неуклонно действовали как воины, и в определенный момент все изменилось.

Он взглянул на меня. Казалось, он был в нерешительности. Затем он быстро встал и сказал, что у меня нет иного выхода. Как продолжить свое свидание со знанием.

Я ощутил озноб. Мое сердце начало колотиться. Я поднялся, и дон Хуан обошел вокруг меня, как бы рассматривая мое тело со всех возможных углов. Он сделал мне знак сесть и продолжать писать.

— Если ты будешь слишком испуган, то ты не сможешь провести свое свидание. Воин должен быть спокоен и собран и никогда не ослаблять своей хватки.

— Я действительно испуган, — сказал я. — бабочка или что иное, но что-то там лазает по кустам.

— Конечно, — воскликнул он, — мое возражение состоит в том, что ты настойчиво считаешь это человеком, точно также, как ты настойчиво думаешь, что разговаривал с койотом.

Какая-то часть меня полностью поняла, что он хочет сказать. Был, однако, другой аспект меня самого, который не отступался и, несмотря на очевидное, накрепко прицеплялся к рассудку.

Я сказал дону Хуану, что его объяснения не удовлетворяют мои чувства, хотя интеллектуально я полностью согласен с ним.

— В этом слабая сторона слов, — сказал он подбадривающе. — Они всегда заставляют нас чувствовать себя просвещенными, но когда мы оборачиваемся, чтобы посмотреть на мир, то они всегда предают нас, и мы кончаем тем, что смотрим на мир так же, как всегда это делали, без всякого просветления. По этой причине маг старается больше действовать, чем говорить. И как следствие этого, он получает новое описание мира. Новое описание, где разговор не является очень уж важным, и где новые поступки имеют новые отражения.

Он сел рядом со мной, посмотрел мне в глаза и попросил меня рассказать о том, что я действительно видел в чапарале.

На секунду меня охватила полная неопределенность. Я видел темную фигуру человека, но в то же время, я видел, как эта фигура превратилась в птицу. Таким образом я видел больше, чем мой рассудок давал мне возможным считать вероятным. Но вместо того, чтобы отбрасывать свой рассудок совершенно, что-то во мне выбрало отдельные части моего опыта, такие как размер и общие очертания темной фигуры и удержало их как разумную возможность, выбрасывая в то же время другие части, вроде того, что темная фигура превратилась в птицу. Таким образом я убедил себя, что видел человека.

Дон Хуан расхохотался, когда я выразил свои затруднения. Он сказал, что рано или поздно объяснение магов придет ко мне на помощь и тогда все сразу станет совершенно ясным. Без необходимости быть разумным или неразумным.

— А пока все, что я могу для тебя сделать, это гарантировать, что это не был человек, — сказал он.

Взгляд дона Хуана стал нервирующим. Мое тело невольно задрожало. Он заставил меня почувствовать раздражение и нервозность.

— Я ищу отметки на твоем теле, — объяснил он. — ты можешь этого не знать, но сегодня вечером ты был в хорошенькой переделке.

— Что за отметки ты ищешь?

— Не настоящие, физические отметки на твоем теле, но знаки, указания в твоих светящихся волокнах, в районах яркости. Мы — светящиеся существа, и все, что мы есть, и все, что мы чувствуем бывает видно в наших волокнах. Люди имеют яркость, свойственную только им. Это единственный способ отличить их от других светящихся живых существ.

Если бы ты «видел» сегодня вечером, то ты заметил бы, что фигура в кустах не была светящимся живым существом.

Я хотел спрашивать дальше, но он приложил мне руку ко рту и заставил замолчать. Затем он нагнулся мне к уху и прошептал, что я должен слушать и попытаться услышать мягкое шуршание, мягкие приглушенные шаги бабочки по сухим листьям и ветвям на земле.

Я ничего не мог расслышать. Дон Хуан резко поднялся, взял лампу и сказал, что мы будем сидеть под навесом у его двери. Он вывел меня через заднюю дверь и обвел меня вокруг дома по краю чапараля. Вместо того, чтобы пройти через комнату и выйти из передней двери. Он объяснил, что необходимо было сделать наше присутствие явным. Мы наполовину обошли дом с его левой стороны. Шаг дона Хуана был исключительно медленным и неуверенным. Его рука тряслась, когда он держал лампу.

Я спросил его, что с ним случилось. Он мне подмигнул и прошептал, что большая бабочка, которая рыскает вокруг, имеет свидание с молодым человеком, и что медленная походка слабого старика была явным способом показать, с кем она встречается.

Когда мы наконец пришли к передней части дома, дон Хуан повесил лампу на балку и усадил меня спиной к стене. Сам он сел справа.

— Мы собираемся сидеть здесь, — сказал он. — а ты будешь писать и разговаривать со мной очень нормальным образом. Бабочка, которая бросилась на тебя сегодня, находится поблизости в кустах. Через некоторое время она подойдет поближе взглянуть на тебя. Вот почему я повесил лампу на балку прямо над тобой. Свет поможет бабочке найти тебя. Когда она подойдет к краю кустов, она позовет тебя. Это очень специфический звук. Звук сам по себе может помочь тебе.

— Что это за звук, дон Хуан?

— Это песня, навязчивый зов, который производят бабочки. Обычно его нельзя услышать, но бабочка, которая находится там в кустах — редкая бабочка. Ты будешь ясно слышать ее зов, и при условии, что ты будешь неуязвимым, он останется с тобой до конца твоей жизни.

— Чем он мне поможет?

— Сегодня ночью ты попытаешься закончить то, что ты начал раньше. «Видение» случается только тогда, когда воин способен останавливать внутренний диалог.

Сегодня ты своей волей остановил его там, в кустах. И ты «видел». То, что ты «видел», не было ясным. Ты думал, что это человек. Я говорю, что это была бабочка. Никто из нас не является правым, но это потому, что нам приходится говорить. Я, однако же, взял верх, потому что я «вижу» лучше, чем ты, поэтому я знаю, хотя это и не совершенно точно, что фигура, которую ты «видел» этим вечером, была бабочкой.

А сейчас ты останешься молчаливым и ничего не думающим и дашь этой бабочке прийти к тебе опять.

Я едва мог записывать. Дон Хуан засмеялся и попросил меня продолжать записывать, как если бы меня ничего не беспокоило. Он взял меня за руку и сказал, что делание заметок является самым лучшим защитным щитом, который у меня есть.

— Мы никогда не говорили про бабочек, — продолжал он. — время не соответствовало до сих пор. Как ты знаешь уже, твой дух был неуравновешен. Чтобы уравновесить его, я научил тебя жить способом воина. Воин начинает с уверенности, что его дух неуравновешен. Затем, живя в полном контроле и с сознанием, но без спешки или порывистости, он делает лучшее, чтобы достичь этого равновесия.

— В твоем случае, как в случае каждого человека, твое неравновесие было вызвано общей суммой всех твоих поступков. К настоящему времени твой дух, кажется, находится в надлежащем свете, чтобы говорить о бабочках.

— Откуда ты узнал, что это время, подходящее для того, чтобы говорить о бабочках?

— Я заметил отблеск бабочки, рыскавшей вокруг, когда ты приехал. Она в первый раз была дружелюбна и открыта. Я «видел» ее прежде, в горах около дома Хенаро. Но только как угрожающую фигуру, отражающую отсутствие у тебя порядка.

В этот момент я услышал странный звук. Он был похож на приглушенный треск ветвей, трущихся одна о другую, или как работа небольшого моторчика, который слышишь с отдаления. Он менял масштабы как музыкальный тон, создавая неуловимый ритм. Затем он прекратился.

— Это была бабочка, — сказал дон Хуан. — может быть, ты уже заметил, что хотя свет лампы достаточно яркий, чтобы привлекать бабочек, но ни одна из них не летает вокруг нее.

Я не обращал на это внимания, но после того, как дон Хуан указал мне на это, я также заметил невероятную тишину в пустыне вокруг дома.

— Не становись непоседливым, — сказал он. — в мире нет ничего такого, что воин не мог бы принять в расчет. Видишь ли, воин рассматривает себя уже мертвым, поэтому ему уже нечего терять. Самое худшее с ним уже случилось, поэтому он ясен и спокоен. Судя о нем по его поступкам или по его словам, никогда нельзя заподозрить, что он замечает все.

Слова дон Хуана, а еще больше все его настроение были для меня очень успокаивающими. Я рассказал ему, что в своей повседневной жизни я уже больше не испытывал того захватывающего страха, который я испытывал когда-то. Но что мое тело содрогается от испуга при одной мысли о том, что находится там в темноте.

— Там есть только знание, — сказал он как само собой разумеющееся. — знание пугающее, правда. Но если воин принимает пугающую природу знания, то он отбрасывает то, что оно пугает.

Странный ворчащий звук раздался снова. Он казался ближе и громче. Я внимательно слушал. Чем больше внимания я ему уделял, тем более трудно было определить его природу. Он не походил на крик птицы или крик животного. Оттенок каждого воркующего звука был богатым и глубоким. Некоторые звуки производились в низком ключе, другие — в высоком. Они имели ритм и особую длительность. Некоторые были длинными. Я слышал их как отдельные звуковые единицы. Другие были короткими и сливались вместе, словно звуки пулеметной очереди.

— Бабочки являются глашатаями или лучше сказать стражами вечности, — сказал дон Хуан после того, как звук прекратился. — по какой-то причине, или может быть вообще без всякой причины, они являются хранителями золотой пыли вечности.

Метафора была для меня незнакомой. Я попросил объяснить ее.

— Бабочки несут пыль на своих крыльях, — сказал он. — темно-золотую пыль. Эта пыль является пылью знания.

Его объяснение сделало метафору еще более смутной. Я некоторое время раздумывал, пытаясь наилучшим образом подобрать слова для вопроса, но он начал говорить вновь.

— Знание — это весьма особая вещь, — сказал он. — особенно для воина. Знание для воина является чем-то таким, что приходит сразу, поглощает его и проходит.

— Но какая связь между знанием и пылью на крыльях бабочек? — спросил я после долгой паузы.

— Знание приходит, летя как крупицы золотой пыли, той самой пыли, которая покрывает крылья бабочек. Поэтому для воина знание похоже на прием душа, или нахождение под дождем из крупиц темно-золотой пыли.

Так вежливо, как я только мог, я заметил, что его объяснения смутили меня еще больше. Он засмеялся и заверил меня в том, что говорит вполне осмысленные вещи, разве что мне мой рассудок не позволяет хорошо себя почувствовать.

— Бабочки были близкими друзьями и помощниками магов с незапамятных времен. Я не касался этого предмета раньше, потому что ты не был к нему готов.

— Но как может быть пыль на их крыльях знанием?

— Ты увидишь. Он положил руку на мой блокнот и сказал, чтобы я закрыл глаза и замолк, ни о чем не думая. Он сказал, что зов бабочки чапараля поможет мне. Если я уделю ему внимание, то он расскажет мне о необычных вещах. Он подчеркнул, что не знает, каким образом будет установлена связь между мной и бабочкой. Точно так же он не знает, каковы будут условия этой связи. Он велел мне чувствовать себя легко и уверенно и верить моей личной силе.

После первоначального периода беспокойства и нервозности я добился того, что замолчал, мои мысли стали уменьшаться в количестве до тех пор, пока ум не стал совершенно чистым. Когда я стал более спокоен, звуки в пустынном чапарале, казалось, включились.

Странный звук, который по словам дона Хуана производила бабочка, появился вновь. Он воспринимался как ощущение в моем теле, а не как мысль в уме. Я увидел, что он не является угрожающим или злым. Он был милым и простым. Он был похож на зов ребенка. Он вызвал воспоминание о маленьком мальчике, которого я когда-то знал. Длинные звуки напомнили мне о его круглой белой головке, короткое стаккато звуков — о его смехе. Очень сильное чувство охватило меня, и все же в голове у меня не было мыслей. Я чувствовал беспокойство в своем теле. Я не мог больше оставаться сидеть и соскользнул на пол на бок. Моя печаль была так велика, что я начал думать. Я взвесил свою боль и печаль и внезапно оказался в самой гуще внутренних споров о маленьком мальчике. Воркующий звук исчез. Мои глаза были закрыты. Я услышал, как дон Хуан поднялся, а затем почувствовал, как он помогает мне сесть. Разговаривать мне не хотелось. Он тоже не говорил ни слова. Я слышал его движения рядом со мной и открыл глаза. Он встал передо мной на колени и рассматривал мое лицо, держа около него лампу. Он велел мне положить руки на живот, а затем поднялся, пошел на кухню и принес воды. Часть ее он плеснул мне в лицо, а остальное дал выпить.

Он сел рядом со мной и вручил мне мои записки. Я рассказал ему, что звук увел меня в очень болезненные воспоминания.

— Ты индульгируешь выше собственных пределов, — сказал он сухо. Казалось, он погрузился в мысли, как бы подыскивая подходящую фразу.

— Проблема сегодняшней ночи в «видении» людей, — сказал он наконец. — сначала ты должен остановить свой внутренний диалог. Затем ты должен вызвать изображение того лица, которое ты хочешь «видеть». Любая мысль, которую держишь в уме в состоянии молчания, равносильна команде, поскольку там нет других мыслей, чтобы конкурировать с ней. Сегодня ночью бабочка в кустах хочет помочь тебе, поэтому она будет петь тебе. Эта песня принесет тебе золотую пыль, и ты «увидишь» человека, которого ты выберешь.

Я захотел узнать подробности, но он оборвал меня жестом и приказал мне продолжать.

После нескольких минут борьбы за остановку внутреннего диалога я стал совершенно тихим. Затем я произвольно задержал короткую мысль о моем друге. Я закрыл мои глаза, как мне показалось, всего лишь на мгновение и после этого я понял, что кто-то трясет меня за плечи. Я осознал это медленно. Я открыл глаза и понял, что я лежу на левом боку. По всей видимости, я заснул так глубоко, что даже не заметил, как упал на землю. Дон Хуан помог мне вновь сесть. Он засмеялся. Он изобразил мое храпение и сказал, что если бы он сам не видел, как это произошло, он никогда бы не поверил, что возможно так быстро заснуть. Он сказал, что для него очень забавно находиться рядом со мной в тот момент, когда я делаю что-либо, что мой рассудок не был способен понять. Он вырвал у меня записную книжку и сказал, что мы должны начать снова.

Я прошел необходимые ступени. Вновь я услышал странный воркующий звук. На этот раз, однако, он исходил не из чапараля, он, казалось, исходит изнутри меня, словно мои губы, мои ноги или руки издают его. Звук, казалось, поглотил меня. Я чувствовал, как будто какие-то мягкие шарики летели не то в меня, не то от меня. Это было успокаивающее, захватывающее ощущение, как будто тебя бомбардируют тяжелыми ватными мячиками. Внезапно я услышал, как ветер распахнул дверь, и опять начал думать. Я думал о том, как я испортил еще один шанс. Я открыл глаза и увидел, что нахожусь в своей комнате. Все

предметы на письменном столе лежали так же, как я их оставил. Дверь была открыта. Снаружи дул сильный ветер. Мне пришла в голову мысль, что нужно проверить кипятильник. Затем я услышал постукивание на окне. Которое я сам закрыл и которое плохо прилегало к раме. Это был отчаянный стук, как если бы кто-то хотел войти. Я ощутил потрясение испуга. Я поднялся с кресла и почувствовал, что кто-то тащит меня. Я закричал.

Дон Хуан тряс меня за плечи. Я возбужденно пересказал ему свое видение. Оно было столь живым, что я еще дрожал. Я ощущал себя так, как будто бы только что перенесся из-за своего письменного стола во плоти и крови.

Дон Хуан покачал головой с недоверием и сказал, что я гениален в том, как я себя дурачу. Его, казалось, не поразило то, что я сделал. Он просто отказался это обсуждать и приказал мне смотреть вновь.

Тогда я опять услышал мистический звук. Он приходил ко мне, как и сказал дон Хуан в виде дождя золотых крупинок. Я не ощущал, чтобы это были плоские пластинки или чешуйки, как он их описывал, а скорее как сферические пузырьки. Они плыли ко мне. Один из них разорвался, и я увидел сцену. Казалось, что она прыгнула пред моими глазами и раскрылась, открывая странный предмет. Он был похож на гриб. Я определенно смотрел на него, и то, что я испытывал, не было сном. Грибоподобный предмет оставался неизменным в поле моего зрения, а затем он подскочил, как если бы свет, который заливал его, был выключен. Последовал перерыв темноты. Я ощутил дрожь, очень неприятный толчок, а затем я внезапно понял, что меня трясут. Чувства мои сразу же включились. Дон Хуан сильно меня тряс, а я смотрел на него. Должно быть я только что открыл глаза в этот момент.

Он брызнул мне в лицо водой. Холод воды был очень резким. После секундной паузы он захотел узнать, что случилось. Я пересказал ему каждую деталь моего видения.

— Но что я «видел»? — спросил я.

— Твоего друга, — ответил он.

Я засмеялся и терпеливо объяснил, что я видел грибовидную фигуру, хотя у меня нет никаких критериев, чтобы судить о размерах, у меня было ощущение, что ее длина была около фута.

Дон Хуан подчеркнул, что только чувства здесь идут в счет. Он сказал, что мои чувства, которые настроили то состояние существа предмета, которое я видел.

— По твоему описанию и по твоим чувствам я могу заключить, что твой друг должен быть очень красивым человеком, — сказал он. Я был озадачен его словами.

Он сказал, что грибовидные образования были существенной формой человеческих существ, когда маг «видит» их на большом расстоянии. Но когда маг прямо смотрит на человека, которого он «видит», то человеческие качества проявляются как яйцевидное образование светящихся волокон.

— Ты не был лицом к лицу со своим другом, — сказал он, — поэтому он показался тебе грибом.

— Почему это так, дон Хуан?

— Никто не знает. Просто это тот способ, каким люди являются в этом особом виде «видения».

Он добавил, что каждая черта в грибовидном образовании имеет особое значение, что для начинающего невозможно точно истолковать, что и что значит.

Затем у меня было озадачившее меня воспоминание. Несколькими годами ранее в состоянии необычной реальности, вызванном приемом психотропных растений, я испытал или ощутил, глядя на водный поток, что ко мне плыли пузырьки, которые заглатывали меня. Те золотые пузырьки, которые я только что видел, летели ко мне и охватывали меня точно таким же образом. Фактически я мог сказать, что и те и другие пузырьки имели одинаковую структуру и одинаковый паттерн.

Дон Хуан выслушал мои комментарии без интереса.

— Не трать свою силу на мелочи, — сказал он. — ты имеешь дело с бесконечностью тем.

Движением руки он указал в сторону чапараля. — Если ты превратишь это величие в разумность, то ничего из этого не получишь. Здесь окружающее нас — сама вечность. И заниматься тем, чтоб уменьшать ее до управляемой чепухи, не только глупо, но и вредно.

Затем он настоял на том, чтобы я попытался «увидеть» другого человека из круга моих знакомых. Он сказал, что когда видение закончится, я должен постараться раскрыть глаза сам и пробиться на поверхность до полного осознания окружающего.

Я добился успеха в том, чтоб удержать вид другой грибообразной формы, но в то время, как первая была желтоватая и небольшая, вторая была беловатой, крупнее и более плотной.

К тому времени, как мы закончили разговор о тех двух формах, которые я «видел», я позабыл о «бабочке в кустах», которая настолько меня занимала совсем недавно до этого. Я

сказал дону Хуану, что меня удивляет, что я способен с такой легкостью отбрасывать нечто действительно необыкновенное. Казалось, я стал не тем лицом, которого я знал всегда.

— Не понимаю, почему ты устраиваешь из этого такой шум, — сказал дон Хуан.

— Всегда, когда диалог прекращается, мир разрушается и необычные грани нас самих выходят на поверхность, как если бы они где-то содержались под усиленной охраной наших слов. Ты такой, какой ты есть, потому что ты говоришь это себе.

После короткого отдыха дон Хуан попросил меня продолжать «вызывать» друзей. Он сказал, что важным пунктом здесь является постараться «видеть» так много раз, как только возможно для того, чтобы установить мостик для чувства.

Я вызвал тридцать двух человек по очереди. После каждой попытки он требовал тщательного и детального описания всего, что я ощутил в своем видении. Однако, он изменил эту процедуру когда я стал более удачливо выполнять ее. Судя по тому, что я останавливал внутренний диалог на несколько секунд, и потому, что я восстанавливал обычную деятельность без всякого перехода, я заметил это изменение в то время как мы обсуждали окраску грибовидных образований. Он уже указал на то, что окраска, как я ее называл, была не окраской, а сиянием различной интенсивности. Я уже собирался описать желтоватое сияние, которое только что видел, когда он прервал меня и точно описал, что именно я «видел». Начиная с этого момента, он описывал содержание каждого видения не так, как если бы он понял, что я сказал, но как если бы он «видел» его сам. Когда я попросил его прокомментировать это, он просто отказался говорить об этом вообще.

К тому времени, как я закончил вызывать тридцать двух человек, я сообразил, что «видел» большое разнообразие грибовидных форм и сияний, и испытал большое разнообразие чувств по отношению к ним, начиная от тихого восхищения, кончая откровенным отвращением.

Дон Хуан объяснил, что люди наполнены образованиями, которые могут быть желаниями, печалями, заботами и т.д. Он сказал, что только очень могучий маг может расшифровать значения этих образований и что я должен быть доволен тем, что просто вижу общую форму людей.

Я устал. Было что-то утомительное в этих странных формах. Моим ощущением в целом была неприятная усталость. Она мне не нравилась. Она заставляла меня чувствовать себя пойманным и обреченным.

Дон Хуан скомандовал мне писать для того, чтобы рассеять ощущение мрачного настроения. После долгого молчания, в течение которого я не мог ничего писать, он попросил меня вызвать тех людей, которых он сам будет выбирать.

Появилась новая серия форм. Они не были похожи на грибы, но похожи более на японские чашечки для сакэ, перевернутые вверх дном. У некоторых было образование, похожее на голову, как ножка у чашечки для сакэ, другие были более округлыми. Их очертания были приятными и спокойными. Я чувствовал, что в них заключалось какое-то врожденное чувство счастья или что-то вроде этого. Они парили, как бы не связанные с земным тяготением, которое приковывало к себе предыдущие формы. Каким-то образом уже один этот факт ослабил мою усталость.

Среди тех людей, которых он выбрал, был его ученик элихио. Когда я вызвал видение элихио, я ощутил толчок, который выбросил меня из состояния наблюдения. Элихио был длинной белой формой, которая дернулась, и, казалось, прыгнула на меня. Дон Хуан объяснил, что элихио очень талантливый ученик и что он без сомнения заметил, что кто-то «видит» его.

Другим в выборе дона Хуана был Паблито, ученик дона Хенаро. Потрясение, которое дало мне видение Паблито, было еще больше, чем потрясение от элихио.

Дон Хуан так сильно смеялся, что слезы потекли у него по щекам.

— Почему эти люди имеют другую форму? — спросил я.

— У них больше личной силы, — заметил он. — как ты мог заметить, они не привязаны к земле.

— Что им дало такую легкость? Они что такими родились?

— Мы все рождаемся такими легкими и парящими. Но становимся прикованными к земле и застывшими. Мы сами себя делаем такими. Поэтому можно, пожалуй, сказать, что эти люди имеют другую форму, потому что они живут как воины. Однако это не важно. Что сейчас важно, так это то, что ты подошел к грани. Ты вызвал сорок семь человек. И тебе осталось вызвать только одного, чтобы завершить полностью первоначальные сорок восемь.

В этот момент я вспомнил, что несколько лет назад он рассказывал мне в разговоре о магии зерна и о колдовстве, что количество ядрышек зерна, которые имеет маг, составляет сорок восемь. Он никогда не объяснял почему. Я спросил его вновь, почему сорок восемь.

— Сорок восемь — это наше число, — сказал он. — именно оно делает нас людьми. Я не знаю, почему. Не трать свою силу на идиотские вопросы.

Он поднялся и потянулся руками и ногами. Он сказал, чтобы я сделал так же. Я заметил, что на востоке появилась светлая полоска неба. Затем мы сели и он приложил свой рот мне к уху.

— Последний человек, которого ты собираешься вызвать, это Хенаро, настоящая звезда, — прошептал он.

Я почувствовал волну любопытства и возбуждения. Я прошел через все требуемые ступени. Странный звук с края чапараля стал живым и приобрел новую силу. Я почти забыл о нем. Золотые пузырьки охватили меня, а затем, в одном из них я увидел самого дона Хенаро. Он стоял передо мной, держа шляпу в руке. Он улыбался. Я поспешно раскрыл глаза и уже собирался заговорить с доном Хуаном, но прежде чем я успел сказать слово, мое тело отвердело как доска. Все волосы у меня поднялись торчком, и я долгое время не знал, что делать или что сказать. Дон Хенаро стоял прямо передо мной. Лично!

Я повернулся к дону Хуану. Он улыбался. Потом они оба громко расхохотались. Я тоже попытался смеяться, но не смог и поднялся.

Дон Хуан дал мне чашку воды. Автоматически я выпил ее. Я думал, что он плеснет мне воды в лицо, но вместо этого он опять наполнил мне чашку.

Дон Хенаро почесал голову и скрыл усмешку.

— Разве ты не собираешься поздороваться с Хенаро? — спросил дон Хуан.

От меня потребовались грандиозные усилия для того, чтобы организовать свои мысли и чувства. В конце концов я пробормотал дону Хенаро какие-то приветствия. Он поклонился.

— Ты звал меня, не так ли? — спросил он улыбаясь. Я выразил свое удивление от того, что вижу его стоящим тут.

— Он звал тебя, — вставил дон Хуан.

— Что ж, вот и я, — сказал дон Хенаро. — что я могу тебе сделать?

Медленно мой ум, казалось, организовался. И, наконец, ко мне пришло внезапное озарение. Мои мысли стали кристально чистыми, и я понял, что в действительности произошло. Я рассуждал, что дон Хенаро гостил у дона Хуана. И как только они услышали, что моя машина приближается, дон Хенаро убежал в кусты и оставался там, прячась, пока не стемнело. Я считал доказательства убедительными. Дон Хуан, поскольку это он, без сомнения, подстроил все дело, время от времени давал мне намеки, развертывая таким образом спектакль. В нужное время дон Хенаро дал мне заметить свое присутствие, а когда дон Хуан и я шли обратно к дому, он шел позади нас самым очевидным образом, чтобы увеличить мой страх. Затем он ожидал в чапарале и производил странные звуки, когда дон Хуан делал ему знак. Последний сигнал выйти из кустов должно быть был дан доном Хуаном в то время как мои глаза были закрыты, когда он попросил меня «вызвать» дона Хенаро. Тогда дон Хенаро, должно быть, поднялся на веранду и ждал, пока я открою свои глаза, чтобы испугать меня до потери сознания.

Единственным несоответствием в моей логической схеме объяснения было то, что я действительно видел, как человек, прятавшийся в кустах превратился в птицу и что в первый раз я увидел дона Хенаро в золотом пузыре. В моем видении он был одет точно так же, как в действительности. Поскольку я не находил логического способа объяснить все несоответствия, то я заключил, как я всегда делал в подобных случаях, что эмоциональный стресс мог сыграть важную роль в определении того, что «я считал, что видел».

Совершенно невольно я стал смеяться при мысли об их рассчитанной шутке. Я рассказал им о моих умозаключениях. Они раскатисто хохотали. Я честно считал, что их смех их выдает.

— Ты прятался в кустах, не так ли? — спросил я дона Хенаро.

Дон Хуан сел, держа свою голову обеими руками.

— Нет, я не прятался, — сказал дон Хенаро терпеливо. — я находился далеко отсюда, а потом ты позвал, и я пришел повидаться с тобой.

— Где ты был, дон Хенаро?

— Далеко.

— Как далеко?

Дон Хуан прервал меня и сказал, что дон Хенаро оказал мне любезность и что я не могу спрашивать его, где он был, потому что он был нигде.

Дон Хенаро стал на мою защиту и сказал, что все в порядке, и я могу его спрашивать о чем угодно.

— Но если ты не прятался около дома, то где ты был, дон Хенаро? — спросил я.

— Я был в моем доме, — сказал он с большой важностью.

— В центральной Мексике?

— Да. Это единственный дом, который у меня есть. Они взглянули друг на друга и опять расхохотались. Я знал, что они дурачат меня, но решил не копаться в этом вопросе дальше. Я подумал, что у них должна быть причина, чтобы производить такие сложные действия. Я сел.

Я чувствовал, что я поистине раздвоился. Одна часть меня совсем не была шокирована и могла принимать любые поступки дона Хуана или дона Хенаро за чистую монету. Но была также другая часть меня, которая совершенно отказывалась. Это была моя самая сильная часть. Моим сознательным заключением было то, что я принял описание мира магами, которое мне дал дон Хуан, только на интеллектуальной основе, в то время как мое тело, как целостность, отказывалось от него. В этом и была моя дилемма. Но затем, с годами моей связи с доном Хуаном и доном Хенаро, я испытал необычайные явления, и это уже был опыт тела, а не интеллектуальный опыт. Немного ранее, этой же ночью, я выполнил «бег силы», который с точки зрения моего интеллекта являлся невообразимым достижением, и более того, у меня были невероятные видения, появлявшиеся по моему желанию без всяких подручных средств.

Я объяснил им природу своей болезненной и в то же время оправданной затрудненности.

— Этот парень — гений, — сказал дон Хуан дону Хенаро, качая головой в недоверии — ты ужасный гений, Карлитос, — сказал дон Хенаро, как бы передавая мне поручение.

Они уселись по сторонам от меня, дон Хуан справа, а дон Хенаро слева. Дон Хуан заметил, что скоро будет утро. В этот момент я опять услышал зов бабочки. Он передвинулся. Звук шел с противоположного направления. Я посмотрел на них обоих, выдерживая их взгляд. Моя логическая схема начала распадаться. Звук обладал гипнотизирующей глубиной и богатством оттенков. Затем я услышал приглушенные шаги. Мягкие ноги, наступающие на сухую подстилку. Воркующий звук раздался ближе, и я прижался к дону Хуану. Он сухо велел мне «видеть» это. Я сделал огромное усилие не столько, чтобы угодить ему, сколько чтобы угодить себе. Я был уверен, что бабочкой был дон Хенаро, но дон Хенаро сидел рядом со мной. Но что же тогда было в кустах? Бабочка? Воркующий звук эхом отдавался у меня в ушах. Я не мог совершенно прекратить внутренний диалог. Я слышал звук, но не мог чувствовать его в своем теле, как делал это раньше. Я слышал отчетливые шаги. Что-то приближалось в темноте. Послышался громкий треск, как будто кто-то наступил на сухую ветку и внезапно ужасающее воспоминание охватило меня. Несколько лет назад я провел ужасную ночь в диких горах и подвергся нападению чего-то очень легкого и мягкого, которое вновь и вновь наступало мне на шею, в то время как я лежал, скорчившись на земле. Дон Хуан объяснил это событие как встречу с «олли», мистической силой, которую маг выучивается воспринимать как существо.

Я плотнее прислонился к дону Хуану и прошептал о том, что я вспомнил. Дон Хенаро на четвереньках подполз к нам, чтобы быть поближе.

— Что он сказал? — спросил он дона Хуана шепотом.

— Он сказал, что там в кустах олли, — ответил тот тихо.

Дон Хенаро отполз обратно и сел. Затем он повернулся ко мне и сказал громким шепотом: «ты — гений».

Они тихонько засмеялись. Движением подбородка дон Хенаро показал на чапараль.

— Пойди туда и схвати ее. Сними одежду и изгони из этого олли дьявола.

Они затряслись от смеха. Звук тем временем исчез. Дон Хуан приказал мне прекратить мысли, но оставить глаза открытыми, сфокусированными на крае чапараля передо мной. Он сказал, что бабочка меняет свое положение из-за того, что тут находится дон Хенаро, и что если она собирается показаться мне, то она выберет для этого место прямо передо мной.

После секундной борьбы успокоить мысли я опять услышал звук. Он был богаче, чем когда-либо. Сначала я услышал приглушенные шаги по сухим веткам, а затем я ощутил их на своем теле. В этот момент я различил темную массу прямо перед собой на краю чапараля.

Я чувствовал, что меня трясут. Дон Хуан и дон Хенаро стояли передо мной, а я находился на коленях, как если бы я заснул в скорченном положении. Дон Хуан дал мне воды, и я сел опять, прислонившись спиной к стене. Вскоре рассвело. Чапараль, казалось, проснулся. Утренний холодок был освежающим и бодрящим.

Бабочка не была доном Хенаро. Мое разумное построение распадалось. Я больше не хотел задавать вопросы, но и молчать я не хотел. В конце концов мне пришлось заговорить.

— Но если ты был в центральной Мексике, дон Хенаро, то как ты попал сюда?

Дон Хенаро сделал какой-то непонятный и невероятно смешной жест ртом.

— Прости, — сказал он мне. — мой рот не хочет разговаривать.

Затем он повернулся к дону Хуану и сказал улыбаясь:

— Почему ты не расскажешь ему?

Дон Хуан поколебался, а затем сказал, что дон Хенаро как прекрасный артист магии способен на невероятные дела.

Грудь дона Хенаро выпятилась, как будто слова дона Хуана надували ее. Казалось, он вдохнул так много воздуха, что грудная клетка стала в два раза больше. Он, казалось вот-вот взлетит. Он подпрыгнул в воздух. У меня было такое ощущение, что воздух внутри его легких заставил его прыгнуть. Он прошелся взад-вперед по земляному полу до тех пор, пока, видимо, не овладел своей грудной клеткой. Он погладил ее и с большой силой пробежал ладонями рук от грудных мышц к животу, как будто выжимая воздух через внутреннюю трубу. Наконец, он уселся. Дон Хуан улыбался. Его глаза светились откровенным удовольствием.

— Пиши свои заметки, — приказал он мягко. — пиши, пиши, или ты умрешь!

Затем он заметил, что даже дон Хенаро больше не воспринимает мое записывание как нечто столь неземное.

— Это верно, — бросил дон Хенаро. — я подумал о том, чтобы начать писать самому.

— Хенаро — человек знания, — сказал дон Хуан сухо. — а будучи человеком знания, он вполне способен переносить себя на огромные расстояния.

Он напомнил мне, что однажды, несколько лет назад, мы трое были в горах, и дон Хенаро, в попытке помочь мне преодолеть свой глупый рассудок, совершил огромный прыжок на вершины гор, находившихся в десяти милях он нас. Я помнил это событие, но я помнил также, что не мог даже признать того, что он прыгнул.

Дон Хуан добавил, что в определенное время дон Хенаро способен выполнять необычные задачи.

— В определенное время Хенаро — это не Хенаро, а его дубль.

Он повторил это три-четыре раза. Затем они оба стали следить за мной, как бы ожидая моей запоздалой реакции. Я не понял, что он имел в виду под словами «его дубль». Он никогда не упоминал этого раньше. Я попросил разъяснений.

— Есть другой Хенаро, — объяснил он. Мы все трое посмотрели друг на друга. Я очень встревожился. Движением глаз дон Хуан велел мне продолжать разговаривать.

— У тебя есть брат-двойник? — спросил я, поворачиваясь к дону Хенаро.

— Конечно, — сказал он, — у меня есть двойник.

Я не мог определить, шутят они надо мной или нет. Оба они хихикали с беззаботностью детей, которые делают какую-то шалость.

— Можно сказать, — продолжал дон Хуан, — что в настоящий момент Хенаро — это его двойник.

Это заявление повалило их обоих на землю от хохота. Но я не мог примкнуть к их веселью. Мое тело невольно дрожало. Дон Хуан сказал жестким тоном, что я слишком тяжел и слишком ощущаю важность самого себя.

— Отпустись, — скомандовал он сухо. — ты знаешь, что Хенаро маг и неуязвимый воин, поэтому он способен выполнять дела, которые были бы немыслимы для среднего человека. Его двойник — другой Хенаро — одно из его дел.

Я был бессловесен. Я не мог воспринять, что они просто надо мной шутят.

— Для воина, подобного Хенаро, — продолжал он, — произвести другого не такая уж далеко идущая задача.

После долгих раздумий, что сказать теперь, я спросил:

— А тот, другой, такой же как он сам?

— Другой и есть он сам, — ответил дон Хуан.

Его объяснение приняло невероятный поворот и, однако же, оно не было более невероятным, чем все то, что они делали.

— А из чего сделан другой? — спросил я дона Хуана после минутной нерешительности.

— Этого невозможно знать, — сказал он.

— Он реален или просто иллюзия?

— Реален, конечно.

— Можно ли тогда сказать, что он сделан из плоти и крови?

— Нет это было бы невозможно, — ответил дон Хенаро.

— Но если он такой же реальный, как я...

— Такой же реальный как ты, — дон Хуан и дон Хенаро вставили в один голос они взглянули друг на друга и смеялись, пока я не подумал, что им станет плохо. Дон Хенаро бросил свою шляпу на пол и танцевал вокруг нее. Его танец был сложным, грациозным и по какой-то совершенно необъяснимой причине очень смешным. Наверное юмор был в исключительно «профессиональных"движениях, которые он выполнял. Несоответствие было столь тонким и в то же время было столь заметным, что я скорчился от смеха.

— Беда с тобой, Карлитос, — сказал он после того, как сел вновь, — состоит в том, что ты гений.

— Я должен узнать о дубле, — сказал я.

— Невозможно узнать, состоит ли он из плоти и крови, — сказал дон Хуан, — потому что он не такой же реальный как и ты. Дубль Хенаро такой же реальный как Хенаро, видишь, что я имею в виду?

— Но ты должен признать, дон Хуан, что должен быть способ узнать.

— Дубль — это он сам. Это объяснение должно удовлетворять. Если бы ты «видел» однако, то ты бы знал, что есть очень большая разница между Хенаро и его дублем. Для мага, который «видит», дубль ярче.

Я чувствовал себя слишком слабым, чтобы задавать еще вопросы. Я положил блокнот и на мгновение мне показалось, что я сейчас потеряю сознание. Поле зрения мое сузилось, став как бы туннелем. Все вокруг было темно за исключением круглого пятна ясной видимости прямо перед глазами.

Дон Хуан сказал, что мне надо поесть. Я не был голоден. Дон Хенаро заявил, что он умирает от голода, встал и отправился в заднюю часть дома. Дон Хуан тоже поднялся и сделал мне знак идти следом. На кухне дон Хенаро положил себе еды, а затем погрузился в крайне комическое изображение человека, который хочет есть, но не может проглотить. Я думал, что дон Хуан сейчас умрет. Он рычал, брыкал ногами, кричал, кашлял и задыхался от смеха. Мне казалось, что я тоже сейчас надорву себе бока. Игра дона Хенаро была бесценной.

Наконец он отказался от своих попыток и взглянул по очереди на дона Хуана и на меня. Его блестящие глаза излучали улыбку.

— Не помогает, — сказал он, пожимая плечами.

Я съел огромное количество пищи так же, как и дон Хуан. Затем все мы вернулись на веранду перед домом. Солнечный свет был очень яркий, небо было чистым и утренний ветерок освежал. Я чувствовал себя сильным и счастливым. Мы сели треугольником лицом друг к другу. После вежливого молчания я попросил их прояснить мою проблему. Я опять чувствовал себя в отличной форме и хотел использовать свою силу.

— Расскажи мне еще о дубле, дон Хуан, — попросил я.

Дон Хуан указал на дона Хенаро, и дон Хенаро поклонился.

— Вот он, — сказал дон Хуан. — тут нечего говорить. Он здесь, ты можешь смотреть на него.

— Но он — дон Хенаро, — сказал я и пожал плечами. — Что же тогда дубль, дон Хенаро? — спросил я.

— Спроси его, — сказал он указывая на дона Хуана. — он тот, кто разговаривает, а я — немой.

— Дубль — это сам маг, развившийся через его сновидения, — объяснил дон Хуан. — Дубль — это действие силы для мага, но только сказка о силе для тебя. В случае с Хенаро его дубль не отличим от оригинала. Это потому, что его неуязвимость как воина — наивысшая. Поэтому сам ты никогда не замечал разницы. Но за те годы, которые ты его знаешь, ты был с оригинальным Хенаро только дважды. Все остальное время ты был с его дублем.

— Но это противоестественно! — воскликнул я.

Я чувствовал, что в груди у меня растет тревога, я так возбудился, что уронил блокнот, и мой карандаш куда-то закатился. Дон Хуан и дон Хенаро практически нырнули на землю и начали чрезвычайно преувеличенные поиски его. Я никогда не видел более поразительного представления театрального фокусника с ассистентом. Разве что здесь не было сцены или декорации, или любого типа реквизита и скорее всего исполнители не применяли при этом хитрость рук.

Дон Хенаро, главный фокусник и его ассистент дон Хуан в несколько секунд извлекли поразительное разнообразие самых невероятных предметов, которые они находили под или за, или над любым объектом, находящимся на веранде.

В стиле эстрадного фокусника ассистент раскладывал предметы, которые в данном случае были несколькими вещами на грязном полу: камни, мешки, куски дерева, молочная фляга, лампа и мой пиджак. Затем фокусник дон Хенаро приступал к поискам предмета, который он выбрасывал как только убеждался, что это не мой карандаш. Коллекция найденных предметов включала одежду, парики, очки, игрушки, поварешку, шестерни машин, женское нижнее белье, человеческие зубы, сэндвичи и религиозные предметы. Один из них был совершенно отвратителен — это был кусок плотных человеческих экскрементов, который дон Хенаро извлек из-под моего пиджака. Наконец, дон Хенаро нашел мой карандаш и вручил его мне после того, как обтер с него пыль полой своей рубашки. Они отметили свою

клоунаду криками и смехом. Я оказался наблюдающим, который не мог к ним присоединиться.

— Не принимай вещи так серьезно, Карлитос, — сказал дон Хенаро с оттенком участия. — иначе ты сделаешь...

Он сделал смешной жест, который мог означать все, что хочешь.

После того, как утих их смех, я спросил у дона Хенаро, что дубль делает или что маг делает своим дублем. Дон Хуан ответил. Он сказал, что дубль имеет силу и что она используется для того, чтобы выполнять задачи, которые были бы невообразимы в обычных условиях.

— Я уже неоднократно говорил тебе, что мир неизмерим, — сказал он мне. — И точно также мы, и точно также каждое существо, которое существует в мире. Поэтому невозможно представить дубля разумом, однако, тебе было позволено смотреть на него, и это должно быть более чем достаточно.

— Но есть же какой-нибудь способ говорить о нем? — сказал я.

— Ты сам говорил мне, что ты объяснил свой разговор с оленем для того, чтобы говорить со мной. Не можешь ли ты то же самое сделать с дублем?

Он помолчал. Я упрашивал его. Нетерпение, которое я испытывал, было несравнимо ни с чем, через что я прошел.

— Что же, маг может раздвоиться, — сказал дон Хуан. — это все, что можно сказать.

— Но осознает ли он, что он раздвоился?

— Конечно, он осознает это.

— Он знает, что он одновременно в двух местах?

Они оба посмотрели на меня и обменялись взглядами.

— Где другой дон Хенаро? — спросил я.

Дон Хенаро наклонился ко мне и уставился мне в глаза.

— Я не знаю, — сказал он мягко. — ни один маг не знает, где находится его другой.

— Хенаро прав, — сказал дон Хуан. — у мага нет данных о том, что он находится в двух местах сразу. Ощущать это было бы равносильно тому, чтобы встретиться со своим дублем лицом к лицу, а маг, который сталкивается лицом к лицу с самим собой — мертвый маг. Таков закон. Таким образом сила расположила вещи. И никто не знает почему.

Дон Хуан объяснил, что к тому времени, как воин победит сновидение и видение и разовьет дубля, он должен также преуспеть в стирании личной истории, важности самого себя и распорядка жизни. Он сказал, что вся та техника, которой он меня обучил и которую я рассматривал как пустой разговор, являлась в сущности средствами для устранения непрактичности существования дубля в обычном мире, и заключалась в том, чтобы сделать меня самого и мир текучим, поместив все это за пределы предсказания.

— Текучий воин не может больше иметь мир в хронологическом порядке, — объяснил дон Хуан. — и для него мир и он сам не являются больше предметами. Он — светящееся существо в светящемся мире. Дубль — это простое дело для мага, потому что он знает, что делает. Записывание — это простое дело для тебя, но ты все еще пугаешь Хенаро своим карандашом.

Может ли сторонний наблюдатель, глядя на мага, видеть, что он находится в двух местах одновременно? — спросил я дона Хуана.

— Конечно, это было бы единственным способом узнать.

— Но разве нельзя логически заключить, что маг тоже может заметить, что он находится в двух местах?

— Ага! — воскликнул дон Хуан. — на этот раз ты прав. Маг конечно, может заметить впоследствии, что он был в двух местах сразу. Но это только регистрация, и она никак не соотносится с тем фактом, что пока он действует, он не ощущает свою двойственность.

Мои мысли путались. Я чувствовал, что если я перестану писать, то я взорвусь.

— Подумай вот о чем, — продолжал он. — мир не отдается нам прямо. Между ним и нами находится описание мира. Поэтому правильно говоря, мы всегда на один шаг позади, и наше восприятие мира всегда только воспоминание о его восприятии. Мы вечно вспоминаем тот момент, который только что прошел. Мы вспоминаем, вспоминаем, вспоминаем — он покрутил рукой, давая мне почувствовать, что он имеет в виду.

— Но если весь наш опыт мира — это воспоминание, тогда совсем не будет странно заключить, что маг может быть в двух местах сразу. Не то, чтобы с точки зрения его собственного восприятия, потому что для того, чтобы воспринимать мир, маг подобно любому другому человеку, должен вспоминать поступок, который он только что совершил, события, свидетелем которых он был, опыт, который только что пережил. В его сознании только одно воспоминание, но для стороннего наблюдателя смотрящего на мага, может казаться, что маг действует одновременно в двух различных эпизодах. Маг, однако,

вспоминает два отдельных единых мгновения, потому что клей его описания времени не связывает его больше!

Когда дон Хуан закончил говорить, я был уверен, что у меня поднимается температура.

Дон Хенаро рассмотрел меня любопытными глазами.

— Он прав, — сказал он. — мы всегда на один прыжок позади.

Он стал двигать руками так, как перед этим делал дон Хуан. Его тело начало дергаться, и он отпрыгнул назад сидя. Казалось, у него была икота и каждый ик заставлял его тело прыгнуть назад. Он начал двигаться назад, прыгая на заду, и пропрыгал до конца веранды, а потом обратно.

Вид дона Хенаро, прыгающего назад на ягодицах вместо того, чтобы быть забавным, как это должно было быть, привел меня в такой ужас, что дону Хуану пришлось меня несколько раз ударить костяшками пальцев по лбу.

— Я просто не могу ухватить всего этого, — сказал я.

— И я тоже не могу, — ответил дон Хуан, пожимая плечами.

— И я тоже не могу, дорогой Карлитос, — добавил дон Хенаро.

Моя усталость, весь объем чувственных восприятий, то настроение легкости и юмора, которое превалировало, и клоунада дона Хенаро были слишком большой нагрузкой для моих нервов. Я не мог прекратить возбуждения в мышцах моего живота.

Дон Хуан заставил меня покататься по земле до тех пор, пока я не восстановил свое спокойствие. Затем я опять сел, глядя на них.

— Дубль материален? — спросил я дона Хуана после долгого молчания.

Они посмотрели на меня.

— Есть ли у дубля материальное тело? — спросил я.

— Определенно, — сказал дон Хуан. — плотность, материальность — это воспоминания. Поэтому, как и все остальное, что мы ощущаем в мире, они являются той памятью, которую мы накапливаем. Память об описании. У тебя есть память о коммуникации посредством слов. Поэтому ты разговаривал с койотом и ощущаешь меня, как материального.

Дон Хуан пододвинул ко мне свое плечо и слегка толкнул меня.

— Потрогай меня, — сказал он.

Я похлопал, а затем обнял его. Я был близок к слезам.

Дон Хенаро поднялся и подошел ко мне поближе. Он был похож на маленького ребенка с блестящими шаловливыми глазами. Он надул губы и долго смотрел на меня.

— А как же я? — спросил он, пытаясь скрыть улыбку. — разве ты не собираешься меня тоже обнять?

Я поднялся и вытянул руки, чтоб коснуться его. Мое тело, казалось, застыло на месте, у меня не было сил двинуться. Я попытался свои руки заставить коснуться его, но моя борьба была напрасной. Дон Хуан и дон Хенаро стояли рядом, наблюдая за мной. Я чувствовал, что мое тело сотрясается под неизвестной тяжестью.

Дон Хенаро сел и притворился обиженным, потому что я его не обнял. Он скреб землю пятками и пинал ее ногами, затем оба они покатились со смеху.

Мышцы моего живота дрожали, заставляя сотрясаться все мое тело. Дон Хуан отметил, что я двигаю головой так, как он рекомендовал мне ранее. И что это шанс успокоиться, отражая луч света уголками глаз. Он силой вытащил меня из-под крыши веранды на открытый участок и повернул мое тело в такое положение, чтобы на глаза попадал солнечный свет, идущий с востока. Но к тому времени, как он установил мое тело, я перестал дрожать. Я заметил, что сжимаю свой блокнот, только после того, как дон Хенаро сказал, что тяжесть бумаги заставляет меня дрожать.

Я сказал дону Хуану, что мое тело толкает меня уехать. Я помахал рукой дону Хенаро. Я не хотел дать им времени уговорить себя.

— До свидания, дон Хенаро, — закричал я. — мне сейчас нужно ехать.

Он помахал мне в ответ. Дон Хуан прошел со мной несколько метров к машине.

— У тебя тоже есть дубль, дон Хуан? — спросил я.

— Конечно! — воскликнул он.

В этот миг мне пришла в голову сводящая с ума мысль. Я хотел отбросить ее и поспешно уехать, но что-то внутри меня не давало покоя. В течение многих лет нашей связи для меня стало обычным, что каждый раз, когда я хотел видеть дона Хуана, мне нужно было просто приехать в сонору или в центральную Мексику, и я всегда находил его, ожидающим меня. Я научился принимать это как само собой разумеющееся, и до сих пор мне никогда не приходило в голову что-либо думать об этом.

— Скажи мне что-нибудь, дон Хуан, — сказал я полушутя. — ты — сам, или ты — твой дубль?

Он наклонился ко мне улыбаясь. «Мой дубль», — прошептал он.

Мое тело взметнулось в воздух, как будто меня подбросили с ужасающей силой. Я помчался к своей машине.

— Я просто пошутил, — сказал дон Хуан громким голосом. — ты еще не можешь уехать, ты еще должен мне пять дней.

Они оба побежали к моей машине, пока я выруливал. Они хохотали и подпрыгивали.

— Карлитос, вызывай меня в любое время, — закричал дон Хенаро.

2. ВИДЯЩИЙ СОН И ВИДИМЫЙ ВО СНЕ

Я подъехал к дому дона Хуана и прибыл туда ранним утром. Ночь я провел в мотеле так, чтобы выехать с рассветом и приехать к его дому до полудня. Дон Хуан был в задней части дома и вышел ко мне, когда я его позвал. Он тепло меня приветствовал и выразил, что рад видеть меня. Он сделал замечание, которое, как я думал, должно было заставить меня почувствовать себя легко, но произвело противоположное действие.

— Я слышал, что ты подъезжаешь, — сказал он и улыбнулся. — и убежал в заднюю часть дома. Я боялся, что если я останусь здесь, то ты испугаешься. Он заметил, что я мрачен и тяжел. Он сказал, что я напоминаю ему элихио, который был достаточно угрюм, чтобы быть хорошим магом, но слишком угрюм, чтобы стать человеком знания. Он сказал, что единственным способом отразить разрушающее действие мира магов, будет смеяться над ним.

Он был прав в своей оценке моего настроения. Я действительно был озабочен и испуган. Мы отправились в длинную прогулку. Понадобилось несколько часов, чтобы мои чувства успокоились. Прогулка с ним дала мне более хорошее самочувствие, чем если бы он попытался разговором развеять мою мрачность.

Мы вернулись к его дому в конце дня. Я был голоден. Поев, мы уселись на его веранде. Небо было чистым, дневной свет навевал покой, я хотел разговаривать.

— Я несколько месяцев чувствовал себя не в своей тарелке, — сказал я. — было что-то очень пугающее в том, что делали вы с доном Хенаро в последний раз, когда я здесь был

Дон Хуан ничего не сказал. Он поднялся и обошел вокруг веранды.

— Я должен поговорить об этом, — сказал я. — это ставит меня в тупик, и я не могу перестать размышлять об этом.

— Ты боишься? — спросил он.

Я не боялся, но был ошеломлен, перегружен тем, что я увидел и услышал. Дыры в моем рассудке были такими гигантскими, что я должен был или чинить их или выбросить свой рассудок совершенно.

Мои замечания рассмешили его.

— Не выбрасывай пока что свой рассудок, — сказал он. — не время для этого. Хотя это и произойдет, но я не думаю, что сейчас как раз тот момент.

— Нужно ли мне пытаться найти объяснение тому, что случилось?

— Конечно, — ответил он. — это твой долг — успокоить свой ум. Воины выигрывают свои битвы не потому, что они бьются головой об стенку, а потому что они берут эти стены. Они не преуменьшают их.

— Как же я могу перепрыгнуть через эту? — спросил я.

— Рассматривать все таким образом, — сказал он, садясь рядом со мной. — Есть три рода плохих привычек, которыми мы пользуемся вновь и вновь, когда встречаемся с необычными жизненными ситуациями. Во-первых, мы можем отрицать то, что происходит или произошло, и чувствовать, что этого как бы вообще никогда не было.

Это путь фанатика. Второе — мы можем все принимать за чистую монету, как будто мы знаем, что происходит. Это путь набожного человека. Третье — мы можем приходить в замешательство перед событием, потому что мы и не можем его отбросить, и не можем чистосердечно принять. Это путь дурака. Твой путь — есть четвертый: правильный — путь воина. Воин действует так, как если бы никогда и ничего не случалось, потому что он ни во что не верит. И однако же, он принимает все за чистую монету. Он принимает, не принимая, и отбрасывает, не отбрасывая. Он никогда не чувствует себя знающим и в то же время он никогда себя не чувствует так, как если бы никогда ничего не случалось. Он действует так, как будто он в полном контроле, даже хотя у него может быть сердце ушло в пятки. Если действуешь таким образом, то замешательство рассеивается. Мы долгое время молчали. Слова дона Хуана были для меня подобны бальзаму.

— Могу я говорить о доне Хенаро и его дубле? — спросил я.

— Это зависит от того, что ты хочешь сказать о нем, — ответил он. — ты хочешь индульгировать в том, что ты в замешательстве?

— Я хочу индульгировать в объяснениях, — сказал я. — я в замешательстве потому, что не смел прийти тебя увидеть и не мог поговорить о своих затруднениях и сомнениях с кем-либо.

— Разве ты не говоришь со своими друзьями?

— Я говорю, но как они могут мне помочь?

— Я никогда не думал, что тебе нужна помощь. Ты должен культивировать чувство, что воин не нуждается ни в чем. Ты говоришь, что тебе нужна помощь. Помощь в чем? У тебя есть все необходимое для того экстравагантного путешествия, которым является твоя жизнь. Я пытался научить тебя тому, что реальным опытом должен быть человек, и что то, что важно, так это быть живым. Жизнь — маленькая прогулка, которую мы предпринимаем сейчас, жизнь сама по себе достаточна, сама себя объясняет и заполняет.

Воин понимает это и живет соответственно. Поэтому можно сказать, без предвзятости, что опыт всех опытов — это быть воином.

Казалось, он ждал, что я что-нибудь скажу. Я секунду колебался. Я хотел тщательно подобрать слова.

— Если воину нужно утешение, — продолжал он. — он просто выбирает любого и выражает этому человеку все детали своего замешательства. В конце концов воин не ищет того, чтобы его поняли или помогли. Говоря, он просто снимает с себя свой груз. Но это при том условии, что у воина есть талант к разговору. Если у него нет такого таланта, то он не говорит ни с кем. Но ты живешь не совсем как воин, по крайней мере пока что. И провалы, которые ты встречаешь, должны действительно быть монументальными. Я тебе сочувствую.

Он не был рассеянным или поверхностным. Судя по участию в его глазах, казалось, он находился здесь сам собой. Он поднялся и погладил меня по голове. Пройдя взад-вперед по веранде, он спокойно осмотрел чапараль вокруг дома. Его движения пробудили во мне чувство беспокойства.

Для того, чтобы расслабиться, я начал говорить о своей проблеме. Я чувствовал, что для меня уже абсолютно поздно притворяться невинным наблюдателем. Под его руководством я натренировался достигать странных восприятий, таких как «остановка внутреннего диалога» и контролирование своих снов. Это были такие моменты, которые нельзя было подстроить или сбросить с весов. Я следовал его советам, хотя и не всегда буквально, и частично преуспел в разрушении распорядка дня, принятия ответственности за свои поступки, стирании личной истории и, наконец, пришел к тому, что несколько лет назад приводило меня в ужас. Я смог оставаться один без нарушения моего физического или эмоционального самочувствия. Пожалуй, это был мой единственный наиболее поразительный триумф. С точки зрениях моих прежних предположений и настроений, находиться в одиночестве и «не сойти с ума» было немыслимым состоянием. Я остро чувствовал все изменения, которые произошли в моей жизни и в моем взгляде на мир. И я осознавал также, что быть настолько затронутым откровением дона Хуана и дона Хенаро о дубле, является в какой-то мере чрезмерным.

— Что со мной не так, дон Хуан? — спросил я.

— Ты индульгируешь, — бросил он. — ты считаешь, что индульгировать в сомнениях и размышлениях, это признак чувствительного человека. Что ж, истина состоит в том, что ты дальше всего находишься от того, чтобы быть чувствительным. Поэтому зачем же притворяться? Я говорил тебе в тот день, что воин принимает в смирении то, что он есть.

— Твои слова звучат так, как если бы я намеренно вводил себя в заблуждение, — сказал я.

— Мы намеренно вводим себя в заблуждение, — сказал он. — мы осознаем свои поступки. Наш умишко намеренно превращает себя в монстра, которым он себя считает. Однако, он слишком мал для такой большой формы.

Я объяснил ему, что моя проблема, пожалуй, более сложна, чем то, во что он ее превращает.

Я сказал, что до тех пор, пока он и дон Хенаро были людьми, подобными мне, их высший контроль делал их моделями для моего собственного поведения. Но если они являются людьми в сущности совершенно отличными от меня, то я не могу больше воспринимать их как модели, а только как странности, которым я, конечно, не могу подражать.

— Хенаро — человек, — сказал дон Хуан ободряющим тоном. — правда, он уже больше не такой же человек как ты, но это его достижение и это не должно возбуждать в тебе страх. Если он другой, то тем больше причин восхищаться им.

— Но его отличие, это нечеловеческое отличие, — сказал я.

— А что же, ты думаешь, это есть? Различие между человеком и лошадью?

— Не знаю, но он не такой как я.

— Однако, одно время он был таким.

— Не могу ли я понять его изменения?

— Конечно, ты сам меняешься.

— Ты хочешь сказать, что я разовью дубля?

— Никто не развивает дубля. Это просто способ говорить об этом. Ты из-за всех своих разговоров, являешься мешком слов. Ты — в сетях их значений. Сейчас ты думаешь, что дубля развивают какими-нибудь злыми чарами, я полагаю. Все мы, светящиеся существа, имеем дубля. Все мы! Воин учится осознавать это, и все. Есть, видимо, непереходимые барьеры, охраняющие это осознание, но этого можно было ожидать. Эти барьеры являются тем, что делает такое осознание уникальной задачей.

— Почему я этого так боюсь, дон Хуан?

— Потому что ты думаешь, что дубль это то, что говорят слова. Двойник, или другой ты. Я выбираю эти слова, чтобы описать это. Дубль — это ты сам. И к нему нельзя подходить никаким другим образом.

— Что если я не хочу его иметь?

— Дубль — это не дело личного выбора. Точно также, как не от личного выбора зависит, кто отбирается учиться знанию магов, которое ведет к такому осознанию. Ты когда-нибудь задавал себе вопрос, почему именно ты?

— Все время. Я сотни раз задавал тебе этот вопрос, но ты так и не ответил.

— Я не имел в виду, что ты должен задавать этот вопрос как требующий ответа. А в смысле размышления воина над его огромной удачей. Удачей от того, что он нашел вызов.

— Превратить это в обыкновенный вопрос — это средство обычных рассудительных людей, которые хотят, чтобы ими или восхищались, или чтобы их жалели. Я не интересуюсь такого рода вопросом, потому что нет способа ответить на него. Решение выбрать тебя было решением силы. Никто не может изменить планов силы. Теперь, когда ты выбран, ты уже ничего не можешь сделать, чтобы остановить выполнение этого плана.

— Но ты сам мне говорил, дон Хуан, что всегда можно упасть.

— Это верно. Всегда можно упасть. Но я думаю, что ты имеешь в виду что-то другое. Ты хочешь найти путь к отступлению. Ты хочешь иметь свободу упасть и закончить все на собственных условиях. Слишком поздно для этого. Воин находится в руках силы и его единственная свобода заключается в том, чтобы избрать неуязвимую жизнь. Нет никакого способа разыграть победу или поражение. Твой рассудок может хотеть, чтобы ты упал и проиграл битву совершенно, чтобы отказаться от целостности себя. Но есть контрмера, которая не позволит тебе провозгласить ложную победу или ложное поражение. Если ты думаешь, что можешь отступить в гавань поражения, то ты не в своем уме. Твое тело будет стоять на страже и не позволит тебе пойти этим путем. Он начал мягко смеяться.

— Почему ты смеешься? — спросил я.

— Ты в ужасном положении, — сказал он. — Для тебя слишком поздно возвращаться, но слишком рано действовать. Все, что ты можешь — это только наблюдать. Ты в жалком положении ребенка, который не может вернуться в материнское чрево, но в то же время не может ни побегать вокруг, ни действовать. Все, что может ребенок, это наблюдать и слушать поразительные рассказы о действиях, которые ему рассказывают. Ты сейчас как раз в таком положении. Ты не можешь вернуться в чрево своего прежнего мира, но в то же время ты и не можешь действовать с силой. Для тебя есть только наблюдение за поступками силы и выслушивание сказок, сказок о силе.

— Дубль — это одна из этих сказок. Ты это знаешь и именно поэтому твой рассудок этим настолько захвачен. Ты бьешься головой о стену, если притворяешься понимающим. Все, что я могу об этом сказать в виде объяснения, так это то, что дубль, хотя к нему и приходят через сновидения, настолько реален, насколько это только может быть.

— Согласно тому, что ты мне рассказал, дон Хуан, дубль может совершать поступки. Может ли в таком случае дубль?..

Он не дал мне закончить мою линию мысли. Он напомнил мне, что неуместно говорить, что это он рассказал мне о дубле, если я могу сказать, что видел его сам.

— Конечно, дубль может совершать поступки, — сказал я.

— Конечно! — ответил он.

— Но может ли дубль действовать от самого себя?

— Это он сам, проклятие! Мне было очень трудно объяснить свою мысль. Я хотел сказать, что если маг может совершать два поступка одновременно, то его способность к утилитарному производству удваивается. Он может работать на двух работах, быть в двух местах, видеть двух людей и т.д. сразу. Дон Хуан терпеливо слушал.

— Позволь мне сказать так, — продолжал я. — гипотетически, может ли дон Хенаро убить, позволив это сделать своему дублю?

Дон Хуан смотрел на меня. Он покачал головой и отвел глаза в сторону.

— Ты набит сказками о насилии, — сказал он. — Хенаро никого не может убить, просто потому что у него более не осталось заинтересованности в окружающих его людях. К тому времени, когда воин способен победить видение и сновидение, и осознает свое свечение, в нем не остается подобных интересов.

Я указал на то, что в начале моего ученичества он заявил, что маг, направляемый своим олли может быть перенесен за сотни миль, чтобы нанести удар своему врагу.

— Я ответственен в твоем замешательстве, — сказал он, — но ты должен вспомнить, что в другой раз я рассказывал тебе, что с тобой я не следую той последовательности, которую мне предписывал мой собственный учитель. Он был магом, и мне следовало бы на самом деле толкнуть тебя в тот мир. Я этого не сделал, потому что меня не заботят больше подъемы и падения окружающих меня людей. Однако, слова моего учителя запали в меня. И я неоднократно разговаривал с тобой в той манере, в которой он сам бы говорил со мной. Хенаро человек знания. Самый чистый из всех их. Его поступки неуязвимы. Он вне обычных людей и вне магов. Его дубль — это выражение его радости и его юмора. Таким образом он, пожалуй, не сможет использовать его для создания или разрешения ординарных ситуаций. Насколько я знаю, дубль это сознание нашего состояния как светящихся существ. Он может делать все, что угодно и тем не менее он предпочитает быть ненавязчивым и мягким.

— Моей ошибкой было ввести тебя в заблуждение заимствованными словами. Мой учитель был не способен производить те эффекты, которые создает Хенаро. Для моего учителя, к несчастью, некоторые вещи были так же, как и для тебя, только сказками о силе.

Я почувствовал себя обязанным отстаивать свою точку зрения. Я сказал, что говорил в гипотетическом смысле.

— Не существует гипотетического смысла, когда ты говоришь о мире людей знания. Человек знания, пожалуй, не может действовать по отношению к окружающим людям каким-либо вредным образом. Гипотетически или как бы там ни было иначе.

— Но что если окружающие люди замышляют что-то против его безопасности и здоровья. Может ли он тогда использовать своего дубля для собственной защиты?

Он щелкнул языком в неодобрении.

— Что за невероятное насилие в твоих мыслях, — сказал он. — никто не может замышлять против безопасности и здоровья человека знания. Он видит, поэтому он предпримет шаги, чтобы избежать всего подобного.

— Хенаро, например, предпринял рассчитанный риск, встречаясь с тобой. Однако нет ничего такого, что ты мог бы сделать, угрожающее его безопасности. Если что-то такое есть, то его видение даст ему знать. Наконец, если есть в тебе что-либо врожденно вредное для него, и его видение не может до этого добраться, тогда это его судьба, и ни Хенаро, ни кто другой не сможет избежать этого. Так что, как видишь, человек знания все контролирует, не контролируя ничего.

Мы помолчали. Солнце почти коснулось верхушек густых высоких кустов с западной стороны дома. До захода солнца еще оставалось около двух часов.

— Почему ты не позовешь Хенаро? — спросил дон Хуан невзначай.

Мое тело подпрыгнуло. Моей первоначальной реакцией было бросить все и бежать к машине. Дон Хуан расхохотался. Я сказал ему, что не нуждаюсь в том, чтобы доказывать что-либо самому себе, и что я вполне удовлетворен тем, что разговариваю с ним. Дон Хуан не мог перестать смеяться. Наконец он сказал, что это позор, что дон Хенаро не может насладиться такой великолепной сценой.

— Видишь ли, если тебе не интересно позвать Хенаро, то мне интересно, — сказал он решительным тоном. — мне нравится его компания.

Во рту у меня появился ужасно кислый привкус. Капли пота побежали у меня с бровей и с верхней губы. Я хотел что-нибудь сказать, но сказать было действительно нечего.

Дон Хуан бросил на меня долгий изучающий взгляд.

— Давай, — сказал он. — воин всегда готов. Быть воином это не значит просто желать им быть. Это скорее бесконечная битва, которая будет длиться до последнего момента нашей жизни. Никто не рождается воином. Точно так же, как никто не рождается разумным существом. Мы сами себя делаем тем или другим. Подтянись, я не хочу, чтобы Хенаро увидел тебя таким дрожащим.

Он поднялся и прошелся взад-вперед по чистому полу веранды. Я не мог остаться бесстрастным. Моя нервозность была настолько интенсивной, что я не мог больше писать и вскочил на ноги.

Дон Хуан заставил меня бежать на месте, обратясь лицом к западу. Он заставлял меня делать такие же движения ранее в различных обстоятельствах. Идея состояла в том, чтобы извлечь силу из сгущающихся сумерек, подняв руки к небу с расставленными пальцами как

веер, а затем сжимать их с силой, когда руки находятся в средней точке между горизонтом и зенитом.

Упражнение подействовало, и я почти сразу успокоился и подтянулся. Однако я не мог не удивиться тому, что случилось со «старым мной», который никогда не мог расслабиться настолько полно, выполняя эти простые и идиотские движения.

Я хотел сконцентрировать все свое внимание на той процедуре, которой дон Хуан, без сомнения, последует, чтобы вызвать дона Хенаро. Я ожидал каких-нибудь потрясающих поступков. Дон Хуан встал на краю веранды лицом к юго-востоку, прижал руки ко рту и закричал: «Хенаро! Приди сюда!»

Секундой спустя Хенаро вышел из чапараля. Оба они сияли. Они практически танцевали передо мной. Дон Хенаро очень приветливо приветствовал меня, а затем уселся на молочную флягу.

Что-то было ужасно не так со мной. Я был спокоен, не озадачен, какое-то невероятное состояние безразличия и оцепенения охватило все мое существо. Казалось, я сам наблюдаю за собой из какого-то укромного места. Бесцеремонным образом я стал рассказывать дону Хенаро, что во время своего последнего визита он испугал меня чуть ли не до смерти, и что даже во время моего опыта с психотропными растениями я не бывал в состоянии такого полного хаоса. Они оба приветствовали мои заявления как будто я делал их, чтобы намеренно рассмешить. Я засмеялся вместе с ними.

Очевидно они сознавали состояние моей эмоциональной онемелости. Они наблюдали за мной, подшучивали надо мной, как если бы я был пьяным. Что-то во мне отчаянно билось, чтобы обратить ситуацию во что-либо знакомое. Я хотел быть озабоченным и испуганным.

В конце концов дон Хуан плеснул мне в лицо воды и сказал, чтобы я сел и записывал. Он сказал, как делал это и раньше, что или я буду записывать, или я умру. Простое действие записывания нескольких слов вернуло назад мое знакомое настроение. Казалось, что-то опять стало кристально чистым. Что-то такое, что секундой ранее было мутным и немым.

Пробуждение моего обычного меня означало также пробуждение моих обычных страхов. Как ни странно, я менее боялся бояться, чем быть неиспуганным. Знакомость моих старых привычек в независимости от того, какими неприятными они были, была восхитительным лекарством.

Я полностью сообразил тогда, что дон Хенаро просто вышел из чапараля. Мои обычные процессы начали функционировать. Я начал с того, что отказался думать или рассуждать о событии. Я пришел к решению, ни о чем его не расспрашивать. На этот раз я собирался быть молчаливым свидетелем.

— Хенаро прибыл опять исключительно для тебя, — сказал дон Хуан. Дон Хенаро опирался о стену дома, прислонившись к ней спиной, в то время как сидел на прогнутой молочной фляге. Он выглядел так, как будто ехал верхом на лошади. Руки его находились перед ним, создавая впечатление, что он держит уздечку коня.

— Это правда, Карлитос, — сказал он и остановил молочную флягу на землю.

Он спешился, перекинув правую ногу через воображаемую шею лошади, а затем прыгнул на землю. Его движения были столь совершенны, что дали мне безусловное впечатление, будто он прибыл верхом. Он подошел ко мне и сел слева.

— Хенаро пришел, потому что он хочет рассказать тебе о другом, — сказал дон Хуан. Он сделал так, будто уступал дону Хенаро трибуну. Дон Хенаро поклонился. Он слегка повернулся, чтобы быть лицом ко мне.

— Что ты хочешь знать, Карлитос? — спросил он высоким голосом.

— Хорошо, если ты собираешься рассказать мне о дубле, то рассказывай мне все, — сказал я, разыгрывая беззаботность.

Они оба покачали головой и посмотрели друг на друга.

— Хенаро собирается рассказать тебе о видящем сон и видимом во сне, — сказал дон Хуан.

— Как ты знаешь, Карлитос, — сказал дон Хенаро в тоне оратора, делающего разминку, — дубль начинается в сновидении.

Он бросил на меня долгий взгляд и улыбнулся. Его глаза скользнули с моего лица на записную книжку и карандаш.

— Дубль — это сон, — сказал он, вытягивая руки, а затем встал. Он прошел к краю веранды и вошел в чапараль. Он стоял рядом с кустом, повернувшись к нам на три четверти профиля. Видимо, он мочился. Через секунду я заметил, что с ним что-то неладно. Казалось, он отчаянно пытается помочиться и не может. Смех дона Хуана был намеком на то, что дон Хенаро опять шутит. Дон Хенаро изгибал свое тело таким комическим образом, что привел меня и дона Хуана в настоящую истерику.

Дон Хенаро вернулся обратно на веранду и сел. Его улыбка излучала редкую теплоту.

— Когда ты не можешь, то уж просто не можешь, — сказал он и пожал плечами. Затем, после секундной паузы он добавил, вздохнув: «да, Карлитос, дубль — это сон.»

— Ты хочешь сказать, что он нереален? — спросил я.

— Нет. Я хочу сказать, что он сон, — ответил он.

Дон Хуан вмешался и объяснил, что дон Хенаро говорит о первом появлении осознания, что мы являемся светящимися существами.

— Все мы различны, поэтому детали нашей борьбы различны, — сказал дон Хуан. — однако ступени, по которым мы следуем, чтобы прибыть к дублю, одни и те же. Особенно первые ступени, которые еще не прочны и не уверенны.

Дон Хенаро согласился и сделал замечание о неопределенности, которую маг имеет на этой стадии.

— Когда это первый раз случилось со мной, я не знал, что это произошло, — объяснил он. — однажды я собирал растения в горах. Я добрался до места, которое уже было обработано другими собирателями растений. У меня было два огромных мешка растений. Я решил уже идти домой, но сначала захотел немножко отдохнуть. Я прилег рядом с тропой в тени дерева и заснул. Затем я услышал, что с холма спускаются люди и проснулся. Я быстро побежал прятаться в укрытие за кустами на небольшом расстоянии от дороги, где заснул. Пока я прятался там, у меня было беспокойное впечатление, что я что-то забыл. Я посмотрел, захватил ли я свои мешки с растениями. У меня их не было. Я посмотрел на то место через дорогу, где я спал, и от испуга чуть не потерял штаны. Я все еще спал там! Это был я! Я потрогал свое тело. Я был я сам!

В это время люди, которое спускались с холма, уже подходили ко мне, который спал. В то время как я, который не спал, беспомощно выглядывал из укрытия. Черт бы все это побрал! Это был сон!

Дон Хенаро остановил свой рассказ и взглянул на меня, как бы ожидая вопроса или замечания.

— Расскажи ему, где ты проснулся во второй раз, — сказал дон Хуан.

— Я проснулся у дороги, — сказал дон Хенаро. — там, где заснул. Но на какой-то один момент я не знал полностью, где я был в действительности. Я почти могу сказать, что я все еще смотрел на себя просыпающегося, затем что-то дернуло меня к краю дороги, и я оказался протирающим глаза.

Последовала долгая пауза. Я не знал, что сказать.

— И что ты сделал потом? — спросил дон Хуан.

Когда они оба начали смеяться, я сообразил, что они оба поддразнивают меня. Он подражал моим вопросам.

Дон Хенаро продолжал говорить. Он сказал, что на секунду застыл, а затем пошел все проверить.

— Место, где я прятался, было в точности таким, каким я его видел, — сказал он. — и люди, которые прошли мимо меня, удалялись мимо дороги на небольшом расстоянии. Я знаю это, потому что сбежал за ними с холма. Это были те самые люди, которых я видел. Я следовал за ними, пока они не дошли до города. Должно быть, они считали меня сумасшедшим. Я расспрашивал их, не видели ли они моего друга, спящего у дороги. Все они сказали, что не видели.

— Видишь, — сказал дон Хуан, — все мы проходим через одни и те же сомнения. Мы боимся сойти с ума. К несчастью для нас, конечно, все мы уже сумасшедшие.

— Ты капельку более сумасшедший, чем мы, все же, — сказал дон Хенаро мне и подмигнул. — и более подозрителен.

Они стали дразнить меня из-за моей подозрительности, а затем дон Хенаро стал рассказывать дальше.

— Все мы — твердые существа, — сказал он. — ты не один такой, Карлитос. Пару дней я был несколько потрясен своим сном, но затем мне пришлось работать для заработка и заботиться о слишком многих вещах. И я действительно не имел времени, чтобы раздумывать над загадкой своих снов. Поэтому я очень скоро забыл обо всем этом. Я был очень похож на тебя.

Но однажды, несколько месяцев спустя, после ужасно утомительного дня, я заснул как бревно после обеда. Как раз пошел дождь, и течь на крыше разбудила меня. Я вскочил с постели и забрался на крышу дома, чтобы зачинить щель, прежде чем нальет много воды. Я чувствовал себя таким бодрым и сильным, что закончил работу в одну минуту, даже не намокнув. Я подумал, что это небольшой сон, который я имел, подействовал на меня очень хорошо. Когда я все закончил и вернулся в дом, чтобы поесть что-нибудь, я обнаружил, что не могу глотать. Я подумал, что заболел. Я намял корней и листьев и привязал их к шее, а затем отправился в постель. И тогда опять, когда я подошел к своей постели, я чуть не

уронил штаны. Я был там, в постели, и спал! Я хотел потрясти меня и разбудить, но знал, что это не та вещь, которую я должен делать. Поэтому я выбежал из дому. Я был охвачен паникой. Бесцельно я бродил среди холмов. У меня не было ни малейшего представления, куда я иду, и, хотя я там жил всю жизнь, я заблудился. Я шел под дождем и даже не замечал его. Похоже было, что я не могу думать. Затем молния и гром стали настолько интенсивными, что я проснулся опять.

На секунду он сделал паузу.

— Ты хочешь узнать, где я проснулся? — спросил он.

— Конечно, — ответил дон Хуан.

— Я проснулся в холмах под дождем, — сказал он.

— Но как ты знал, что проснулся? — спросил я.

— Мое тело знало это, — ответил он. — Это был глупый вопрос, вставил дон Хуан. — ты сам знаешь, что что-то в воине всегда осознает каждую перемену, и в точности это является целью пути воина. То-есть укрепить и поддержать это осознанно. Воин чистит его, драит его и поддерживает его работу.

Он был прав. Я вынужден был согласиться с ним, что понимаю существование во мне чего-то такого, что регистрировало и осознавало все, что я делал.

И однако же, оно не имело ничего общего с моим ординарным осознанием меня самого. Это было что-то другое, что может я не мог обозначить. Я сказал им, что возможно дон Хенаро может описать это лучше, чем я.

— Ты отлично все делаешь и сам, — сказал дон Хенаро. — это внутренний голос, который говорит тебе что есть что. И в тот раз он сказал мне, что я проснулся во второй раз. Конечно, как только я проснулся, я стал убежден, что я, должно быть, в сновидении. Очевидно, это не было ординарным сном, но это и не было настоящим сновидением, поэтому я остановился на чем-либо еще. Что я ходил во сне, полупроснувшись, может быть. Я не мог понять этого иначе.

Дон Хенаро сказал, что его бенефактор объяснил ему, что испытанное им совсем не было сном, и что он не должен настаивать на том, чтобы рассматривать это как хождение во сне.

— Он тебе сказал, что это что? — спросил я.

Они обменялись взглядами.

— Он сказал, что это был бука, — ответил дон Хенаро голосом маленького ребенка.

Я объяснил им, что хочу знать, объяснил ли все это бенефактор дона Хенаро точно так же, как объясняют они это сами.

— Конечно, так же, — сказал дон Хуан.

— Мой бенефактор объяснил, что тот сон, в котором человек смотрит на себя спящего, — продолжал дон Хенаро, — является временем дубля. Он рекомендовал, чтобы вместо того, чтобы тратить свою силу на размышление и задавание себе вопросов, я должен использовать представляющуюся возможность для действия, и что когда у меня будет другой шанс, я должен быть к нему готов.

Следующий случай произошел в доме бенефактора. Я помогал ему в работе по дому. Затем я лег отдохнуть и как обычно крепко заснул. Его дом был определенно местом силы для меня и помог мне. Я внезапно проснулся от громкого шума. Дом моего бенефактора был большим. Он был богатым человеком, на него работало много людей. Звук походил на звук лопаты, которой копают гравий. Я сел прислушаться, а затем поднялся. Звук еще очень беспокоил меня, но я не мог понять, почему.. Я раздумывал над тем, не пойти ли и не посмотреть, что это такое, когда заметил, что я сплю на полу. На этот раз я знал, чего ожидать и что делать и последовал за звуком. Я прошел в заднюю часть дома. Там никого не было. Звук, казалось, исходил из-за дома. Я продолжал следовать за ним. Чем дальше я за ним шел, тем быстрее я мог двигаться. Кончилось тем, что я оказался в отдаленном месте, наблюдая невероятные вещи.

Он объяснил, что во время этих событий, он находился на начальных стадиях своего ученичества, и в области сновидения сделал еще очень мало. Но что он обладал непринужденной легкостью видеть во сне, что он смотрит на самого себя.

— Куда ты пошел, дон Хенаро? — спросил я.

— Это был первый раз, когда я действительно двигался в сновидении, — сказал он. — однако я знал о нем уже достаточно, чтобы вести себя правильно. Я ни на что не смотрел прямо и в конце концов оказался в глубоком овраге, где у моего бенефактора были некоторые из его растений силы.

— Как ты думаешь, может все это действует лучше, если сновидений очень мало? — спросил я.

— Нет! — вставил дон Хуан. — У каждого из нас есть способность что-нибудь делать с особой легкостью. У Хенаро — талант к сновидению.

— Что ты видел в овраге, дон Хенаро? — спросил я.

— Я видел, как мой бенефактор выполняет опасные маневры с людьми. Я думал, что нахожусь здесь для того, чтобы помочь ему и спрятался за деревьями. Однако, я не знал, как помочь. Тем не менее я не был застывшим и сообразил, что эта сцена для того, чтобы я наблюдал ее, а не для того, чтобы я участвовал в ней.

— Где, как и когда ты проснулся?

— Я не знаю, когда я проснулся. Должно быть, прошло несколько часов. Все, что я знаю, так это что я последовал за моим бенефактором и другими людьми, когда они были готовы войти в дом моего бенефактора, то шум, который они произвели, поскольку они громко спорили, разбудил меня. Я был на том месте, где видел себя спящим.

По пробуждении я сообразил, что все, что я видел и делал, было сном. Я действительно уходил на какое-то расстояние, ведомый звуком.

— Знал ли твой бенефактор о том, что ты делаешь?

— Он делал звук лопатой, чтобы помочь мне выполнить мою задачу. Когда он вошел в дом, он притворился, что ругает меня за то, что я заснул. Я знал, что он видел меня. Позднее, когда его друзья ушли, он рассказал мне, что заметил мое сияние, скрывающееся за деревьями.

Дон Хенаро сказал, что эти три случая поставили его на тропу сновидения, и что у него ушло 15 лет на то, чтобы дождаться следующего случая.

— Четвертый раз был более сложным видением, — сказал он. — я оказался спящим посредине вспаханного поля. Я обнаружил себя спящим там на боку в борозде. Я знал, что я в сновидении, потому что каждую ночь я настраивал себя на сновидение. Обычно, каждый раз, когда я видел себя спящим, я находился на том же месте, где заснул. На этот раз я не был у себя в постели, хотя я знал, что вечером ложился в постель. В этом сновидении был день. Поэтому я начал исследовать. Я двинулся с того места, где я лежал, и ориентировался. Я знал, где нахожусь. Я был фактически недалеко от своего дома. Пожалуй, в каких-нибудь двух милях. Я прошелся вокруг, глядя на каждую деталь этого места. Я встал в тени большого дерева, росшего неподалеку и посмотрел через небольшую равнину на кукурузные поля, расположенные по склону холма. Что-то совершенно необычное поразило меня тогда. Детали окружающего не менялись и не исчезали, как бы долго я на них не смотрел. Я испугался и побежал обратно к тому месту, где я спал. Я был еще там, точно также, как и раньше. Я стал рассматривать себя. У меня было странное ощущение безразличия по отношению к телу, на которое я смотрел.

Затем я услышал звуки приближающихся людей. Люди, казалось, всегда крутились вокруг меня. Я взбежал на небольшой холм и осторожно посмотрел оттуда. Десять человек приближались к тому полю, на котором я находился. Все они были молодые люди. Я побежал обратно к тому месту, где я лежал и пережил ужаснейшие моменты в своей жизни, пока смотрел на самого себя, лежащего тут и храпящего как свинья. Я знал, что должен разбудить меня, но не имел представления, как это сделать. Я знал также, что смерти подобно для меня разбудить меня самого. Но если эти юноши найдут меня здесь, то они очень обеспокоятся. Все эти размышления, которые проходили через мой ум, на самом деле не были мыслями. Они скорее были сценами у меня перед глазами. Моя озабоченность была, например, сценой, в которой я смотрел на самого себя, ощущая при этом, как будто меня лупят кулаками. Я называю это озабоченностью. После этого первого раза такое бывало со мной неоднократно.

Что ж, поскольку я не знал, что предпринять, стоял я, глядя, что предпринять и ожидая самого худшего. Калейдоскоп мелькающих картин пронесся у меня перед глазами. В особенности я уцепился за одну. Вид моего дома и моей постели. Картина была очень ясной. О, как я хотел оказаться опять в своей постели! Тогда меня что-то встряхнуло. Я почувствовал, как будто меня кто-то стукнул и проснулся. Я был у себя в постели! Очевидно, я был в сновидении. Я выскочил из постели и побежал к месту моего сновидения. Все было в точности таким, каким я его видел. Молодые люди работали там. Я долгое время наблюдал за ними. Они были теми самыми молодыми людьми, которых я видел.

Я вернулся назад, к тому самому месту в конце дня, после того как все ушли, и остановился на том месте, где видел себя спящим.

Кто-то лежал здесь.

Земля была примята.

Дон Хуан и дон Хенаро наблюдали за мной. Они походили на двух неизвестных животных. Я почувствовал мурашки у себя на спине. Я был на грани индульгирования в очень разумном страхе, что они не были в действительности людьми, такими же как я, но дон Хенаро рассмеялся.

— В те дни, — сказал он, — я был совершенно таким же как ты, Карлитос. Я хотел все проверить. Я был таким же подозрительным, как ты.

Он остановился, поднял палец и погрозил мне, затем повернулся к дону Хуану. — ты не был таким подозрительным, как этот парень? — спросил он.

— Нисколько, — сказал дон Хуан. — он — чемпион.

Дон Хенаро повернулся ко мне и изобразил жест извинения.

— Кажется, я ошибся, — сказал он. — я не был таким подозрительным, как ты.

Они мягко засмеялись, как бы не желая шуметь. Тело дона Хуана сотрясалось от приглушенного смеха.

— Это место силы для тебя, — сказал дон Хенаро шепотом. — ты уже исписал до костей все пальцы на том месте, где сидишь. Ты когда-нибудь делал здесь какое-либо могучее сновидение?

— Нет, он не делал, — сказал дон Хуан тихим голосом. — но зато он делал могучее писание.

Они скорчились. Казалось, что они не хотят громко смеяться. Их тела сотрясались. Тихий смех был похож на ритмическое покашливание.

Дон Хенаро выпрямился и подсел ко мне поближе. Он несколько раз похлопал меня по плечу, говоря, что я негодяй, а затем с огромной силой дернул меня за левую руку к себе. Я потерял равновесие и упал вперед. Лицом я чуть не ударился о землю, автоматически выбросив руку, чтобы смягчить свое падение. Один из них прижимал меня, нажимая на шею. Я не был уверен, кто. Державшая меня рука походила на руку дона Хенаро. Я испытал момент опустошительной паники. Я чувствовал, что проваливаюсь в обморок, возможно, что я это и сделал. Давление у меня в животе было настолько интенсивным, что меня вырвало. Следующим ясным ощущением было, что кто-то помогает мне сесть. Дон Хенаро был передо мной на корточках. Я повернулся, разыскивая дона Хуана. Его нигде не было видно. Дон Хенаро сиял улыбкой. Его глаза блестели. Он пристально смотрел мне в глаза. Я спросил его, что он со мной сделал, и он сказал, что я разбит на части. Судя по его тону, он, казалось, был раздражен или недоволен мною. Несколько раз он повторил, что я разбит на части, и что я должен собраться вновь. Он попытался разыграть суровый тон, но засмеялся в середине своего предложения. Он сказал, что это совершенно ужасно, что я рассыпан по всему этому месту, и что ему понадобится метла, чтобы смести все части в одну кучу. Потом он добавил, что какие-нибудь части у меня могут оказаться не на тех местах, и все кончится тем, что мой пенис окажется на том месте, где должен быть большой палец. В этом месте он засмеялся. Я хотел засмеяться и получил совершенно необычное ощущение. Мое тело развалилось! Казалось, я был механической заводной игрушкой, которая просто рассыпалась на части. У меня совсем не было физических ощущений. Точно также, как я не испытывал никакого страха или озабоченности. Распадение на части было сценой, которую я наблюдал с точки зрения постороннего, и при этом не испытывал никаких ощущений.

Следующее, что я осознал, это, что дон Хенаро манипулирует моим телом. Тут у меня были физические ощущения — вибрация настолько интенсивная, что заставила меня потерять из виду все окружающее.

Я еще раз почувствовал, что кто-то помогает мне сесть. Я опять увидел дона Хенаро, сидящего на корточках передо мной. Он поднял меня за подмышки и помог мне идти. Я не мог понять, где я нахожусь. У меня было ощущение, что я во сне, и однако же было полное чувство непрерывности времени. Я остро осознавал, что только что находился с доном Хуаном и с доном Хенаро на веранде дома дона Хуана.

Дон Хенаро шел со мной, поддерживая меня за левую подмышку. Ландшафт, который я наблюдал, постоянно менялся. Я не мог однако определить природу того, что я наблюдаю. То, что находилось перед моими глазами более походило на чувство или настроение, и центр, из которого исходили все эти изменения, определенно был моим животом. Я определил эту связь не как мысль или соображение, но как телесное ощущение, которое внезапно стало фиксированным и подавляющим. Изменения вокруг меня исходили из моего живота. Я создавал мир, бесконечный поток ощущений и картин. Тут было все, что я знал. Это само по себе было чувством, а не мыслью и не сознательным заключением.

На секунду я попытался что-нибудь регистрировать из-за своей почти неискоренимой привычки все отмечать, но в определенный момент мой процесс регистрации исчез и безымянное что-то обволокло меня, чувства и картины всякого рода.

В какой-то момент что-то внутри меня опять принялось за регистрацию, и я заметил, что одна картина все время повторяется: дон Хуан и дон Хенаро, которые пытаются пробраться ко мне. Картина была мимолетной, она быстро пронеслась мимо. Это можно было сравнить с тем, как если бы я увидел их из окошка быстро движущегося транспорта. Казалось, они пытались поймать меня в то время, как я проходил мимо. По мере того, как эта картина

возвращалась, она становилась более ясной и длилась более долгое время. В какой-то момент я понял, что намеренно изолирую ее из бесчисленного множества других картин. Я вроде как проносился через все остальные именно к этой сцене. Наконец я смог удерживать ее, думая о ней. Как только я начал думать, мои обычные процессы взяли верх. Они не были столь определенными как в моей ординарной деятельности, но достаточно ясными, чтобы знать, что та сцена или чувство, которое я выделил, состояли в том, что дон Хуан и дон Хенаро находились на веранде дома дона Хуана и поддерживали меня за подмышки. Я хотел продолжать лететь через другие картины и чувства, но они мне этого не давали. Секунду я боролся. Я чувствовал себя очень легким и счастливым. Я знал, что оба они мне очень нравятся и я знал также, что не боюсь их. Я хотел пошутить с ними, но не знал как, и продолжал смеяться, похлопывая их по плечам. У меня было и другое любопытное осознание. Я был уверен, что я в сновидении. Если я фокусировал глаза на чем-нибудь, оно тут же начинало расплываться.

Дон Хуан и дон Хенаро что-то говорили мне. Я не мог удержать их слова и не мог различить, кто именно из них говорит. Затем дон Хуан повернул мое тело вокруг и указал на груду, лежащую на земле. Дон Хенаро нагнул меня пониже и заставил меня обойти ее. Груда была человеком, лежащим на земле. Он лежал на животе, повернувшись лицом вправо. Они продолжали показывать мне на человека, что-то говоря. Они нагибали меня и заставляли меня ходить вокруг него. Я совсем не мог сфокусировать на нем глаза, но наконец у меня появилось чувство спокойствия и трезвости, и я взглянул на человека. Во мне медленно пробудилось сознание, что человек, лежащий на земле — это я сам. Мое сознание не принесло мне ни ужаса, ни неудобства. Я просто принял это без всяких эмоций. В этот момент я не был полностью спящим, но в то же время я и не был полностью бодрствующим, в здравом уме. Я также стал лучше осознавать дона Хуана и дона Хенаро и смог отличать их от того, что они говорили мне. Дон Хуан сказал, что мы собираемся пойти к круглому месту силы в чапарале. Как только он это сказал, картина того места появилась у меня в уме. Я увидел темную массу кустов вокруг него. Я повернулся направо. Дон Хуан и дон Хенаро тоже были тут. Я ощутил потрясение и чувство, что боюсь их, может быть потому, что они выглядели как две угрожающие тени. Они подошли ко мне поближе. Как только я разглядел их черты, мои страхи исчезли. Я опять их любил. Казалось, я был пьян и не мог ни за что твердо ухватиться. Они схватили меня за подмышки и стали трясти вместе. Они приказали мне проснуться. Я мог слышать их голоса ясно и отдельно. Затем я пережил уникальный момент. У меня в уме были две картины, два сна. Я чувствовал, что что-то во мне глубоко спит и пробуждается и обнаружил себя, лежащим на полу на веранде, а дон Хуан и дон Хенаро трясли меня. Но я также находился и на месте силы, и дон Хуан и дон Хенаро трясли меня там. Было одно критическое мгновение, когда я не находился ни на том месте, ни на другом. Скорее я был в двух местах, как наблюдатель, видящий две сцены сразу. У меня было невероятное ощущение, что в этот момент я мог пойти в любую сторону. Все, что мне нужно было сделать в этот момент, это изменить перспективу и вместо того, чтобы наблюдать сцену извне, почувствовать ее с точки зрения субъекта.

Было что-то очень теплое относительно дома дона Хуана. Я предпочел эту сцену.

Затем я испытал ужасающую схватку, такую потрясающую, что все мое ординарное сознание вернулось ко мне мгновенно.

Дон Хуан и дон Хенаро лили ведрами на меня воду. Я был на веранде дома дона Хуана.

Несколько часов спустя мы сидели на кухне. Дон Хуан настаивал, чтобы я действовал так, как будто ничего не случилось. Он дал мне какой-то еды и сказал, чтобы я ел побольше, чтобы компенсировать свой расход энергии.

Уже шел десятый час вечера, когда я взглянул на часы, садясь есть. Мой опыт длился несколько часов. Однако, с точки зрения моей памяти, я заснул, казалось, лишь очень ненадолго.

Несмотря на то, что я был полностью сам собой, я все же был застывшим. Мое обычное сознание вернулось ко мне только тогда, когда я начал делать записки. Меня поразило, что записывание может мгновенно возвращать мне трезвость. В тот же момент, когда я опять стал самим собой, поток разумных мыслей немедленно пришел мне на ум. Они предназначались для объяснения того явления, которое я испытал. Я «знал» тот же, что дон Хенаро загипнотизировал меня в тот момент, когда прижал к земле. Но я пытался понять, как он это сделал.

Оба они истерически хохотали, когда я выразил свои мысли. Хенаро осмотрел мой карандаш и сказал, что карандаш является тем ключиком, которым заводится моя основная пружина. Я чувствовал себя в каком-то замешательстве. Я был усталым и раздражительным. Оказалось, что я в действительности ору на них в то время как их тела сотрясаются от смеха.

Дон Хуан сказал, что позволительно наступить мимо лодки, но уж не на такое большое расстояние, и что дон Хенаро прибыл исключительно для того, чтобы помочь мне и показать мне загадку видящего сон и видимого во сне.

Моя раздражительность достигла вершины. Дон Хуан сделал знак дону Хенаро движением головы. Они оба поднялись и повели меня за дом. Там дон Хенаро продемонстрировал свой огромный репертуар рычаний и криков разных животных. Он сказал, чтобы я выбрал какой-нибудь, и он научит меня его воспроизводить.

После очень длительной практики я добился того, что смог имитировать его довольно хорошо. Конечным результатом было то, что они сами наслаждались моими неуклюжими попытками и смеялись буквально до слез. А я сбросил свое напряжение, воспроизводя громкий крик животного. Я сказал им, что в моем крике есть что-то действительно пугающее. Спокойная расслабленность моего тела была ни с чем не сравнима. Дон Хуан сказал, что если я усовершенствую этот крик, то смогу превратить его в дело силы или же просто смогу использовать для того, чтобы сбросить свое напряжение, когда мне это нужно. Он предложил, чтобы я пошел спать, но я боялся спать. Я сидел рядом с ними у кухонного очага некоторое время, а затем совсем ненамеренно провалился в глубокий сон.

Проснулся я на рассвете. Дон Хенаро спал около двери. Казалось, он проснулся одновременно со мной. Меня укрыли и подложили под голову мой жакет как подушку. Я чувствовал себя очень спокойным и хорошо отдохнувшим. Я заметил дону Хенаро, что прошлой ночью я очень утомился. Он сказал, что он тоже. И прошептал, как бы доверяясь мне, что дон Хуан устал еще больше, потому что он старше.

— Мы с тобой молоды, — сказал он с блеском в глазах, — а он — стар. Сейчас ему наверное уж около трехсот.

Я поспешно сел. Дон Хенаро прикрыл лицо одеялом и захохотал. В этот момент в комнату вошел дон Хуан.

Я ощущал собранность и покой. Хоть один раз ничего в действительности не имело значения. Мне было так легко, что я хотел плакать.

Дон Хуан сказал, что прошлой ночью я начал осознавать свое свечение. Он предупредил меня, чтобы я не индульгировал в хорошем самочувствии, как я это делаю, потому что оно обратится в недовольство.

— В данный момент, — сказал я, — я ничего не хочу объяснять. Не имеет никакого значения, что дон Хенаро сделал со мной прошлой ночью.

— Я ничего не делал с тобой, — бросил дон Хенаро. — смотри, это я, Хенаро. Твой Хенаро! Потрогай меня!

Я обнял дона Хенаро, и мы смеялись как два ребенка. Он спросил меня, не кажется ли мне странным, что я могу обнять его, тогда как в прошлый раз, когда я его видел, я был неспособен к нему прикоснуться. Я заверил его, что эти вопросы меня больше не трогают.

Замечанием дона Хуана было, что я индульгирую в широкомыслии и хорошем самочувствии.

— Берегись, — сказал он. — воин никогда не снимает свою стражу. Если ты будешь продолжать быть таким же счастливым, то ты выпустишь ту последнюю маленькую силу, которая в тебе еще осталась.

— Что я должен делать? — спросил я.

— Быть самим собой, — сказал он. — сомневаться во всем, быть подозрительным.

— Но мне не нравится быть таким, дон Хуан.

— Не имеет никакого значения, нравится тебе это или нет. Значение имеет то, что ты можешь использовать как щит. Воин должен использовать все доступное ему для того, чтобы прикрыть свой смертельный просвет, когда он откроется. Поэтому неважно, что на самом деле тебе не нравится быть подозрительным или задавать вопросы. Сейчас это твой единственный щит.

Пиши, пиши, или ты умрешь. Умереть в восторженном состоянии — чепуховый способ умирания.

— Тогда, как должен умирать воин? — спросил дон Хенаро в точности моим тоном голоса.

— Воин умирает трудно, — сказал дон Хуан. — смерть должна бороться с ним. Воин не отдается ей.

Дон Хенаро раскрыл свои глаза до огромных размеров, а затем мигнул.

— То, что Хенаро показывал тебе вчера — крайне важно, — продолжал дон Хуан. — ты не должен разрушать этого своей набожностью. Вчера ты сказал мне, что тебя с ума свела идея дубля. В этом-то и беда с людьми, которые сходят с ума. Они сходят с ума в обе стороны. Вчера ты был весь вопросы, сегодня ты весь — приятие.

Я указал, что он всегда находит дыру в том, что я делаю, в независимости от того, как я это делаю.

— Это неверно, — воскликнул он. — в пути воина нет дыр. Следуй ему, и твои поступки никто никогда не сможет критиковать. Возьмем, например, вчерашний день. Путем воина было бы во-первых, задавать вопросы без страха и без подозрения, а затем позволить Хенаро показать тебе загадку видящего сон, не сопротивляясь ему и не опустошая себя. Сегодня путем воина было бы собрать все то, чему ты научился без предвзятости и без набожности. Делай так, и никто не найдет в этом никаких дыр.

Я подумал, судя по его тону, что дон Хуан должно быть ужасно раздражен моей неуклюжестью. Но он улыбнулся мне, а затем рассмеялся, как если бы его собственные слова его рассмешили.

Я сказал ему, что я просто сдерживаюсь, потому что не хочу загружать их своими допросами. Я действительно переполнен впечатлениями от того, что дон Хенаро со мной сделал. Я был убежден, хотя это больше и не имеет значения, что дон Хенаро ожидал в кустах, пока дон Хуан не позвал его. Затем, позднее, он воспользовался моим испугом и использовал его, чтобы ошеломить меня. После того, как я был прижат к земле, я без сомнения потерял сознание, и тогда дон Хенаро, должно быть, загипнотизировал меня.

Дон Хуан возразил, что я слишком силен, чтобы поддаться так легко.

— Что же тогда имело место?

— Хенаро пришел навестить тебя, чтобы рассказать тебе нечто исключительное, — сказал он. — когда он вышел из кустов, он быль Хенаро-дубль. Есть другой способ говорить об этом, который бы объяснил все это лучше, но сейчас я не могу им воспользоваться.

— Почему же нет, дон Хуан?

— Потому что ты еще не готов говорить о целостности самого себя. Пока что я скажу лишь, что вот этот Хенаро здесь — не дубль сейчас.

Он показал кивком головы на дона Хенаро. Тот пару раз моргнул.

— Хенаро прошлой ночи был дублем, и как я тебе уже говорил, дубль имеет невообразимую силу. Он показал тебе очень важный момент. Чтобы сделать это, он вынужден был коснуться тебя. Дубль просто коснулся твоей шеи в том месте, где наступило на тебя олли несколько лет назад. И естественно, что ты выключился как свет. Естественно также, что ты индульгировал как сукин сын. Нам потребовалось несколько часов, чтобы раскрутить тебя. Таким образом ты рассеял свою силу, и когда пришло время выполнять задачу воина, в твоем мешке ее не хватало.

— Что это была за задача воина, дон Хуан?

— Я говорил тебе, что Хенаро пришел показать тебе нечто, загадку светящихся существ как видящих сны. Ты хотел узнать о дубле, он начинается в снах. Но затем ты спросил: «что такое дубль?» И я сказал, что дубль это ты сам, человек сам видит во сне дубля. Это должно бы быть простым, разве что нет ничего простого относительно нас. Может быть обычные сны тебя самого просты, но это не значит, что ты сам прост. Как только ты сам научаешься видеть во сне дубля, то прибываешь на этот колдовской перекресток, и приходит момент, когда осознаешь, что это дубль видит во сне тебя самого.

Я записал все, что он сказал. Я также обращал внимание на то, что он говорит, но не смог его понять.

Дон Хуан повторил свои заявления.

— Урок прошлой ночи, как я сказал тебе, был относительно видящего сон и видимого во сне, или относительно того, кто кого видит во сне.

— Извини, я не разобрал, — сказал я. — я не расслышал.

Оба они расхохотались.

— Прошлой ночью, — продолжал дон Хуан, — ты почти избрал проснуться на месте силы.

— Что ты хочешь сказать, дон Хуан?

— Это был бы поступок. Если бы ты не индульгировал своими глупыми способами, то у тебя было бы достаточно силы, чтобы потрогать чешуйки, и ты, без сомнения, перепугался бы до смерти. К счастью, или к несчастью, но как бы то ни было, но силы у тебя было недостаточно. Фактически, ты растратил свою силу в бесполезном замешательстве до такой степени, что у тебя едва хватило ее, чтобы выжить.

Поэтому, как ты очень хорошо можешь понять, индульгировать в своих маленьких повадках не только глупо и убыточно, но также и вредно.

Воин, который опустошает себя, не может жить. Тело не является неразрушимым. Ты мог тяжело заболеть. Не заболел ты только потому, что мы с Хенаро отклонили часть твоей чепухи.

Полный смысл его слов начал доходить до меня.

— Прошлой ночью Хенаро провел тебя через сложности дубля, — продолжал дон Хуан. — только он смог это сделать для тебя. И это не было ни видением, ни галлюцинацией, когда ты увидел себя, лежащим на земле. Ты мог бы понять это с бесконечной ясностью, если бы

не потерялся в своем индульгировании. И ты знал бы тогда, что ты сам являешься сном, что твой дубль видит тебя во сне, точно также, как ты его видел во сне прошлой ночью.

— Но как это может быть возможным?

— Никто не знает, как это происходит. Мы знаем только, что это случается. В этом загадка нас как светящихся существ. Прошлой ночью у тебя были два сна, и ты мог проснуться в любом из них. Но силы у тебя было недостаточно даже для того, чтобы понять это.

Секунду они пристально смотрели на меня.

— Я думаю, он понимает, — сказал дон Хенаро.

3. СЕКРЕТ СВЕТЯЩИХСЯ СУЩЕСТВ

Дон Хенаро развлекал меня очень долгое время какими-то предвзятыми наставлениями о том, как я должен управляться со своим повседневным миром. Дон Хуан сказал, что я должен относиться очень тщательно и серьезно к рекомендациям, которые делает Хенаро, потому что, хотя они и забавны, они не являются шутками.

Около полудня дон Хенаро поднялся и, не сказав ни слова, пошел в кусты. Я тоже собирался подняться, но дон Хуан слегка придержал меня и бесстрастным голосом заявил, что дон Хенаро попытается сделать со мной еще одну вещь.

— Что он задумал? — спросил я. — что он собирается делать со мной?

Дон Хуан заверил меня, что мне не нужно беспокоиться.

— Ты приближаешься к перекрестку, — сказал он. — определенный перекресток, к которому приходит каждый воин.

У меня мелькнула мысль, что он говорит о моей смерти. Он, казалось, отбросил мой вопрос и сделал мне знак ничего не говорить.

— Мы не будем обсуждать этот предмет, — сказал он. — удовлетворись тем, что перекресток, о котором я говорю, является объяснением магов. Хенаро считает, что ты к нему готов.

— Когда ты собираешься рассказать мне о нем?

— Я не знаю. Ты воспринимаешь, поэтому это зависит от тебя. Ты должен решить когда.

— А чем плохо, если прямо сейчас?

— Решить — не значит выбрать время наугад. Решить означает, что ты отрегулируешь свой дух, чтобы он был неуязвимым и что ты сделал все возможное, чтобы быть достойным знания и силы.

Сегодня, однако, ты должен решить маленькую загадку для дона Хенаро. Он ушел перед нами, и он будет ожидать где-то в чапарале. Никто не знает места, где он будет находиться, или того времени, когда нужно идти к нему. Если ты способен определить правильное время для того, чтобы покинуть дом, то ты будешь способен также провести нас туда, где он находится.

Я сказал дону Хуану, что не могу даже вообразить, чтобы кто-нибудь был способен решить такую задачу.

— Как может уход из дома в определенное время привести меня туда, где находится дон Хенаро? — спросил я.

Дон Хуан улыбнулся и стал мурлыкать мелодию. Казалось, он наслаждался моим возбуждением.

— Это проблема, которую дон Хенаро поставил перед тобой, — сказал он. — если у тебя достаточно личной силы, то ты с абсолютной точностью определишь правильное время, чтобы выйти из дома. Каким образом точное время будет вести тебя куда-либо, не знает никто. И однако же, если у тебя личной силы достаточно, то ты сам установишь, что это так.

— Но каким образом меня будет что-то вести, дон Хуан?

— Этого тоже никто не знает.

— Мне кажется, дон Хенаро разыгрывает меня.

— Тогда лучше поберегись, — сказал он. — если Хенаро тебя надувает, что вполне возможно, то ты лопнешь.

Дон Хуан рассмеялся своей собственной шутке. Я не мог к нему присоединиться. Мой страх относительно той опасности, которая свойственна манипуляциям дона Хенаро, был слишком реален.

— Не можешь ли ты дать мне какие-нибудь намеки? — спросил я.

— Здесь нет намеков! — сказал он отрывисто.

— Почему дон Хенаро хочет это сделать?

— Он хочет испытать тебя, — ответил он. — скажем так, что ему очень важно узнать, можешь ли ты принять объяснение магов. Если ты решишь загадку, то выводом будет, что ты накопил достаточно личной силы, и что ты готов. Но если ты провалишься на ней, то это

будет потому, что личной силы у тебя недостаточно, и в таком случае объяснение магов не будет иметь для тебя никакого смысла. Я думаю, что мы должны дать тебе объяснение вне зависимости от того, поймешь ты его или нет. Это моя мысль. Хенаро более консервативный воин. Он хочет, чтобы все было в должном порядке, и не хочет давать тебе его до тех пор, пока не посчитает, что ты готов.

— Почему ты просто сам не расскажешь мне объяснение магов?

— Потому что Хенаро должен быть тем, кто помогает тебе.

— Почему это так, дон Хуан?

— Хенаро не хочет, чтобы я рассказывал тебе почему, пока что.

— Разве мне повредит, если я узнаю объяснение магов?

— Я так не думаю.

— Прошу тебя, дон Хуан, расскажи мне тогда.

— Ты должно быть шутишь. У Хенаро есть твердые мысли по этому поводу, и мы должны чтить и уважать их.

Он сделал повелительный жест, чтобы утихомирить меня. После долгой успокаивающей паузы я вставил вопрос: «ну как я смогу решить эту загадку, дон Хуан?»

— Я действительно не знаю этого, поэтому не могу дать тебе совет, что делать, что делать, — сказал он. — Хенаро бесконечно эффективен в своих поступках. Он разработал эту загадку специально для тебя. Поскольку он делает это для твоей пользы, то он настроен только на тебя одного. Поэтому только ты сможешь выбрать точное время, чтобы выйти из дому. Он сам позовет тебя и будет вести тебя посредством этого зова.

— Каким будет его зов?

— Я не знаю, его зов для тебя, а не для меня. Он будет касаться твоей воли непосредственно. Иными словами, ты должен использовать свою волю, чтобы узнать зов.

— Хенаро считает, что он должен сейчас удостовериться в том, что ты накопил достаточно личной силы и что он может заставить тебя включить твою волю, обратив ее в действующую единицу.

«Воля» — была другой концепцией, которую дон Хуан очень тщательно обрисовал, но не сделал ее ясной. Я понял из его объяснений, что воля являлась силой, которая исходила из района живота через невидимое отверстие ниже пупка. Отверстие, которое он называл «просвет». Воля намеренно культивировалась только магами. Она приходила к практикующим, окруженная загадкой и предположительно давала им способность выполнять необычные поступки.

Я заметил дону Хуану, что нет ни малейшего шанса, чтобы нечто столь неясное могло стать действующей единицей в моей жизни.

— Здесь ты ошибаешься, — сказал он. — воля развивается в воине, несмотря на любое сопротивление разума.

— Разве не мог дон Хенаро, будучи магом, узнать, готов я или нет, не проверяя меня? — спросил я.

— Конечно, мог, — сказал он. — но такое знание не имело бы никакой ценности или последствий, потому что оно никак не связано с тобой. Ты — тот, кто учится. Поэтому ты сам должен провозгласить знание силой, а не Хенаро. Хенаро интересует не столько его знание, сколько твое знание. Ты должен обнаружить работает или нет твоя воля. Это очень трудно сделать. Несмотря на то, что Хенаро или я знаем о тебе, ты должен самому себе доказать, что находишься в том положении, когда можешь провозгласить знание силой. Другими словами, ты сам должен быть убежден, что можешь использовать свою волю. Если это не так, значит ты должен убедиться в этом сегодня. Если ты не сможешь выполнить эту задачу, тогда заключением дона Хенаро будет то, что, несмотря на все, что он видит относительно тебя, ты еще не готов.

Я испытывал переполняющее меня волнение.

— Нужно ли все это? — спросил я.

— Это просьба Хенаро, и она должна быть выполнена, — сказал он твердым но дружелюбным тоном.

— Но какое отношение имеет ко мне дон Хенаро?

— Может быть сегодня ты это обнаружишь.

Я упрашивал дона Хуана, чтобы он вывел меня из этого невыносимого положения и объяснил все эти загадочные слова. Он засмеялся, похлопал меня по груди и пошутил насчет мексиканского грузчика, у которого огромные грудные мускулы, но он не может выполнять тяжелой физической работы потому, что его спина слаба.

— Следи за теми мышцами, — сказал он. — они должны быть не просто для вида.

— Мои мышцы не имеют никакого отношения к тому, что ты говоришь, — сказал я в скверном настроении.

— Имеют, — ответил он. — тело должно быть совершенством до того, как воля станет действующей единицей.

Дон Хуан опять отклонил направление моих расспросов. Я чувствовал беспокойство и раздражение. Поднявшись, я пошел на кухню и попил воды. Дон Хуан последовал за мной и предложил мне попрактиковаться в воспроизведении крика животного, которому дон Хенаро обучил меня. Мы пошли за дом, я сел на поленницу дров и ушел в воспроизведение этого крика. Дон Хуан сделал несколько поправок и дал мне несколько указаний относительно моего дыхания. Конечным результатом было состояние полной физической релаксации.

Мы вернулись на веранду и сели опять. Я сказал ему, что иногда чувствую раздражение к самому себе из-за того, что я так беспомощен.

— Ничего нет неправильного в чувстве собственной беспомощности, — сказал он. — все мы больше всего знакомы с ним. Вспомни, что мы провели целую вечность как беспомощные младенцы. Я уже говорил тебе, что в этот самый момент ты похож на младенца, который не может вылезти сам из колыбели и уж тем более действовать самостоятельно. Хенаро вынимает тебя из твоей колыбели, скажем, беря тебя на руки. Но ребенок хочет действовать, а поскольку он не может, он жалуется на жизнь. В этом нет ничего плохого, но индульгировать, протестуя и жалуясь — это совсем другое дело.

Он потребовал, чтобы я держался расслабленно и чтобы я задавал ему некоторое время вопросы до тех пор, пока не буду в лучшем состоянии ума.

На мгновение я потерялся и не мог решить, что спросить. Дон Хуан развернул соломенную циновку и сказал, чтобы я сел на нее. Затем он наполнил водой большую тыквенную флягу и положил ее в переносную сетку. Казалось, он готовился к путешествию. Он уселся опять и движением бровей велел мне задавать вопросы.

Я попросил его еще раз рассказать о бабочке. Он бросил на меня изучающий взгляд и усмехнулся.

— Это олли, — сказал он. — ты знаешь это.

— Но что такое олли? — спросил я. — что это в действительности?

— Невозможно сказать, чем в действительности является олли. Точно также, как невозможно сказать, чем точно является дерево.

— Дерево — это живой организм, — сказал я. — Мне это говорит немного, — сказал он. — я могу сказать также, что олли это сила, напряжение, я уже говорил тебе это. Но это мало что тебе сказало об олли. Точно также, как в случае с деревом, узнать, что такое олли, значит воспринять его. Несколько лет я старался подготовить тебя к монументальной встрече с олли. Ты, возможно, не понимаешь этого, но тебе потребовалось несколько лет подготовки для того, чтобы встретиться с деревом. Встретиться с олли — это то же самое. Учитель должен знакомить своего ученика с олли мало-помалу, крупица за крупицей. Ты с годами накопил большой запас знаний об этом и теперь ты способен собрать это знание вместе, чтобы ввести в свой опыт олли также, как ввел в свой опыт дерево.

— У меня нет ни малейшего понятия, что я делаю это, дон Хуан.

— Твой рассудок не осознает этого, потому что он не может принять возможность олли, начнем с этого. К счастью, совсем не разум собирает олли вместе. Это делает тело. Ты воспринял олли в большой степени и много раз. Каждое из этих восприятий откладывалось в твоем теле. Суммой всех этих кусочков является олли. Я не знаю никакого другого способа описать его.

Я сказал, что не могу осознать, как это мое тело действует само по себе, как если бы это было существо, отдельное от моего рассудка.

— Они не разделены, но мы их сделали такими, — сказал он. — наш рассудок мелочен, и он всегда в разногласии с нашим телом. Это, конечно, только способ говорить, но триумф человека знания состоит в том, что он объединил эти две части вместе. Поскольку ты не являешься человеком знания, то твое тело сейчас делает такие вещи, которые твой рассудок не способен воспринять. Олли — это одна из этих вещей. Ты не был безумен и ты не спал, когда воспринимал олли в ту ночь прямо здесь. Я спросил его о той пугающей идее, которую он с доном Хенаро поселил в меня, что олли является существом, ожидающим меня на краю маленькой долины в горах северной Мексики. Они сказали мне, что рано или поздно я должен прийти на это свидание с олли и бороться с ним.

— Это все способы говорить о тех загадках, для которых не существует слов. Хенаро и я сказали, что на краю той равнины тебя ожидал олли. Это заявление было правильным, но оно не имело того значения, которое ты хочешь ему придать. Олли ждет тебя, это совершенно верно. Но не на краю какой-либо долины, а прямо здесь или вон там, или в любом другом месте. Олли ждет тебя точно также, как ждет тебя смерть повсюду и нигде.

— Зачем олли ждет меня?

— Затем же, зачем ждет тебя смерть, — сказал он. — потому что ты был рожден. В данный момент невозможно объяснить, какой смысл под этим скрывается. Сначала ты должен ввести олли в свой опыт, ты должен воспринять его в полную силу. Тогда объяснение магов сможет бросить на это свет. До сих пор у тебя было достаточно силы, чтобы прояснить по крайней мере один момент — то, что олли — это бабочка.

Несколько лет назад мы с тобой ходили в горы, и у тебя было столкновение с чем-то. Тогда я не мог тебе рассказать, что именно происходит. Ты видел странную тень, летающую взад и вперед перед огнем. Ты сам сказал, что она выглядела как бабочка. Хотя ты не знал, о чем ты говоришь, ты был абсолютно прав. Тень была бабочкой. Затем, в других обстоятельствах, что-то до безумия испугало тебя после того, как ты заснул опять-таки перед огнем. Я предупреждал тебя, чтобы ты не спал, но ты не обратил внимания на мои предупреждения. Этот поступок отдал тебя на волю олли, и бабочка наступила тебе на шею. Почему ты остался живой, навсегда останется для меня загадкой. Тогда ты этого не знал, но я уже считал тебя мертвым. Настолько серьезной была твоя оплошность.

С тех пор каждый раз, когда мы бывали с тобой в горах или в пустыне, даже если ты не замечал этого, бабочка всегда следовала за нами. Так что в общем и целом мы можем сказать, что для тебя олли — это бабочка. Но я не могу сказать, что на самом деле это бабочка в том понимании, которое мы вкладываем в бабочку. Называть олли бабочкой — опять-таки только способ разговора. Способ сделать эту безбрежность вокруг нас понятной.

— А для тебя олли тоже бабочка? — спросил я.

— Нет. То, как каждый понимает олли — это личное его дело.

Я заметил, что мы опять вернулись к тому, с чего начали. Он не рассказал мне, чем в действительности является олли.

— Нет необходимости приходить в замешательство, — сказал он. — замешательство — это настроение, в которое входишь, но из него можно также и выйти. В данный момент нет способа прояснить что-либо. Может быть позднее сегодня мы сможем рассмотреть эти вещи детально. Все зависит от тебя, или скорее от твоей личной силы.

Он отказался произнести еще хоть слово. Я стал очень озабочен из-за страха, что провалю испытание. Дон Хуан отвел меня за дом и усадил на циновку около оросительной канавки. Вода текла так медленно, что казалась почти застывшей. Он скомандовал мне сесть спокойно, выключить внутренний диалог и смотреть на воду. Несколько лет назад он раскрыл, по его словам, что у меня есть какая-то привязанность к водным массам. Чувство, которое в высшей степени было удобно для тех предприятий, в которые я был вовлечен. Я заметил, что у меня нет никакой особой любви к водоемам, но и нелюбви тоже нет. Он сказал, что как раз поэтому вода благоприятна для меня. Я был безразличен по отношению к ней. В условиях стресса вода не сможет захватить меня, но не сможет также и оттолкнуть меня.

Он сел слегка позади меня справа и велел мне отдаться и не бояться, потому что он тут, рядом со мной, и поможет, если возникнет нужда.

Я испытал секундный страх, а затем посмотрел на него, ожидая дальнейших инструкций. Он насильно повернул мою голову в направлении воды и приказал мне начинать. У меня не было ни малейшего представления относительно того, что он от меня хочет, поэтому я просто расслабился. Когда я смотрел на воду, я заметил бурунчики на противоположной стороне. Бессознательно я остановил свои несфокусированные глаза на них. Медленное течение заставляло их дрожать. Вода имела окраску пустынной почвы. Я заметил, что складки вокруг бурунчиков были похожи на развилки или овраги на гладкой поверхности. В какой-то момент эти складки стали гигантскими, и вода превратилась в гладкую плоскую охристую поверхность, а затем через доли секунды я крепко спал или может быть я вошел в состояние восприятия, для которого у меня нет параллели. Самым подходящим описанием этого было бы сказать, что я заснул и увидел очень ясный сон.

Я чувствовал, что могу продолжать оставаться в этом состоянии бесконечно, если захочу. Но я намеренно закончил его, включив свой внутренний диалог. Я раскрыл глаза. Я лежал на соломенной циновке, дон Хуан был в нескольких футах от меня. Мой сон был настолько великолепен, что я начал рассказывать ему его. Он сделал мне знак молчать. Длинной веточкой он указал на две длинные тени, которые какие-то сухие ветки пустынного чапараля отбрасывали на землю. Конец его прутика прошелся по очертаниям одной из теней, как бы рисуя ее. Затем он перепрыгнул к другой тени и сделал то же самое. Тени были примерно по тридцать сантиметров длиной и по три шириной. Они находились в двенадцати-пятнадцати сантиметрах одна от другой. Движения прутика выбили мои глаза из фокуса, и я обнаружил, что смотрю раскошенными глазами на четыре тени. Внезапно две тени в середине слились в одну и создали необычайное ощущение глубины. В тени, образовавшейся таким образом, была какая-то необъяснимая округлость и объем. Она почти

походила на призрачную трубу, круглую балку какой-то неизвестной субстанции. Я знал, что мои глаза раскошены, и тем не менее они казались сфокусированными на одном месте. Поле зрения на этом месте было кристально ясным. Я мог двигать глазами не нарушая картины.

Я продолжал наблюдать, но оставался при этом настороженным. Я ощутил любопытный порыв отступиться и погрузиться в наблюдаемую сцену. Что-то в том, что я наблюдал, казалось, тянуло меня. Но что-то внутри меня пробилось на поверхность, и я начал полусознательный диалог. Почти мгновенно я осознал окружающее в мире повседневной жизни.

Дон Хуан наблюдал за мной. Он, казалось, был озадачен. Я спросил его, все ли в порядке, но он не ответил, а помог мне сесть. Только тогда я сообразил, что лежу на спине, глядя в небо, а дон Хуан склонился у меня над лицом.

Моим первым порывом было рассказать ему, что я в действительности видел тени на земле в то время, как смотрел на небо, но он приложил мне руку ко рту. Некоторое время мы сидели в молчании. У меня не было мыслей. Я испытывал редкое ощущение мира, покоя, а затем совершенно внезапно я почувствовал непреодолимое желание подняться и пойти поискать в чапарале дона Хенаро.

Я сделал попытку заговорить с доном Хуаном, он вздернул подбородок и сжал губы, как молчаливая команда не говорить. Я попытался организовать свои ощущения разумным образом, но моя тишина мне так нравилась, однако, что я не захотел трудиться над логическими соображениями.

После минутной паузы я опять почувствовал повелительную нужду встать и пойти в кусты. Я пошел по тропинке. Дон Хуан шел позади меня, как если бы я был вожаком.

Мы шли около часа. Я преуспел в том, что оставался без всяких мыслей. Затем мы пришли к склону холма. Дон Хенаро был там, сидя вблизи вершины каменной скалы. Он приветствовал меня с большим воодушевлением и вынужден был кричать свои слова. Он находился примерно в пятнадцати метрах от земли. Дон Хуан усадил меня и сел рядом. Дон Хенаро объяснил, что я нашел то место, где он прятался, потому что он направлял меня звуком, который издавал. Когда он произнес свои слова, я сообразил, что действительно слышал какой-то звук, который считал звоном в ушах. Казалось, он имел внутреннее происхождение, зависел от состояния тела и был ощущением звука столь неопределенного, что был вне области сознательных оценок и интерпретаций. Я считал, что в руке у дона Хенаро находится маленький инструмент. С того места, откуда я смотрел, я не мог различить его ясно. Он выглядел подобно еврейской лютне. С его помощью он производил мягкий неземной звук, который был практически неразличим. Он продолжал на нем играть некоторое время, как бы давая мне возможность осознать, то что он мне сказал. Затем он показал мне свою руку. В ней ничего не было. Он не держал никакого инструмента. Мне показалось, что он играет на каком-то инструменте из-за того, каким образом он прикладывал свою руку ко рту. Фактически звук производился с помощью его губ и края ладони между большим и указательным пальцем.

Я повернулся к дону Хуану, чтобы пояснить ему, что дон Хенаро одурачил меня своими движениями. Тот сделал быстрое движение и велел мне не разговаривать, а обращать полное внимание на то, что делает дон Хенаро. Я повернулся, чтобы взглянуть на дона Хенаро, но того уже не было. Я подумал, что он должно быть, уже спустился вниз. Несколько секунд я ожидал, что он появится из-за кустов. Скала, на которой он стоял, была любопытным образованием. Она более походила на огромную лестницу сбоку от еще большей скальной стены. Я должно быть отвел глаза от него всего на пару секунд. Если бы он забрался наверх, то я бы успел заметить его, прежде чем он достиг верха каменной стены. А если он спустился вниз, то его тоже можно было бы видеть с того места, где я сижу.

Я спросил дона Хуана о местонахождении дона Хенаро. Он ответил, что тот все еще стоит на каменной лестнице. Насколько я мог судить, на ней никого не было, но дон Хуан опять и опять утверждал, что дон Хенаро все еще стоит на скале.

Казалось, он не шутил. Его глаза были твердыми и смотрели в упор. Отрывистым тоном он сказал, что мои чувства находятся не на том проспекте, чтобы видеть, что делает дон Хенаро. Он приказал мне оборвать внутренний диалог. Я мгновение пытался это сделать и начал закрывать глаза. Дон Хуан бросился ко мне и потряс за плечи. Он прошептал, чтобы я удерживал глаза на каменной лестнице.

Я ощущал сонливость, и слова дона Хуана как бы доносились издалека. Автоматически я взглянул на лестницу. Дон Хенаро опять был там. Это меня не заинтересовало. Полубессознательно я отметил, что мне трудно дышать, но прежде чем я смог подумать об этом, дон Хенаро прыгнул на землю. Этот поступок тоже не возбудил моего интереса. Он подошел ко мне и помог мне подняться, держа меня за руку. Дон Хуан поддерживал меня за другую руку. Они зажали меня между собой.

Затем один только дон Хенаро помогал мне идти. Он прошептал мне на ухо что-то, чего я не понял, и я внезапно ощутил, что он дернул мое тело каким-то странным образом. Он ухватил меня так сказать за кожу моего живота и затащил меня на лестницу или может быть на другую скалу. Я знал, что какую-то секунду я был на скале. Я мог бы поклясться, что это каменная скала. Однако картина была столь мимолетна, что я не мог оценить ее в деталях. Затем я ощутил, что что-то во мне поднялось, и я полетел назад. Я испытал особое чувство тревоги или, возможно, физического неудобства. Следующее, что я понял — это что дон Хуан говорит мне. Я не мог его понимать и сконцентрировал свое внимание на его губах. Ощущение, которое я испытывал, было подобно сну. Я пытался разорвать изнутри обволакивающий меня пленкоподобный экран, который охватывал меня целиком, в то время как дон Хуан пытался разорвать его снаружи. Наконец я действительно лопнул, и слова дона Хуана стали действительно слышны, а их значение предельно ясно. Он командовал мне выйти на поверхность самому. Я отчаянно пытался восстановить свою трезвость, но безуспешно. Совершенно автоматически я удивлялся тому, что это так трудно. Я старался заговорить сам с собой.

Дон Хуан, казалось, осознавал мою трудность. Он просил меня приложить больше усилий. Что-то мешало мне вступить в свой знакомый внутренний диалог. Казалось, какая-то странная сила делала меня сонливым и безучастным.

Я вновь боролся с ней до тех пор, пока не начал выдыхаться. Я слышал, как дон Хуан говорит с мной. Мое тело невольно дернулось от напряжения. Я чувствовал себя так, как будто я был схвачен и втянут в смертельную битву с чем-то таким, что не давало мне дышать. У меня даже не было страха. Скорее какая-то неконтролируемая ярость овладела мной. Моя ярость достигла такой степени, что я рычал и визжал как животное. Затем мое тело было охвачено. Я испытал потрясение, которое мгновенно остановило меня. Я опять мог нормально дышать и сообразил тогда, что дон Хуан льет из своей фляги воду мне на живот и на шею. Смачивая меня.

Он помог мне сесть. Дон Хенаро стоял на лестнице. Он позвал меня по имени, а затем прыгнул на землю. Я увидел его падение на землю с высоты около пятнадцати метров и испытал невыносимое ощущение в районе живота. Такое же ощущение у меня бывало когда я падал во сне.

Дон Хенаро подошел ко мне и улыбаясь спросил, понравился ли мне его прыжок. Я безуспешно пытался что-либо сказать. Он опять позвал меня по имени.

— Карлитос! Следи за мной! — сказал он.

Он взмахнул руками в стороны четыре-пять раз, как бы набирая инерцию, а затем прыгнул и исчез из виду, или я подумал, что он так сделал, или может быть он сделал что-то еще, для чего у меня не было описания. Он был в шести-пяти футах от меня, а затем исчез, как будто бы его втянула какая-то неконтролируемая сила.

Я чувствовал себя утомленным и безучастным. У меня было ощущение безразличия, и я не хотел ни думать, ни говорить сам с собой. Я чувствовал не испуг, а необъяснимую печаль. Я хотел плакать. Дон Хуан несколько раз ударил костяшками пальцев меня по голове и засмеялся, как если бы все, что случилось, было бы шуткой. Затем он потребовал, чтобы я разговаривал сам с собой. Потому что на этот раз внутренний диалог был отчаянно нужен. Я слышал, как он приказывает мне: «разговаривай, разговаривай».

Я чувствовал невольные судороги в мышцах губ. Мой рот двигался без единого звука. Я вспомнил, как дон Хенаро двигал своим ртом подобным же образом, когда устраивал свою клоунаду и хотел бы сказать, также как хотел сказать он: «мой рот не хочет разговаривать». Я попытался произнести какие-нибудь слова, и мои губы болезненно искривились. Дон Хуан, казалось, вот-вот свалится от смеха. Его радость была заразительна, и я также засмеялся. Наконец он помог мне подняться. Я спросил его, собирается ли дон Хенаро вернуться. Он сказал, что дон Хенаро достаточно общался со мной сегодня.

— Ты почти добился этого, — сказал дон Хуан.

Мы сидели у огня у глиняного очага. Он настаивал на том, чтобы я поел. Я не был ни голоден, ни утомлен. Необычная меланхолия охватила меня. Я чувствовал себя оторванным от всех событий дня. Дон Хуан вручил мне мой блокнот. Я сделал отчаянное усилие восстановить свое обычное состояние, выдавив несколько замечаний. Мало-помалу я вернул себя назад в свой старый паттерн. Казалось, покрывало было поднято. Внезапно я вновь оказался в знакомом состоянии заинтересованности и ошеломленности.

— Хорошо, хорошо, — сказал дон Хуан, гладя меня по голове. — я тебе рассказывал, что настоящим искусством воина является уравновешивать ужас и удивление.

Настроение дона Хуана было необычным. Казалось, он почти был нервен, тревожен. Казалось, он хочет разговаривать по своему собственному желанию. Я решил, что он готовит меня к объяснению магов, и сам стал неспокоен. В его глазах был странный отблеск,

который ранее я видел лишь несколько раз. После того, как я рассказал ему, что я думаю о его собственном состоянии, он сказал, что счастлив за меня. Что как воин он может разделять радость побед окружающих его людей, если это были победы духа. Он добавил, что к сожалению я еще не готов к объяснению магов, несмотря на то, что я успешно решил загадку дона Хенаро. Его замечание было то, что когда он вылил на мое тело воду, я уже практически умирал и все мое достижение было стерто моей неспособностью отразить последний из выпадов дона Хенаро.

— сила Хенаро была подобно приливу, который поглотил тебя, сказал он.

— Разве дон Хенаро хочет принести мне вред? — спросил я.

— Нет, сказал он. — Хенаро хочет помочь тебе. Но сила может быть встречена только силой. Он испытывал тебя, и ты не выдержал испытания.

— Но я решил его загадку, разве не так?

— Ты сделал прекрасно, — сказал он. — настолько прекрасно, что Хенаро должен был поверить, что ты способен и к настоящей задаче воина. Ты почти выполнил ее. Что приковало тебя на этот раз, было, однако, не индульгирование.

— Что же тогда это было?

— Ты слишком нетерпелив, и в тебе слишком много насилия. Вместо того, чтобы расслабиться и идти с Хенаро, ты стал сопротивляться ему. Ты не можешь победить его. Он сильнее тебя.

Затем дон Хуан по собственному почину дал мне несколько советов и предупреждений относительно моих личных отношений с людьми. Его замечания были серьезным добавлением к тому, что шутя говорил мне дон Хенаро ранее. Он был в разговорчивом настроении и без всякий упрашиваний с моей стороны стал объяснять, что имело место во время моих двух последних визитов сюда.

— Как ты знаешь, — сказал он, — ключевым моментом магии является внутренний диалог. Это ключ ко всему. Когда воин научится останавливать его, все становится возможным. Самые далеко идущие планы становятся достижимыми. Проходом ко всякому колдовству и волшебному опыту, который ты имел недавно, был тот факт, что ты мог остановить разговор с самим собой. Ты в полной трезвости ума видел олли, дубля Хенаро, видящего сон и видимого во сне, а сегодня ты почти узнал о целостности самого себя. Это было задачей воина, которую, как ожидал Хенаро, ты мог выполнить. Все это было возможно из-за того количества личной силы, которое ты накопил. Началось это в прошлый раз, когда ты был здесь, и когда я уловил очень отличительный знак. Когда ты приехал, я слыхал, что олли бродит вокруг. Сначала я слышал его мягкие шаги, а затем я видел бабочку, смотрящую на тебя, когда ты выходил из своей машины. Наблюдая тебя, олли не двигался. Это для меня было лучшим знаком. Если бы олли был возбужден, двигаясь вокруг, как бы недовольный твоим присутствием, как это бывало всегда, то ход событий был бы совсем другим. Много раз я замечал олли в недружелюбном состоянии по отношению к тебе. На этот раз знак был хорошим, и я знал, что олли имеет для тебя кусок знания. Это и было причиной, почему я сказал, что тебе назначено свидание со знанием, свидание с бабочкой, которое откладывалось очень долгое время. По причинам для нас непонятным, олли избрал форму бабочки, чтобы явить себя тебе.

— Но ты сказал, что олли бесформенен, и что о нем можно судить только по его эффектам, — сказал я.

— Верно, — сказал он. — но олли являются бабочкой для тех наблюдателей, которые связаны с тобой, Хенаро и меня. Для тебя олли — это только эффект, ощущение в твоем теле или звук, или золотые крупицы знания. Тем не менее остается фактом, что избрав форму бабочки, олли говорит этим мне и Хенаро нечто очень важное. Бабочки это те, кто дают знание. Они друзья и помощники магов. Именно потому, что олли, находясь около тебя, избрал быть бабочкой, дон Хенаро сделал на тебя такую большую ставку.

В ту ночь, когда ты встретил бабочку, эта встреча, как я и ожидал, была верным знакомством со знанием для тебя. Ты узнал зов бабочки, ощутил золотую пыльцу ее крыльев, но самое главное, той ночью ты в первый раз осознал, что ты «видел», а твое тело узнало, что мы — светящиеся существа. Ты еще не полностью оценил это монументальное событие в твоей жизни. Хенаро продемонстрировал тебе с поразительной силой и ясностью, что мы являемся чувством, ощущением, а то, что мы называем нашим телом — это комок светящихся волокон, которые имеют сознание.

Прошлой ночью ты вновь находился под добрым влиянием олли. Я вышел посмотреть на тебя, когда ты приехал и понял, что мне нужно позвать Хенаро, чтобы он смог объяснить тебе загадку видящего сон и видимого во сне. Ты считал тогда, как ты всегда это делаешь, что я тебя разыгрываю, но Хенаро не прятался в кустах, как ты думал. Он прибыл для тебя, даже если твой рассудок отказывается в это поверить.

Эта часть разъяснений дона Хуана была действительно самой трудной, чтобы принять ее за чистую монету. Я не мог с ней согласиться. Я сказал, что дон Хенаро реальный и относится к этому миру.

— Все, чему ты был свидетелем до сих пор, было реальным и относилось к этому миру, — сказал он. — нет никакого другого мира. Твой камень преткновения это особая настойчивость с твоей стороны, и эту твою особенность нельзя вылечить объяснениями. Поэтому сегодня Хенаро обращается непосредственно к твоему телу. Тщательный просмотр того, что ты сделал сегодня, покажет тебе, что твое тело смогло объединить отдельные части мозаики прекрасным образом. Каким-то образом ты воздержался от индульгирования в своих видениях у оросительной канавы. Ты удерживал редкий контроль и отрешенность, как это должен делать воин. Ты ничему не верил и все же ты действовал эффективно, и поэтому смог последовать за зовом Хенаро. Ты действительно нашел его без всякой помощи с моей стороны. Когда мы пришли к каменной лестнице, ты был наполнен силой и увидел Хенаро стоящим там, где стояли другие маги по той же самой причине. Он подошел к тебе после того, как спрыгнул с лестницы. Сам он был силой целиком. Если бы ты продолжал так же, как действовал ранее у оросительной канавы, то ты бы «увидел» его таким, какой он есть в действительности — светящимся существом. Вместо этого ты испугался, в особенности когда Хенаро заставил тебя прыгнуть. Одного этого прыжка должно было быть достаточно, чтобы вывести тебя из твоих собственных границ. Но у тебя не было сил, и ты упал обратно в мир своего разума. После этого ты, конечно, вступил в смертельную битву с самим собой. Что-то в тебе — твоя воля — хотела идти с Хенаро, в то время как твой рассудок противился этому. Если бы я тебе не помог, то ты сейчас лежал бы мертвый, похороненный на месте силы. Но даже с моей помощью исход в какой-то момент был сомнительным.

Несколько минут мы молчали. Я ждал, что он заговорит. Наконец я спросил: «дон Хенаро заставлял меня действительно прыгнуть на эту каменную лестницу?»

— Не принимай этот прыжок в том смысле, в каком ты понимаешь прыжок. Повторяю еще раз, что это только способ говорить. До тех пор, пока ты думаешь, что ты — твердое тело, ты не сможешь воспринять того, о чем я тебе говорю.

Затем он высыпал на землю пепел около лампы, покрыв участок примерно в два квадратных фута, и пальцем нарисовал диаграмму, имевшую восемь точек, соединенных между собой линиями. Это была геометрическая фигура.

Такую же фигуру он рисовал мне несколько лет назад, пытаясь объяснить, что когда я наблюдал четыре раза подряд падение одного и того же дерева, это не было иллюзией. Диаграмма на пепле имела два эпицентра. Один он называл «разум», другой — «воля». «Разум» был непосредственно соединен с точкой, названной «разговор». Через «разговор», «разум» был косвенно соединен с тремя другими точками: «ощущение», «сновидение» и «видение». Другой эпицентр — «воля», был непосредственно соединен с «ощущением», «сновидением» и «видением», но только косвенно с «разумом» через «разговор». Я отметил, что диаграмма отличалась от той, которую я видел несколько дет назад.

— Внешняя форма не имеет значения, — сказал он. — эти точки представляют собой человеческое существо и могут быть нарисованы любым способом, каким захочешь.

— Представляют ли они собой тело человеческого существа? — спросил я.

— Не называй это телом, — сказал он. — на волокнах светящегося существа имеется восемь точек. Маг говорит, как ты можешь видеть на этой диаграмме, что человеческое существо является прежде всего волей, потому что воля непосредственно соединена с тремя точками: ощущением, сновидением и видением. Затем человеческое существо является разумом. Этот центр действительно меньше, чем воля. Он соединен только с разговором.

— А что такое другие две точки, дон Хуан?

Он взглянул на меня и улыбнулся.

— Ты намного сильнее теперь, чем был тогда, когда мы впервые говорили об этой диаграмме, но ты еще недостаточно силен, чтобы знать все восемь точек. Когда-нибудь Хенаро покажет тебе две другие.

— Каждый человек имеет эти восемь точек, или только маги?

— Мы можем сказать, что каждый из нас приносит в мир восемь точек. Две из них — разум и разговор, известны каждому. Ощущение — всегда смутно, как бы оно ни было знакомо. Но только в мире магов полностью знакомишься со сновидением, видением и волей. И, наконец, на краю этого мира встречаешься с другими двумя. Восемь точек дают целостность самого себя.

Он показал мне на диаграмме, что в сущности все точки могут соединяться одна с другой косвенно.

Я опять спросил его о двух загадочных оставшихся точках. От ощущения, сновидения и видения, и намного более далеки от разговора и разума. Он ткнул пальцем, указывая, что они изолированы от всех остальных и одна от другой.

— Эти две точки никогда не бывают доступны разговору или разуму. Только воля может иметь с ними дела. Разум настолько удален от них, что совершенно бесполезно пытаться осмыслить их. Это одна из труднейших задач для понимания. В конце концов силой разума является все осмысливать.

Я спросил его, соответствуют ли восемь точек участкам человеческого существа или определенным органам.

— Соответствуют, — ответил он сухо и стер диаграмму.

Он коснулся моей головы и сказал, что это центр разума и разговора. Конец моей грудины был центром ощущения. Район ниже пупка был волей. Сновидение было с правой стороны против ребер. Видение — с левой. Он сказал, что иногда у некоторых воинов и сновидение и видение были с правой стороны.

— А где остальные две точки? — спросил я.

Он дал мне совершенно неудобоваримый ответ и расхохотался.

— Ты очень хитрый, — сказал он. — ты думаешь, что я сонный старый козел, не так ли?

Я объяснил ему, что мои вопросы создали свою собственную инерцию.

— Не пытайся спешить, — сказал он. — в соответствующее время ты будешь это знать, и тогда ты будешь сам по себе.

— Ты хочешь сказать, что я больше тебя не увижу, дон Хуан?

— Никогда, — сказал он. — Хенаро и я будем тогда тем, чем мы всегда были — пылью на дороге.

Я ощутил толчок у себя в животе.

— О чем ты говоришь, дон Хуан?

— Я говорю о том, что все мы неизмеримые существа — светящиеся и безграничные. Ты, Хенаро и я связаны вместе целью, которая не является нашим решением.

— О какой цели ты говоришь?

— Об учении пути воина. Ты не можешь уйти с него, но точно так же не можем и мы. До тех пор, пока наше достижение впереди, ты будешь находить меня или Хенаро. Но когда оно будет выполнено, ты полетишь свободно и никому неизвестно, куда сила твоей жизни понесет тебя.

— Что в этом делает дон Хенаро?

— Пока что этот предмет не для тебя, — сказал он. — сегодня я должен углубить тот коготок, который вонзил в тебя Хенаро — тот факт, что мы есть светящиеся существа. Мы — восприниматели. Мы — осознание. Мы — не предметы, мы не имеем твердости, мы безграничны. Мир предметов и твердости — это только способ сделать легким наш проход по земле. Это только описание, которое мы создали, чтобы оно помогало нам. Мы, или вернее наш разум забывает, что описание это только описание и таким образом мы заключаем целостность нас самих в заколдованный круг, из которого мы редко вырываемся в течение нашей жизни.

В данный момент, например, ты занят тем, что вытаскиваешь себя из клещей разума. Для тебя является невероятным и немыслимым то, что Хенаро вдруг появляется на краю чапараля, и тем не менее ты не можешь отрицать то, что был свидетелем этого. Ты воспринял это событие как таковое.

Дон Хуан усмехнулся. Он тщательно нарисовал другую диаграмму на пепле и накрыл ее своей шляпой прежде, чем я успел ее скопировать.

— Мы — восприниматели, — продолжал он, — хотя тот мир, который мы воспринимаем является иллюзией. Он был создан описанием, которое рассказывалось нам с момента нашего рождения.

Мы — светящиеся существа — рождены с двумя кольцами силы. Но мы пользуемся только одним, чтобы создавать мир. Это кольцо, которое прицепляется очень скоро после рождения, есть разум и его компаньон — разговор. Они сотрудничают друг с другом и создают мир.

Поэтому, по существу, тот мир, который твой разум хочет поддерживать, является миром, созданным описанием и его догматическими и нерушимыми законами, которые разум выучивается принимать и защищать.

Секрет светящихся существ состоит в том, что у них есть другое кольцо силы, которым они никогда не пользуются — воля. Трюк мага это тот же самый трюк среднего человека. Оба имеют описание. Один — средний человек, поддерживает его своим разумом. Другой — маг — своей волей. Оба описания имеют свои законы, и эти законы объективны. Но преимуществом мага является то, что воля более захватывающа, чем разум. Предложение,

которое я хочу сделать в данный момент состоит в том, чтобы с этого времени ты позволил себе воспринимать, поддерживать описание твоим разумом или твоей волей. Чувствую, что это единственный способ для тебя использовать свой повседневный мир как вызов и средство накопить достаточно личной силы, чтобы получить целостность самого себя.

Может быть в следующий раз, когда ты приедешь, у тебя будет ее достаточно. Во всяком случае, жди до тех пор, пока не почувствуешь, что внутренний голос говорит тебе делать так. Если ты приедешь в любом другом духе, то это будет тратой времени и опасностью для тебя.

Я заметил, что если я должен ждать такого внутреннего голоса, то я никогда не увижу его вновь.

— Ты бы удивился тому, насколько хорошо можно действовать, когда тебя припрут к стене — сказал он.

Он поднялся и поднял охапку дров. Несколько сухих палок он положил на глиняную печь. Пламя отбрасывало на землю желтоватые отблески. Затем он потушил лампу и сел на корточки перед своей шляпой, которая накрывала тот рисунок, что он сделал на пепле.

Он скомандовал мне сесть спокойно, выключить свой внутренний диалог и удерживать мои глаза на его шляпе. Несколько секунд я боролся с собой, а затем почувствовал ощущение парения или падения со скалы. Казалось, меня ничего не поддерживало, или я как бы не сидел вообще, или не имел тела.

Дон Хуан поднял свою шляпу. Под ней были спирали пепла. Я смотрел на них, не думая. Я видел, что спирали двигаются и ощущал их в своем животе. Пепел, казалось, собирался в груду, затем он взметнулся, развеялся и внезапно дон Хуан оказался сидящим передо мной.

Это зрелище мгновенно вернуло мой внутренний диалог. Я подумал, что должно быть заснул. Я начал прерывисто дышать и попытался открыть глаза, но мои глаза были открыты.

Я слышал, как дон Хуан говорит мне встать и подвигаться. Я вскочил и побежал на веранду. Дон Хуан и дон Хенаро побежали за мной. Дон Хуан принес свою лампу. Я не мог перевести дыхание. Я попытался успокоиться так, как я это делал раньше, выполняя бег на месте и обратясь лицом к западу. Я поднял руки и начал дышать. Дон Хуан подошел ко мне сбоку и сказал, что эти движения делаются только в сумерках. Дон Хенаро закричал, что для меня это сумерки, и они оба начали смеяться. Дон Хенаро побежал к кустам, а затем прыгнул обратно на веранду, как если бы он был привязан к огромной резиновой ленте, которая растянулась, а затем дернула его обратно. Он повторил это движение три-четыре раза, а затем подошел ко мне. Дон Хуан смотрел на меня пристально, хихикая как ребенок.

Они обменялись незаметными взглядами. Дон Хуан громким голосом сказал дону Хенаро, что мой разум опасен и что он может убить меня, если он не усмирен.

— Бога ради! — воскликнул дон Хенаро ревущим голосом. — убери его разум!

Они подпрыгивали и смеялись как два ребенка. Дон Хуан усадил меня под лампой и вручил мне мой блокнот.

— Сегодня мы действительно дурачим тебя — сказал он заговорщицким тоном. — не бойся, Хенаро прятался под моей шляпой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТОНАЛЬ И НАГВАЛЬ

4.

Я шел к центру города по улице Пасео де ля реформа. Я был утомлен. Высота города мехико без сомнения была с этим связана. Я мог сесть на автобус или такси, но каким-то образом, несмотря на мою усталость, мне хотелось пройтись. Это был воскресный день. Движение было минимальным и все же выхлопные газы автобусов и автомашин с дизельными двигателями делали узкие улочки центрального района города похожими на ущелья смога.

Я пришел к Сокале и заметил, что кафедральный собор мехико, казалось, более обветшал за последнее время с тех пор, как я его видел. Я несколько углубился в огромные холлы. Циничная мысль мелькнула у меня в голове.

Оттуда я направился на базар Лагунилья. У меня не было никакой определенной цели. Я шел бесцельно, но хорошим шагом, ни к чему в особенности не приглядываясь. Кончил я тем, что остановился у прилавка старых монет и подержанных книг.

— Привет, привет! Смотри-ка, кто здесь! — сказал кто-то слегка хлопнув меня по плечу.

Голос и восклицания заставили меня повернуться. Я быстро повернулся направо и от удивления разинул рот. Человек, заговоривший со мной был доном Хуаном.

— Боже мой, дон Хуан! — воскликнул я и дрожь прошла у меня по телу с головы до ног. — что ты делаешь тут?

— Что ты делаешь тут? — ответил он как эхо.

Я сказал, что остановился в городе на пару дней, прежде чем отправиться в горы центральной Мексики на поиски его.

— Что ж, скажем тогда, что я спустился с этих гор найти тебя, — сказал он улыбаясь.

Он несколько раз похлопал меня по плечу.

Казалось, он был рад меня видеть. Он положил руки на бедра и раздув грудную клетку спросил меня, нравится ли мне его внешний вид. Только тут я заметил, что он одет в костюм. Весь груз такой несообразности обрушился на меня. Я был оглушен.

— Как тебе нравятся мои такуче? — спросил он, сияя. Он использовал жаргонное слово «такучо» вместо стандартного испанского слова «трахэ» — костюм. — Сегодня я в костюме, сказал он, как бы объясняя, а затем, указывая на мой рот, добавил, — закрой, закрой.

Я рассеянно смеялся. Он заметил мое смущение, его тело тряслось от смеха, когда он поворачивался, чтобы я мог его видеть со всех сторон. Его выправка была невероятной. На нем были одеты светло-коричневый костюм с бритвенно острыми складками, коричневые ботинки, белая рубашка и галстук! Это заставило меня раздумывать над тем, есть на нем носки или же он надел свои туфли прямо без них.

К моему ошеломлению добавлялось то безумное ощущение, которое я имел, когда дон Хуан хлопнул меня по плечу, и я повернулся. Мне казалось тогда, что я вижу его в его штанах цвета хаки, в рубашке, сандалиях и соломенной шляпе. А затем, когда он заставил меня осознать его одеяние, и когда я остановил свое внимание на каждой детали его, целостность его одежды стала фиксированной, как если бы я создал ее своими мыслями. Мой рот, казалось, был таким участком моего тела, который был наиболее поражен удивлением. Он открывался непроизвольно. Дон Хуан слегка коснулся моего подбородка, как бы помогая мне закрыть его.

— Ты определенно развиваешь второй подбородок, — сказал он и рассмеялся прерывисто. Тут я понял, что он без шляпы и что его короткие белые волосы расчесаны справа на пробор. Он выглядел старым мексиканским джентльменом, безупречно одетым городским жителем.

Я сказал ему, что, обнаружив его тут, я так разнервничался, что мне необходимо сесть. Он хорошо меня понимал и предложил пойти в ближайший парк.

Мы прошли несколько кварталов в полном молчании, а затем пришли на площадь Гаррибальди, место, где музыканты предлагают свои услуги. Своего рода биржа труда музыкантов.

Дон Хуан и я смешались с толпой зрителей и туристов и прошли по парку. Через некоторое время он остановился, облокотился о стену и слегка поддернул свои брюки на коленях. На нем были светло-коричневые носки. Я попросил его объяснить мне значение его загадочного вида. Его неопределенным ответом было, что просто ему необходимо быть в костюме в этот день по причинам, которые будут ясны для меня позднее.

То, что я обнаружил дона Хуана в костюме, было столь неземным, что мое возбуждение было почти неуправляемым. Я не видел его несколько месяцев и больше всего на свете хотел поговорить с ним, но каким-то образом обстановка была неподходящей, и мое внимание разбредалось. Дон Хуан, должно быть заметил мою нервозность и предложил, чтобы мы прошли по парку Ля Алямеда, более спокойному месту в нескольких кварталах отсюда.

В этом парке было поменьше людей, и мы без труда нашли пустую скамейку. Мы сели. Моя нервозность уступила место чувству неловкости. Я не смел посмотреть на дона Хуана.

Последовала длинная напряженная пауза. Все еще не глядя на него, я сказал, что внутренний голос в конце концов погнал меня искать его, что те поразительные события, свидетелем которых я был в его доме, глубоко повлияли на мою жизнь и что мне необходимо поговорить о них.

Он сделал жест нетерпения своей рукой и сказал, что в его политику никогда не входит жить прошедшими событиями.

— Что сейчас важно, так это то, что ты выполнил мое предложение, — сказал он. — ты принял свой повседневный мир как вызов, и доказательством того, что ты накопил достаточное количество личной силы, является тот неоспоримый факт, что ты нашел меня без всякой трудности именно в этом месте, где предполагал.

— Очень сомневаюсь, чтобы я смог в это поверить, — сказал я.

— Я ждал тебя, а затем ты показался, — сказал он. — это все, что я знаю. Это все, что захочет знать любой воин.

— Что будет теперь, когда я нашел тебя? — спросил я.

— Во-первых, — сказал он, — мы не будем обсуждать проблемы твоего разума. Этот опыт относится к другому времени и к другому настроению. Правильно говоря они являются

только ступеньками бесконечной лестницы. Делать на них ударение означало бы уходить прочь от того, что имеет место сейчас. Воин, пожалуй, не сможет себе этого позволить.

У меня было почти неодолимое желание жаловаться. Не то, что я сожалел о чем-либо, что случилось со мной, но я искал утешения и сочувствия. Дон Хуан, видимо, знал мое настроение и говорил так, как если бы я действительно произнес свои мысли вслух.

— Только в качестве воина можно выстоять путь знания, — сказал он. — воин не может жаловаться или сожалеть о чем-нибудь. Его жизнь — бесконечный вызов, а вызовы не могут быть плохими или хорошими. Вызовы — это просто вызовы.

Его тон был сухим и суровым, но его улыбка была теплой и обезоруживающей.

— Теперь, когда ты здесь, что мы будем делать, так это ждать знака, — сказал он.

— Какого рода знака? — спросил я.

— Мы должны узнать, может ли твоя сила стоять на своем, — сказал он. — прошлый раз ты жалко мелочился, на этот раз обстоятельства твоей личной жизни, видимо, дали тебе по крайней мере на поверхности все необходимое, чтобы иметь дело с объяснением магов.

— А что есть шанс, что ты сможешь рассказать мне о нем?

— Это зависит от твоей личной силы, — сказал он. — как всегда бывает в делании и неделании воинов, личная сила — это единственное, что имеет значение. Пока что я могу сказать, что ты действуешь неплохо.

После секундного молчания, как бы желая сменить предмет, он поднялся и указал на свой костюм.

— Я надел свой костюм для тебя, — сказал он загадочным тоном. — этот костюм — мой вызов. Смотри, как я хорошо выгляжу в нем! Как легко! А? Ничего не скажешь!

Дон Хуан выглядел исключительно хорошо в своем костюме. Все, о чем я мог подумать как отдушина для сравнения, это о том, как мой дедушка обычно выглядел в своем тяжелом английском фланелевом костюме. У меня всегда было ощущение, что он чувствует себя неестественно, не на своем месте в костюме. Дон Хуан, напротив, выглядел очень естественно.

— Ты думаешь для меня легко выглядеть естественно в костюме? — спросил он.

Я не знал, что сказать. Для себя я однако заключил, судя по его виду и по тому, как он себя вел, что для него это самая легкая вещь в мире.

— Носить костюм — это вызов для меня, — сказал он. — вызов такой же трудный, как для тебя было бы носить сандалии и пончо. Однако у тебя никогда не было необходимости рассматривать это как вызов.

Мой случай другой. Я — индеец.

Мы посмотрели друг на друга. Он поднял брови в молчаливом вопросе, как бы ожидая моих замечаний.

— Основным различием между обычным человеком и воином является то, что воин все принимает как вызов, в то время как обычный человек принимает все или как благословение, или как проклятие. Тот факт, что ты сегодня здесь, указывает, что ты потрогал чешуйки в пользу пути воина.

Его пристальный взгляд волновал меня. Я попытался подняться и пройтись, но он усадил меня.

— Ты будешь сидеть здесь и не елозить до тех пор, пока мы не окончим. Мы ожидаем знака, мы не можем продолжать без него, потому что того, что ты меня нашел недостаточно, как было недостаточно того, что ты нашел Хенаро в тот день в пустыне. Пружина твоей воли должна завестись и дать указание.

— Я не могу понять, чего ты хочешь, — сказал я.

— Я видел что-то кружащее вокруг парка, — сказал он.

— Это был олли? — спросил я.

— Нет, не был. Поэтому мы должны сидеть здесь и обнаружить, что за знак накручивает твоя воля.

Затем он попросил меня дать ему детальный отчет о том, как я выполнил те рекомендации, которые дали дон Хенаро и он относительно моей повседневной жизни и моих взаимоотношений с людьми. Я ощутил себя слегка раздраженным. Он снял с меня напряжение тем доводом, что мои личные дела не были личными, поскольку они включались в задачу магии, которую он и дон Хенаро встраивали в меня. Я шутя заметил, что моя жизнь была разрушена из-за этой задачи магии и пересказал ему трудности в поддерживании моего повседневного мира.

Я говорил долго. Дон Хуан смеялся над моим отчетом до тех пор, пока слезы не потекли у него по щекам. Он несколько раз хлопал себя по ляжкам, и этот жест, который я видел в его исполнении сотни раз, был определенно не на месте, когда он исполнялся на костюмных брюках. Я был наполнен тревогой, которую был обязан выразить словами.

— Твой костюм пугает меня более всего остального, что ты делал со мной, — сказал я.

— Ты привыкнешь к нему, — сказал он. — воин должен быть текучим и должен смещаться в гармонии с миром, его окружающим, будь это мир разума или мир воли.

Самый опасный аспект такого смещения выходит на поверхность каждый раз, когда воин обнаруживает, что мир ни то и ни другое. Мне говорили, что единственным способом преуспеть в этом критическом смещении, это продолжать свои действия как если ты веришь. Другими словами, секрет воина в том, что он верит, не веря. Очевидно однако, что воин не может просто сказать, что он верит. И на этом все оставить. Это было бы слишком легко. Простая вера устранила бы его от анализа ситуации. Воин во всех случаях, когда он должен связать себя с верой, делает это по собственному выбору, как выражение своего внутреннего предрасположения. Воин не верит, воин должен верить.

Несколько секунд он смотрел на меня. Пока я записывал в свой блокнот. Я молчал. Я не мог сказать, что я понял разницу, но я не хотел спорить или задавать вопросы. Я хотел подумать над тем, что он сказал, но моя мысль разбегалась, когда я смотрел вокруг. На улице позади нас стояла длинная очередь автомобилей и автобусов, гудящих своими сигналами. На краю парка метрах в сорока в стороне на одной линии со скамейкой, где мы сидели, стояла группа людей около семи человек, включая трех полицейских в светло-серых униформах. Они сгрудились над человеком, неподвижно лежащим на траве. Казалось, он был пьян или может быть серьезно болен. Я взглянул на дона Хуана. Он тоже смотрел на человека. Я сказал ему, что по какой-то причине я не способен сам разобраться в том, что он только что мне сказал.

— Я не хочу больше задавать вопросы, — сказал я. — но если я не прошу тебя объяснить, я не понимаю. Не задавать вопросов очень ненормально для меня.

— Прошу тебя быть нормальным любыми средствами, — сказал он с наигранной серьезностью.

Я сказал, что я не понимаю разницы между тем, когда человек верит и должен верить. Для меня это одно и то же. Воспринимать, что эти утверждения различны было бы все равно, что расщеплять волосы.

— Помнишь историю, которую ты рассказывал мне о своей подруге и ее кошках? — спросил он спокойно.

Он взглянул на небо и откинулся на скамейке, вытянув ноги. Руки он заложил за голову и сократил мышцы всего тела, как это бывало всегда, его кости издали громкий трещащий звук.

Он имел в виду историю, которую я однажды рассказывал ему о своей подруге, которая нашла двух котят почти мертвых в сушилке прачечной. Она привела их в нормальное состояние, вернула им жизнь и путем отличного кормления и заботы вырастила их в двух гигантских котов — черного и рыжего.

Два года спустя она продала свой дом. Поскольку она не могла взять своих котов с собой и неспособна была найти для них другой дом, все, что она могла сделать в подобных обстоятельствах — это отнести их в ветеринарную лечебницу, чтобы их усыпили.

Я помогал ей отвозить их. Коты никогда не бывали в машине. Она пыталась их успокоить. Они царапались и кусали ее, особенно рыжий, которого она назвала макс. Когда мы наконец прибыли к ветлечебнице, она взяла черного кота первого и, держа его в руках ни слова не говоря, вышла из машины. Кот играл с ней, трогая ее слегка лапкой, когда она толкнула стеклянную дверь входа в лечебницу. Я взглянул на макса. Он сидел позади. Движение моей головы, должно быть испугало его, потому что он нырнул под сиденье водителя. Я откинул сидение, так как не хотел лезть за ним под него, боясь, что он оцарапает мне руки. Кот лежал в углублении пола машины. Он, казалось, был очень возбужден. Дыхание его было ускоренным, он взглянул на меня. Наши глаза встретились и захватывающее ощущение завладело мной. Что-то охватило мое тело, какая-то тревога, отчаяние, или может быть раздражение из-за того, что я участвую в происходящем.

Я чувствовал необходимость объяснить максу, что это было решением моей подруги, и я только помогаю ей. Кот продолжал смотреть на меня, как бы понимая мои слова.

Я посмотрел, не идет ли она. Через стеклянную дверь я мог видеть, что она разговаривает с приемщицей. Тело мое ощутило странный толчок, и я автоматически открыл дверцу машины. «Беги, макс, беги! — сказал я коту. Он выпрыгнул из машины и промчался через улицу, стелясь телом по земле, как настоящая кошка. Противоположная сторона улицы была пустой. Там не стояло автомашин, и я мог видеть как макс бежит по улице вдоль тротуара. Он добежал до угла большого бульвара, а затем нырнул в водосточное отверстие канализационного люка.

Моя подруга вернулась. Я сказал ей, что макс убежал. Она забралась в машину, и мы уехали, не сказав ни единого слова.

В последующие месяцы этот инцидент стал для меня символом. Мне казалось, а может я видел, отчаянный блеск в глазах макса, когда он взглянул на меня, прежде чем выпрыгнуть из машины, и я верил в то, что на какой-то момент это кастрированное, перекормленное и бесполезное животное-игрушка стало котом.

Я сказал дону Хуану, что убежден, что макс перебежал улицу и нырнул в канализационный люк, когда его «кошачий дух» был неуязвим, и что может быть ни в какое другое время своей жизни не была его «кошачесть» столь очевидной. Впечатление, которое этот случай произвел на меня было незабываемым. Я рассказал эту историю всем своим друзьям. После рассказывания и пересказывания ее мое отождествление с этим котом стало очень приятным.

Я считал себя похожим на Макса, сверхиндульгированного, одомашненного многими способами и, однако же, я не мог не думать, что всегда была возможность одного момента, в который дух человека может овладеть всем его существом, точно так же, как дух «кошачести» овладел разжиревшим и бесполезным телом макса.

Дону Хуану понравилась история, и он сделал несколько замечаний насчет нее. Он сказал, что не так уж трудно позволить духу человека взлететь и взять верх. Удержать его, однако, это нечто такое, что может сделать только воин.

— Что насчет истории с кошками? — спросил я.

— Ты рассказывал мне, что, по твоему мнению, ты пользуешься своими возможностями, как макс, — сказал он.

— Я считаю, что это так.

— Что я пытался тебе рассказать, так это что, как воин, ты не можешь просто поверить в это и все это так оставить. Должен верить в случае с максом означает, что ты принимаешь тот факт, что его побег мог быть бесполезным порывом. Он мог прыгнуть в канализационный люк и сразу погибнуть. Он мог утонуть или умереть от голода, или мог быть съеден крысами. Воин принимает в расчет все эти вероятности, а затем он выбирает верить в соответствии со своим внутренним предрасположением.

Как воин, ты должен верить, что макс сделал это. Что он не только убежал, но что он сохранил свою силу. Ты должен верить в это. Скажем так, что без этой веры ты не имеешь ничего.

Различие стало очень ясно. Я думал, что я действительно избрал верить, что макс выжил, зная, что он избалован жизнью мягкого подушечного воспитания.

— Верить — легко и спокойно, — продолжал дон Хуан. — должен верить — нечто другое. В этом случае, например, сила дала тебе великолепный урок. Ты использовал лишь часть его. Предпочел использовать. Однако, если ты должен верить, то ты должен использовать все события.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — сказал я.

Мой ум находился в состоянии ясности, и мне казалось, что я схватываю его концепции совсем без всяких усилий.

— Боюсь, что ты еще не понимаешь, — сказал он почти шепотом.

Он посмотрел на меня. Секунду я выдерживал его взгляд.

— Как насчет другого кота? — спросил он.

— А? Другого кота? — повторил я невольно.

Я забыл о нем. Мой символ крутился вокруг макса. Другой кот не имел для меня никаких последствий. Он не имел ко мне никакого отношения.

— Но он имеет! — воскликнул дон Хуан, когда я выразил свои мысли. — должен верить означает, что ты должен брать в расчет и другого кота, того, который пошел, играя и облизывая руки несущей его к его року. Это был тот кот, который пошел к своей смерти доверчиво, полный своих кошачих суждений.

Ты думаешь, что ты похож на макса, поэтому ты забыл о другом коте. Ты даже не знаешь его имени. Должен верить означает, что ты должен учитывать все и прежде чем решить, что ты похож на макса, ты должен взять в расчет, что ты может быть похож на другого кота. Вместо того, чтобы убегать, спасая свою жизнь и пользуясь своими возможностями, ты, может быть, радостно идешь к своему року, наполненный своими суждениями.

В его словах была непонятная печаль. Или может быть печаль была моей. Долгое время мы молчали. Мне никогда не приходило в голову, что я могу походить на другого кота. Мысль была очень неприятной для меня.

Какое-то замешательство и приглушенный звук голосов вывели меня внезапно из моих умственных рассуждений.

Полицейские разгоняли людей, собравшихся вокруг человека, лежащего на траве. Кто-то подложил ему под голову скатанный пиджак. Человек лежал параллельно улице лицом к

востоку. С того места, где я сидел, я почти мог наверняка сказать, что его глаза были открыты.

Дон Хуан вздохнул.

— Какой прекрасный день, сказал он, глядя на небо.

— Я не люблю город Мехико, — сказал я.

— Почему?

— Я ненавижу смог.

Он покачал ритмично головой, как бы соглашаясь со мной.

— Я бы лучше был с тобой в пустыне или в горах, — сказал я.

— Если бы я был тобой, я бы этого не сказал, — сказал он.

— Я не имел в виду ничего плохого, дон Хуан.

— Мы оба знаем это. Имеет значение, однако, не то, что ты хотел сказать. Воин или любой другой человек в данном случае определенно не может хотеть быть где-либо еще. Воин, потому что живет по вызову. Обычный человек

— Потому что он не знает, где его найдет его смерть. Взгляни на того человека, что лежит на траве. Как ты думаешь, что с ним неладно?

— Он или пьян или болен, — сказал я.

— Он умирает! — сказал дон Хуан с абсолютной уверенностью. Когда мы сели здесь, я уловил отблеск его смерти, когда она кружила вокруг него. Вот почему я велел тебе не вставать. Дождь или солнце, но ты не должен вставать в этой скамейки пока все не кончится. Это тот знак, которого мы ожидали. Сейчас конец дня, как раз сейчас солнце почти садится. Это твой час силы. Взгляни! Вид этого человека только для нас.

Он указал, что с того места, где мы сидели, нам ничто не заслоняло вида этого человека. Группа зевак собралась полукругом с другой стороны от него, противоположной нам.

Вид человека, лежащего на траве, был для меня очень беспокоящим. Он был сухой телом, темный кожей, еще молодой. Его черные волосы были коротки и вились. Рубашка его была расстегнута, и грудь не покрыта. Он носил оранжевую кофту с дырами на локтях и какие-то старые, избитые, серые босоножки. Он был напряжен. Я не мог сказать, дышит он или нет. Я раздумывал над тем, умирает он или не умирает, как сказал дон Хуан. Или может быть просто дон Хуан использует событие, чтобы сделать свою точку. Мой прошлый опыт с ним придавал мне уверенность, что он каким-то образом заставлял все укладываться в свои загадочные схемы.

Поле долгого молчания я повернулся к нему. Его глаза были закрыты. Он начал говорить, не раскрывая их.

— Этот человек сейчас умрет, — сказал он. — хотя ты не веришь этому, не так ли? — он открыл глаза и секунду смотрел на меня. Глаза его были столь пронзительны, что я застыл.

— Нет, не верю, — сказал я.

Я действительно чувствовал, что все это слишком просто. Мы пришли посидеть в парк и прямо в тот, как если бы все это было подстроено, где был умирающий человек.

— Мир подстраивает себя к себе самому, — сказал дон Хуан, выслушав мои сомнения. — это не подстроено. Это — знак, действие силы.

Мир, поддерживаемый разумом, делает все это событием, которое мы можем понаблюдать секунду на своем пути к более важным делам. Все, что мы можем сказать об этом — так это, что человек лежит на траве парка, вероятно, пьяный.

Мир, поддерживаемый волей, превращает это в действие силы, которое мы можем «видеть». Мы можем видеть смерть, кружащуюся вокруг человека, погружающую свои крючки все глубже и глубже в его светящиеся волокна. Мы можем «видеть», как светящиеся волокна теряют свою натянутость и исчезают одна за другой.

Это две возможности, открытые для нас, светящихся существ. Ты находишься где-то посередине, все еще желая, чтобы все находилось под рубрикой разума, и тем не менее, ты можешь отбросить тот факт, что твоя личная сила выдвинула знак. Мы пришли в этот парк после того, как ты нашел меня, там, где я тебя ждал. Ты нашел меня, просто наткнувшись на меня, не думая, не планируя, и не используя намеренно свой разум. А затем мы садимся здесь и ждем знака. Мы осознаем присутствие этого человека. Каждый замечает его по-своему. Ты своим разумом, я — своей волей.

Этот умирающий один из кубических сантиметров шанса, которых сила воина всегда делает доступными для воина. Искусство воина состоит в том, чтобы быть текучим для того, чтобы схватить его. Я его схватил, а ты?

Я не мог ответить. Я осознал бесконечную пропасть внутри себя и на мгновение ощутил те два мира, о которых он говорил.

— Какой это исчерпывающий знак! — продолжал он. — и все для тебя. Сила показывает тебе, что смерть неизменная добавка к долгу верить. Без осознания смерти все обычно,

тривиально. Только потому, что смерть подкарауливает нас, мир является неизмеримой загадкой. Сила показала тебе это. Все, что я сделал сам, так это развернул детали знака, чтобы тебе было ясно направление. Но, развертывая детали, я показал тебе также, что все, мною сказанное сегодня тебе, это то, во что я должен верить сам, потому что это — продолжение моего духа.

Мгновение мы смотрели друг другу в глаза.

— Я помню стихотворение, которое ты читал мне, — сказал он, отводя глаза в сторону, — о человеке, который давал обет умереть в париже. Как оно там?

Это было стихотворение Цезаря Вольхео «Черный камень на белом камне». Я очень много раз читал и перечитывал дону Хуану по его просьбе первые две строфы:

Я умру в Париже, когда идет дождь,
В тот день, который я уже помню,
Я умру в париже, и не убегу прочь
Может быть осенью, как сегодня, в среду.
Это будет среда, потому что сегодня,
Когда я пишу эти строки — среда.
Мои кости чувствуют поворот
И никогда настолько как сегодня за весь мой путь
Я не видел себя настолько одиноким.

Стихотворение нагнало на меня неописуемую меланхолию.

Дон Хуан сказал, что он должен верить, что умирающий имел достаточно личной силы, чтобы иметь возможность выбрать улицу города мехико как место своей смерти.

— Мы опять возвращаемся к рассказу о двух котах, — сказал он. — мы должны верить, что макс осознал то, что над ним нависло, и подобно тому человеку на траве имел достаточно силы по крайней мере выбрать место своего конца. Но затем там был другой кот. Также, как есть другие люди, чья смерть обовьет их тогда, когда они одиноки, не осознают ее и смотрят на стены и потолок безобразной загроможденной комнаты.

Тот человек, с другой стороны, умирает там, где он всегда жил, на улицах. Три полицейских — его почетный караул. И когда он потеряет сознание, его глаза уловят последний отблеск огней в магазинах на противоположной стороне улицы, машины, деревья и вереницы людей, снующих вокруг, а его уши будут наполнены в последний раз звуками транспорта и голосами проходящих мимо мужчин и женщин.

Так что видишь, без осознания присутствия нашей смерти — нет никакой силы и никакой мистики.

Я долгое время смотрел на человека. Он был неподвижен. Может быть он был мертв, но мое неверие больше не имело никакого значения. Дон Хуан был прав. Долг верить, что мир загадочен и неизмерим, было выражением самогоглубокого предрасположения воина. Без него он не имел ничего.

5. ОСТРОВ ТОНАЛЯ

Мы с доном Хуаном встретились на следующий день в том же самом парке около полудня. На нем все еще был его коричневый костюм. Он снял свой пиджак, сложил его тщательно, но с оттенком высшей небрежности, и положил на скамейку. Его небрежность была очень рассчитанной и в то же время полностью естественной. Я поймал себя на том, что глазею на него. Он, казалось, осознавал тот парадокс, перед которым меня поставил, и улыбнулся. Он поправил галстук. На нем была бежевая рубашка с длинными рукавами. Она очень хорошо на нем сидела.

— Я все еще имею на себе свой костюм, потому что хочу рассказать тебе кое-что имеющее огромную важность, — сказал он, похлопав меня по плечу. — вчера для тебе было хорошее представление, сейчас время прийти к каким-нибудь окончательным соглашениям.

Он сделал долгую паузу. Казалось, он подготавливает фразу. У меня было странное ощущение в животе. Моим немедленным заключением было то, что он собирается рассказать мне объяснение магов. Он пару раз поднимался и прохаживался передо мной, как если бы ему было трудно выразить словами то, что у него на уме.

— Пойдем в ресторан напротив и перекусим, — сказал он наконец.

Он развернул свой пиджак и прежде чем надеть его показал мне, что тот отлично отглажен. «Все сделано согласно существующему порядку, — сказал он и улыбнулся как бы гордый этим, как если бы это имело значение.

— Я вынужден обратить на это твое внимание или бы ты не заметил этого. А сейчас очень важно, чтобы ты это осознал. Ты осознаешь все только тогда, когда ты думаешь, что тебе это нужно. Условие воина однако состоит в том, чтобы осознавать все во всякое время.

Мой костюм и все эти аксессуары важны, потому что они представляют мое положение в жизни, или скоре одну из двух частей моей целостности. Этот разговор давно ожидал своей очереди. Я чувствую, что сейчас для него пришло время. Однако должен он был быть проведен как следует или же он совсем не будет иметь смысла. Мне нужен был мой костюм, чтобы дать тебе первый намек. Я считаю, что он его дал. Теперь время разговаривать, потому что, что касается этой темы, то тут невозможно полное понимание без разговора.

— Что это за тема, дон Хуан?

— Целостность самого себя.

Он резко поднялся и повел меня в ресторан в большом отеле напротив. Хозяйка довольно недружелюбно дала нам столик в заднем углу. Очевидно избранные места были вдоль окон.

Я сказал дону Хуану, что эта женщина напомнила мне другую хозяйку в Аризоне, где мы с ним когда-то ели, которая спросила нас, прежде чем вручила нам меню, хватит ли у нас денег.

— Я не виню эту бедную женщину тоже, — сказал дон Хуан, как бы симпатизируя ей. — она также, как и та, другая, боится мексиканцев.

Он мягко засмеялся. Пара людей за соседними столами повернула головы и посмотрела на нас.

Дон Хуан сказал, что не зная, а может быть даже вопреки себе, хозяйка дала нам самый лучший столик в доме. Столик, где мы можем разговаривать, а я могу писать от всего сердца.

Я только что вытащил свой блокнот из кармана и положил его на стол; когда к нам внезапно подлетел официант. Казалось, он тоже был в плохом настроении. Он стоял над нами с вызывающим видом.

Дон Хуан начал заказывать очень сложный обед для себя. Он заказывал, не глядя на меню, как если бы знал его наизусть. Я растерялся. Официант появился неожиданно, и я не успел прочитать меню, потому я сказал ему, что хочу то же самое.

Дон Хуан прошептал мне на ухо: «даю тебе честное слово, у них нет того, что я заказал.

Он вытянул руки и ноги и сказал мне, чтобы я расслабился и сидел удобно, потому что пока приготовят обед пройдет вечность.

— Ты на очень примечательном перекрестке, — сказал он. — может быть последнем, и может быть также самом трудном для понимания. Некоторые из тех вещей, которые я собираюсь указать тебе сегодня, наверное никогда не станут ясными. Во всяком случае от них и не ожидается этого. Поэтому не раздражайся и не разочаровывайся. Все мы немые существа, когда вступаем в мир магии. А вступление в него ни в коем случае не гарантирует нам, что мы изменимся. Некоторые из нас остаются немыми до самого конца.

Мне понравилось, когда он включил себя в среду идиотов. Я знал, что сделал это не из доброты, а как дидактическое средство.

— Не теряйся, если ты не улавливаешь того, что я буду тебе говорить, — продолжал он. — учитывая твой темперамент, я боюсь, что ты сможешь сбить самого себя с ног, пытаясь понять. Не надо! То, что я собираюсь сказать, предназначается только для того, чтобы указать направление.

У меня появилось внезапное ощущение тревоги. Предупреждение дона Хуана бросило меня в бесконечные рассуждения. В других случаях он предупреждал меня точно таким же образом, и каждый раз после того, как он это делал, то, о чем он меня предупреждал, оборачивалось разрушительным событием.

— Я становлюсь очень нервным, когда ты разговариваешь со мной таким образом, — сказал я.

— Я знаю это, — ответил он спокойно. — я намеренно заставляю тебя подняться на цыпочки. Мне нужно твое внимание, твое нераздельное внимание.

Он сделал паузу и взглянул на меня.

Я рассмеялся нервно и неприязненно. Я знал, что он растягивает драматические возможности ситуации настолько, насколько может.

— Я не говорю тебе это для эффекта, — сказал он как бы прочитав мои мысли. — я просто даю тебе время сделать необходимую настройку.

В этот момент к нашему столу подошел официант и заявил, что у них нет ничего из того, что мы заказали. Дон Хуан громко засмеялся и заказал кукурузные блинчики с мясом и бобы. Официант укоризненно усмехнулся и сказал, что они такого не готовят, предложив бифштекс или курицу. Мы договорились о супе.

Ели мы в молчании. Мне суп не понравился, и я не мог его докончить, но дон Хуан съел свой весь.

— Я надел свой пиджак, — сказал он внезапно, — чтобы рассказать тебе о том, что ты уже знаешь, но то, что следует разъяснять, чтобы оно стало эффективным. Я ждал до сих пор,

потому что Хенаро чувствует, что ты не только должен хотеть пойти по дороге знания, но сами твои усилия, должны быть достаточно неуязвимы, чтобы сделать тебя стоящим этого знания. Ты действовал хорошо. Теперь я расскажу тебе объяснение магов.

Он опять сделал паузу, потер щеки и поиграл языком внутри рта, как бы ощупывая зубы.

— Я собираюсь рассказать тебе о тонале и нагвале, — сказал он и взглянул на меня пронзительно.

Это был первый раз за время нашего знакомства, чтобы он использовал эти два термина. Я был смутно знаком с ними из антропологической литературы о культурах центральной Мексики. Я знал, что тональ считается своего рода сторожевым духом, обычно животным, которого ребенок получал при рождении и с которым он был связан интимными узами до конца своей жизни. Нагваль — было название, дававшееся животному, в которое маг мог превращаться, или же тому магу, который практиковал такие превращения.

— Это мой тональ, — сказал дон Хуан, потерев руками грудь.

— Твой костюм?

— Моя личность.

Он похлопал по груди, по коленям по ребрам.

— Мой тональ — все это. Он мне объяснил, что каждое человеческое существо имеет две стороны, два отдельных существа, две противоположные стороны, которые становятся действующими в момент рождения. Одна называется «тональ», другая — «нагваль». Я рассказал ему, что антропологи знали об этих двух концепциях. Он позволил мне говорить, не прерывая.

— Ну, что бы ты там ни думал или знал о них, это чистая чепуха, — сказал он. — я основываю это заявление на том факте, что то, что я тебе говорю о тонале и нагвале, не могло быть сказано тебе раньше. Любой идиот знал бы, что ты ничего об этом не знаешь, потому что, чтобы познакомиться с этим, тебе следует быть магом, а ты не маг. Или тебе нужно было бы говорить об этом с магом, а ты не говорил. Поэтому отбрось все то, что ты слышал об этом раньше, потому что это неприложимо.

— Это было только замечанием, — сказал я.

Он поднял брови с комическим жестом.

— Твои замечания неуместны, — сказал он. — на этот раз мне нужно твое нераздельное внимание, поскольку я собираюсь познакомить тебя с тоналем и нагвалем. Маги имеют особый и уникальный интерес к этому знанию. Я бы сказал, что тональ и нагваль находятся исключительно в сфере людей знания. В твоем случае это заслонка, которая закрывает все то, чему я тебя обучал. Поэтому я ожидал до сих пор, чтобы заговорить о них.

— Тональ — это животное, которое охраняет человека. Я бы сказал, пожалуй, что это хранитель, который может быть представлен как животное, но это не важный момент.

Он улыбнулся и подмигнул мне.

— Теперь я использую твои собственные слова, — сказал он. — тональ — это общественное лицо.

Он засмеялся, я полагаю, при виде моего замешательства. — Тональ является по праву защитником, хранителем. Хранителем, который большей частью превращается в охранника.

Я путался со своим блокнотом. Я старался уделять внимание тому, что он говорит. Он засмеялся и скопировал мои нервные движения.

— Тональ — это организатор мира, — продолжал он. — может быть лучшим способом описания его монументальной работы будет сказать, что на его плечах покоится задача приведения хаоса мира в порядок. Но будет чрезмерным заявлять, как это делают маги, что все то, что мы знаем как люди, является работой тоналя.

В данный момент, например, все, что участвует в попытке найти смысл в нашем разговоре, является твоим тоналем. Без него были бы только бессмысленные звуки и гримасы, и ты не понял бы ничего из того, что я говорю.

Скажу далее, что тональ является хранителем, который охраняет нечто бесценное, нас самих. Поэтому врожденным качеством тоналя является быть консервативным и ревнивым относительно своих действий. А поскольку его деяния являются самой что ни на есть важнейшей частью нашей жизни, то не удивительно, что он постепенно изменяется в каждом из нас из хранителя в охранника.

Он остановился и спросил меня, понял ли я. Я автоматически утвердительно кивнул головой, и он улыбнулся с видом недоверия.

— Хранитель мыслит широко и все понимает, — объяснил он. — охранник, с другой стороны, бдительный, узко мыслящий и большей частью деспот. Скажу далее, что тональ во всех нас был превращен в мелочного и деспотичного охранника в то время, как он должен бы быть широко мыслящим хранителем.

Я определенно не улавливал нити его объяснения. Я расслышал и записал каждое слово и однако же, я был, казалось, забит каким-то своим собственным внутренним диалогом.

— Мне очень трудно следить за тобой, — сказал я.

— Если бы ты не цеплялся за разговоры с самим собой, то у тебя не было бы неприятностей, — сказал он резко.

Его замечание ввергло меня в длинное объяснительное заявление. В конце концов я спохватился и извинился за свою настойчивость защищаться.

Он улыбнулся и сделал знак, который, казалось, показывал, что его это действительно не раздражает.

— Тональ — это все, что мы есть, — продолжал он. — назови его! Все, для чего у нас есть слово — это тональ. А поскольку тональ является его собственным деянием, тогда все, очевидно, попадает в его границы.

Я напомнил ему, что он сказал, будто «тональ» был общественным лицом. Термин, который сам я использовал с ним, чтобы обозначить человеческое существо как конечный результат процесса социализации. Я указал, что тональ был продуктом. Он не мог быть всем, как он сказал, потому что мир вокруг нас не является продуктом социализации.

Дон Хуан напомнил мне, что мой аргумент не имеет под собой основы для него, и что намного ранее он уже отмечал, что не существует никакого мира в широком смысле, а только описание мира, которое мы научились визуализировать и принимать как само собой разумеющееся.

— Тональ — это все, что мы знаем, — сказал он. — я думаю, что это само по себе уже достаточная причина для того, чтобы тональ был таким сверхсильным делом.

Он на секунду остановился. Казалось, он определенно ожидает замечаний или вопросов, но у меня их не было, однако же, я чувствовал себя обязанным задать вопрос и старался сформулировать подходящий. Мне не удалось. Я чувствовал, что предупреждения, которыми он открыл наш разговор, являлись, возможно, детергентом для любых вопросов с моей стороны. Я чувствовал себя странно онемевшим. Я не мог сконцентрироваться и привести в порядок свои мысли. Фактически я чувствовал и знал без тени сомнения, что я не способен думать, и в то же время я знал это не думая, если только это возможно.

Я взглянул на дона Хуана. Он глядел на среднюю часть моего тела. Он поднял глаза, и ясность мысли вернулась ко мне мгновенно.

— Тональ — это все, что мы знаем, — повторил он медленно, — и это включает не только нас, как личности, но и все в нашем мире. Можно сказать, что тональ это все, что встречает глаз.

Мы начинаем растить его с момента рождения. В тот момент, когда мы делаем первый вдох воздуха, мы вдыхаем также силу для тоналя. Поэтому правильно сказать, что тональ человеческого существа интимно связан с его рождением.

Ты должен запомнить этот момент. Очень важно понимание всего этого. Тональ начинается с рождения и заканчивается со смертью.

Я хотел пересмотреть все, что он сказал. Я уже было раскрыл рот, чтобы попросить его повторить неясные точки нашего разговора, но к своему изумлению я не смог произнести свои слова. Я испытывал очень любопытную неспособность. Мои слова были тяжелыми, и я не имел никакого контроля над этим ощущением.

Я взглянул на дона Хуана, чтобы показать ему, что не могу говорить. Он опять смотрел на мой живот.

Он поднял глаза и спросил, как я себя чувствую. Слова полились из меня, как будто прорвало плотину. Я рассказал ему, что у меня было любопытное ощущение, будто я не могу ни говорить ни думать, и в то же время мои мысли были кристально ясными.

— Твои мысли были кристально ясными? — спросил он.

Я сообразил тогда, что ясность не относилась к моим мыслям, а только к моему восприятию мира.

— Ты что-нибудь делаешь со мной, дон Хуан? — спросил я.

— Я пытаюсь убедить тебя в том, что твои замечания не нужны, — сказал он и засмеялся.

— Значит ты не хочешь, чтобы я задавал вопросы?

— Нет, нет, задавай, все, что хочешь. Но не давай отвлекаться своему вниманию.

Я вынужден был признать, что был рассеян из-за безбрежности темы.

— Я все еще не могу понять, дон Хуан, что ты имеешь в виду под тем заявлением, что тональ это все, — сказал я после секундной паузы.

— Тональ это то, что делает мир.

— Тональ является создателем мира?

Дон Хуан почесал виски.

— Тональ создает мир только образно говоря. Он не может создать или изменить ничего, и тем не менее он делает мир, потому что его функция состоит в том, чтобы судить, свидетельствовать и оценивать. Я говорю, что тональ делает мир, потому что он свидетельствует и оценивает его согласно своим тональным законам. Очень странным образом тональ является творцом, который не творит ни единой вещи другими словами, тональ создает законы, по которым он воспринимает мир, так что, образно говоря, он творит мир.

Он мурлыкал популярную мелодию, отбивая ритм пальцами на краю стула. Его глаза сияли. Казалось, они искрятся. Он усмехнулся и покачал головой.

— Ты не слушаешь меня, — сказал он улыбаясь.

— Слушаю, у меня нет никаких проблем, — сказал я, но не очень убежденно.

— Тональ — это остров, — объяснил он. — лучший способ описать его, это сказать, что тональ — вот это.

Он очертил рукой середину стола.

— Мы можем сказать, что тональ как вершина этого стола, остров, и на этом острове мы имеем все. Этот остров фактически мир.

Есть личные тонали для каждого из нас и есть коллективный тональ для всех нас в любое данное время, который мы можем назвать тоналем времен.

Он показал на ряд столов в ресторане. — Взгляни, каждый стол имеет одни и те же очертания. Определенные предметы есть на каждом из них. Индивидуально они, однако, отличаются один от другого. За одними столами больше людей, чем за другими, на них разная пища, разная посуда, различная атмосфера, и однако мы должны согласиться, что все столы в ресторане очень похожи. Та же самая вещь происходит с тоналем. Мы можем сказать, что тональ времен это то, что делает нас похожими. Точно также, как все столы в этом ресторане похожи. Каждый стол, тем не менее, это индивидуальный случай, точно так же, как личный тональ каждого из нас. Однако, следует иметь в виду тот важный момент, что все, что мы знаем о нас самих и о нашем мире, находится на острове тоналя. Понимаешь, о чем я говорю?

— Если тональ это все, что мы знаем о нас и нашем мире, что же такое нагваль?

— Нагваль — это та часть нас, с которой мы вообще не имеем никакого дела.

— Прости, я не понял.

— Нагваль — это та часть нас, для которой нет никакого описания. Нет слов, нет названий, нет чувств, нет знания.

— Но это противоречие, дон Хуан. По моему мнению, если это не может быть почувствовано, описано или названо, то оно не может существовать.

— Это противоречие только по твоему мнению. Я предупреждал тебя ранее, чтобы ты не пытался сбить самого себя с ног, стараясь понять это.

— Не говоришь ли ты, что нагваль это ум?

— Нет, ум — это предмет на столе, ум — это часть тоналя. Скажем так, что ум — это чилийский соус.

Он взял бутылку соуса и поставил ее передо мной.

— Может нагваль — душа?

— Нет, душа тоже на столе. Скажем, душа — это пепельница.

— Может это мысли людей?

— Нет, мысли тоже на столе. Мысли как столовое серебро. Он взял вилку и положил ее рядом с чилийским соусом и пепельницей.

— Может быть это состояние блаженства, неба?

— И не это тоже. Это, чем бы оно ни было, есть часть тоналя. Это, скажем, бумажная салфетка.

Я продолжал перечислять возможные способы описания того, о чем он говорит: чистый интеллект, психика, энергия, жизненная сила, бессмертие, принцип жизни. Для всего, что я называл, он нашел предмет на столе как противовес и ставил его передо мной, пока все предметы на столе не были собраны в одну кучу.

Дон Хуан, казалось, наслаждался бесконечно. Он хихикал, потирал руки каждый раз, когда я называл другую вероятность.

— Может быть нагваль — высшее существо, всемогущий бог? — спросил я.

— Нет, бог тоже на столе. Скажем так, что бог — это скатерть. Он сделал шутливый жест для того, чтобы скомкать ее и положить с другими предметами передо мной.

— Но значит ты говоришь, что бога не существует?

— Нет, я не сказал этого. Все, что я сказал, так это что нагваль — не бог, потому что бог является предметом нашего личного тоналя и тоналя времен. Тональ является, как я уже сказал, всем тем, из чего мы думаем, состоит мир, включая бога, конечно.

Бог не более важен, чем что-либо другое, будучи тоналем нашего времени.

— В моем понимании, дон Хуан, — бог — это все. Разве мы не говорим об одной и той же вещи?

— Нет, бог это только все то, о чем мы можем думать, поэтому, правильно говоря, он только другой предмет на этом острове. Бога нельзя посмотреть по собственному желанию, о нем можно только говорить. Нагваль, с другой стороны, к услугам воина. Можно быть его свидетелем, но о нем нельзя поговорить.

— Если нагваль не является ни одной из тех вещей, которые я перечислил, то может быть ты сможешь рассказать мне о его местоположении. Где он?

Дон Хуан сделал широкий жест и показал на область за границами стола. Он провел рукой, как если бы ее тыльной стороной очищал воображаемую поверхность, которая продолжалась за краями стола.

— Нагваль там, — сказал он. — там, окружающий остров. Нагваль там, где обитает сила.

Мы чувствуем с самого момента рождения, что есть две части нас самих. В момент рождения и некоторое время спустя мы являемся целиком нагвалем. Мы чувствуем затем, что для того, чтобы функционировать, нам необходима противоположная часть того, что мы имеем. Тональ отсутствует, и это дает нам с самого начала ощущение неполноты. Затем тональ начинает развиваться и становится совершенно необходимым для нашего функционирования. Настолько необходимым, что он замутняет сияние нагваля. Он захлестывает его. С того момента как мы становимся целиком тоналем, мы уже ничего больше не делаем как только взращиваем наше старое ощущение неполноты, которое сопровождало нас с момента нашего рождения и которое постоянно нам говорит, что есть другая часть, которая дала бы нам цельность.

С того момента, как мы становимся целиком тоналем, мы начинаем делать пары. Мы ощущаем наши две стороны, но мы всегда представляем их предметами тоналя. Мы говорим, что две наши части — это душа и тело, или ум и материя, или добро и зло, бог или дьявол. Мы никогда не осознаем, однако, что просто спариваем вещи на одном и том же острове, точно так же, как спаривать кофе и чай, хлеб и лепешки, или чилийский соус и горчицу. Мы странные животные, говорю тебе. Нас унесло в сторону, но в своем безумии мы считаем, что имеем совершенный смысл.

Дон Хуан поднялся и обратился ко мне, как если бы он был оратором. Он ткнул в меня указательным пальцем и заставил свою голову задрожать.

— Человек движется не между добром и злом, — сказал он смешным риторическим тоном, хватая солонку и перечницу в обе руки. — его истинное движение состоит между отрицательностью и положительностью.

Он уронил солонку и перечницу и схватил нож и вилку.

— Вы не правы! Никакого движения тут нет, — продолжал он, как бы отвечая самому себе. — человек — это только ум!

Он взял бутылку соуса и поднял ее. Затем он опустил ее.

— Как ты можешь видеть, — сказал он тихо, — мы легко можем заменить ум чилийским соусом и закончить все, сказав: «человек — это только чилийский соус» такой поступок не делает нас более психически больными, чем мы есть.

— Боюсь, что я задал не тот вопрос, — сказал я. — может быть мы пришли бы к лучшему пониманию, если я бы спросил, что особенного можно найти в районе за островом.

— Нет способа ответить на это. Если я скажу «ничего», я только сделаю нагваль частью тоналя. Все, что я могу сказать так это то, что за границами острова находишь нагваль.

— Но когда ты называешь его нагваль, разве ты не помещаешь его на острове?

— Нет. Я назвал его только потому, чтобы дать тебе осознать его существование.

— Хорошо! Но разве то, что я осознаю это, не является той ступенькой, которая превращает нагваль в новый предмет моего тоналя?

— Боюсь, что ты не понимаешь. Я назвал тональ и нагваль как истинную пару. Это все, что я сделал.

Он напомнил мне, что однажды, пытаясь объяснить ему свою настойчивость в том, чтобы во всем улавливать смысл, я говорил об идее, что дети, может быть, не способны воспринимать разницу между «отцом» и «матерью», пока они не разовьются достаточно в смысле обращения со значениями, и что они, возможно, верят, что отец — это тот, кто носит штаны, а «мать» — юбки, или учитывает какие-нибудь другие различия в прическе, размере тела или предметах одежды.

— Мы явно делаем то же самое с нашими двумя частями, — сказал он. — мы чувствуем, что есть другая сторона нас, но когда мы стараемся определить эту сторону, тональ захватывает рычаги управления, а как директор он крайне мелочен и ревнив. Он ослепляет нам глаза своими хитростями и заставляет нас забыть малейшие намеки на другую часть

истинной пары — нагваль.

6. ДЕНЬ ТОНАЛЯ

Когда мы покинули ресторан, я сказал дону Хуану, что он был прав, предупреждая меня о трудности темы, и что мой интеллектуальный багаж оказался несоответствующим для того, чтобы я смог ухватить его концепции и объяснения. Я предположил, что может быть, если я пойду в свою гостиницу и прочитаю свои записки, мое восприятие предмета может улучшиться. Он постарался успокоить меня, сказав, что я тревожусь о словах. Пока он говорил, я испытал озноб и на мгновение почувствовал, что действительно есть какая-то другая часть меня самого.

Я заметил дону Хуану, что испытываю какое-то необъяснимое ощущение. Мое заявление явно возбуждало его любопытство. Я рассказал ему, что подобные ощущения бывали у меня и раньше, и что они, казалось, были секундными провалами, перерывами в моем потоке сознания. Они всегда проявлялись как толчок в моем теле, за которым следовало ощущение, что я как бы зависаю.

Мы направились в центр города, идя неторопливым шагом. Дон Хуан попросил меня изложить ему все детали моих провалов. Мне было очень трудно описать их, разве что называть их моментами забывчивости или неслежения за тем, что я делаю. Он терпеливо остановил меня, указав, что я очень требовательная персона, имею отличную память и бываю очень тщателен в своих действиях. Сначала мне показалось, что эти любопытные провалы были связаны с остановкой внутреннего диалога, но они бывали у меня и тогда, когда я разговаривал сам с собою вовсю. Казалось, они происходили из области, независимой от всего того, что я знаю.

Дон Хуан похлопал меня по спине. Он улыбался с явным удовольствием.

— В конце-концов, ты начинаешь устанавливать реальные связи, — сказал он.

Я попросил его объяснить это загадочное заявление. Но он резко прервал наш разговор и сделал мне знак следовать за ним в небольшой парк перед церковью.

— Это конец нашего путешествия в центр города, — сказал он и сел на скамью. — здесь мы имеем идеальное место для того, чтобы наблюдать за людьми. Тут идут прохожие по улице и другие, которые возвращаются из церкви. Отсюда мы можем видеть каждого.

Он указал на широкую деловую улицу и на дорожку, посыпанную гравием, ведущую к церкви. Наша скамья находилась на полдороге между церковью и улицей.

— Это моя очень любимая скамейка, — сказал он, глядя на дерево.

Он подмигнул мне и добавил с улыбкой: «она любит меня, вот почему на ней никто не сидит. Она знала, что я приду».

— Скамейка знала это?

— Нет! Не скамейка. Мой нагваль.

— Разве нагваль имеет сознание, он осознает предметы?

— Конечно. Он осознает все. Вот почему меня интересует твой отчет. То, что ты называешь провалами и ощущениями, является нагвалем. Чтобы говорить об этом, мы должны заимствовать с острова тоналя слова, поэтому удобнее будет ничего не объяснять, а просто перечислить его эффекты.

Я хотел сказать еще что-нибудь об этих любопытных ощущениях, но он заставил меня замолчать.

— Хватит. Сегодня не день нагваля. Сегодня день тоналя. Я надел свой костюм, потому что я сегодня целиком тональ.

Он смотрел на меня. Я собирался сказать ему, что предмет, похоже, становится более трудным, чем все, что он объяснял мне до сих пор. Он, казалось, предвидел мои слова.

— Это трудно, — продолжал он, — я знаю это. Но учитывая то, что это последняя заслонка, последний этап того, чему я тебя учил, не будет чрезмерным сказать, что она охватывает все, о чем я говорю с первого дня нашей встречи.

Долгое время мы молчали. Я чувствовал, что мне нужно подождать, пока он завершит свое объяснение, но ощутил внезапный приступ тревоги и поспешно спросил.

— Нагваль и тональ внутри нас?

Он взглянул на меня пристально.

— Очень трудный вопрос, — сказал он. — сам ты сказал бы, что они внутри нас. Я сказал бы, что они не внутри, но никто из нас не был бы прав. Тональ твоего времени призывает тебя утверждать, что все, имеющее отношение к твоим мыслям и чувствам, находится внутри тебя. Тональ магов говорит противоположное: все снаружи. Кто прав? Никто. Внутри, снаружи, это в действительности не имеет значения.

Я не отступал. Я сказал, что когда он говорил о тонале и нагвале, то это звучало так, как будто бы существует и третья часть. Он сказал, что тональ «заставляет нас» совершать поступки. Я попросил его сказать мне, о ком он говорил, кого заставляют.

Он не ответил мне прямо. — Объяснить это не так просто, — сказал он. — вне зависимости от того, насколько умными являются ключевые точки тоналя, дело в том, что нагваль берет верх. Его выход на поверхность однако всегда ненамеренный. Величайшим искусством тоналя является подавлять любое проявление нагваля таким образом, что даже если его присутствие будет самой очевидной вещью в мире, оно останется незамеченным.

— Для кого оно незаметно?

Он усмехнулся, покачивая головой вверх-вниз. Я нажал на него, требуя ответа.

— Для тоналя, — сказал он. — я говорю исключительно о нем. Я могу ходить кругами, но это не должно ни удивлять, ни раздражать тебя. Я предупредил о трудности понимания того, о чем я рассказываю. Я пошел через все эти перипетии, потому что мой тональ осознает, что он говорит о себе. Другими словами, мой тональ использует себя для того, чтобы понять ту информацию, которую я хочу сделать ясной для твоего тоналя. Скажем так, что тональ, поскольку он остро осознает, насколько это приятно говорить о себе, создал термин «я», «меня» и так далее, как баланс, и благодаря им он может разговаривать с другими тоналями или сам с собой о самом себе.

Когда я говорю, что тональ заставляет нас делать что-нибудь, я имею в виду, что есть какая-то третья часть. Очевидно он заставляет самого себя следовать своим суждениям. В некоторых случаях, однако, или при некоторых обстоятельствах, что-то внутри самого тоналя осознает, что есть еще какая-то часть нас. Это вроде голоса, который приходит из глубин, голоса нагваля. Видишь ли, целостность нас самих является естественным состоянием, и этот факт тональ не может терпеть совершенно. Поэтому бывают моменты, особенно в жизни воина, когда целостность становится явной. В этот момент можно ощутить и заключить то, чем мы в действительности являемся.

Я заинтересовался этими толчками, которые у тебя были, потому что именно так нагваль выходит на поверхность. В эти моменты тональ осознает целостность самого себя. Это всегда потрясение, потому что сознание разрывает радужную пелену. Я называю это осознанием целостности существа, которое умрет. Идея состоит в том, что в момент смерти другой член истинной пары — нагваль — становится полностью оперативным, и то сознание, те воспоминания, то восприятие, которое накопилось в наших икрах и бедрах, в нашей спине и плечах и шее, начинает расширяться и распадаться. Как бусинки бесконечного разорванного ожерелья, они раскатываются без связующей силы жизни.

Он взглянул на меня. Его глаза были мирными. Я чувствовал себя нехорошо, глупо.

— Целостность самого себя — очень экономичное дело, — сказал дон Хуан. — нам нужна лишь очень маленькая ее часть для того, чтобы выполнять сложнейшие задачи жизни. И однако, когда мы умираем, мы умираем с целостностью нас самих. Маг задает вопрос, если мы умрем с целостностью нас самих, то почему бы тогда не жить с этой целостностью?

Он сделал мне знак головой, чтобы я следил за вереницей проходящих мимо людей.

— Они являются целиком тоналем, — сказал он. — я собираюсь выделить некоторых из них, чтобы твой тональ оценил их, и оценивая их, он оценивал бы себя.

Он направил мое внимание на двух старых дам, которые вышли из церкви. Они стояли наверху гранитной лестницы какую-то секунду, а затем с бесконечной осторожностью начали спускаться, отдыхая на каждой ступеньке.

— Следи за этими двумя женщинами очень внимательно, — сказал он. — но смотри на них не как на личности или людей, имеющих общее с нами. Смотри на них как на тонали.

Две женщины дошли до нижних ступенек. Они двигались так, как будто бы грубый гравий был шариками, на которых они вот-вот поскользнутся и потеряют равновесие. Шли они под руку, подпирая одна другую весом своих тел.

— Смотри на них, — сказал дон Хуан тихим голосом. — это самый жалкий тональ, какой только можно найти.

Я заметил, что обе женщины были тонкокостными, но жирными. Им было, пожалуй, слегка за пятьдесят. На лицах их был болезненный взгляд, как будто бы идти вниз по ступенькам церкви было выше их сил.

Они были перед нами. Секунду они поколебались и затем остановились. На дорожке была еще одна ступенька.

— Смотрите под ноги, дамы, — закричал дон Хуан, драматически поднявшись. Женщины взглянули на него, явно смущенные его внезапным выпадом.

— Моя мама сломала здесь однажды свое правое бедро, — сказал он, подскакивая к ним, чтобы помочь.

Они многословно его поблагодарили, а он им посоветовал, что если они когда-нибудь потеряют равновесие и упадут, оставаться неподвижными, пока не приедет скорая помощь. Его тон был искренним. Женщины перекрестились.

Дон Хуан сел опять. Его глаза сияли. Он тихо заговорил.

— Эти женщины не настолько стары и тела их не настолько слабы и, однако же, они — инвалиды. Все вокруг них пропитано опасением — их одежда, их запах, их отношение ко всему. Почему ты думаешь, это так?

— Может быть они родились такими? — сказал я.

— Никто таким не рождается. Мы сами себя делаем такими. Тональ этих женщин слаб и боязлив.

Я сказал, что сегодня будет день тоналя. Я имел в виду, что сегодня я только с ним исключительно хочу иметь дело. Я сказал также, что для этой специальной цели я надел свой костюм. При помощи его я хотел показать тебе, что воин обращается со своим тоналем совсем особым образом. Я указал тебе, что мой костюм сделан по моде, и что все, что на мне одето сегодня облегает меня и идет мне до совершенства. Не свою пустоту я хотел показать, но мой дух воина, мой тональ воина.

Эти две женщины дали тебе первый взгляд на тональ сегодня. Жизнь может быть такой же безжалостной с тобой, как она безжалостна с ними, если ты небрежен со своим тоналем. Я выдвинул себя как противопоставление. Если ты понимаешь правильно, то мне не нужно развивать этот момент.

Я ощутил внезапный приступ неуверенности и испросил его выразить словами то, что я должен понять. Должно быть в моем голосе было отчаяние. Он громко засмеялся.

— Смотри на того молодого человека в зеленых штанах и розовой рубашке, — прошептал дон Хуан и указал на очень тощего темноволосого человека с острыми чертами лица, который стоял почти против нас. Казалось, он был в нерешительности относительно того, куда ему идти — к церкви или к улице. Дважды он поднимал руку в направлении к церкви, как бы разговаривая сам с сбой и собираясь двинуться в ее направлении. Затем он посмотрел на меня с отсутствующим выражением.

— Взгляни на то, как он одет, — сказал дон Хуан шепотом. — посмотри на эти ботинки.

Одежда молодого человека была потрепана и помята, а его ботинки абсолютно износились.

— Он, очевидно, очень болен, — сказал я.

— Это все, что ты можешь о нем сказать? — спросил он.

Я перечислил ряд причин, которые могли вызвать нищету молодого человека: плохое здоровье, невезение, безразличие к своему внешнему виду или может быть его просто только что выпустили из тюрьмы.

Дон Хуан сказал, что я просто спекулирую, и что он не заинтересован в том, чтобы оправдывать что-либо, предполагая, что молодой человек явился жертвой стечения обстоятельств.

— Может быть он секретный агент, который должен выглядеть оборванцем? — сказал я шутя.

Молодой человек пошел в направлении улицы разболтанной походкой.

— Он не должен выглядеть оборванцем, он и есть оборванец, — сказал дон Хуан. — посмотри, как слабо его тело. Его руки и ноги тонки, он едва может идти. Никто не может притворяться настолько, чтобы иметь такой вид. С ним что-то определенно неладно, однако не его обстоятельства. Я опять подчеркиваю, что хочу, чтобы ты видел этого человека как тональ.

— Что под этим скрывается, видеть человека как тональ?

— Это означает перестать судить его в нормальном смысле или оправдывать его на том основании, что он похож на лист, отданный на волю ветра. Другими словами, это значит видеть человека, не думая о том, что он безнадежен или беспомощен.

Ты абсолютно точно знаешь, о чем я говорю. Ты можешь оценить этого человека не обвиняя его и не прощая.

— Он слишком много пьет, — сказал я.

Мое заявление не было преднамеренным. Я просто сделал его, в действительности не зная почему. На какое-то мгновение я даже чувствовал, что кто-то стоящий сзади меня произнес эти слова. Мне хотелось объяснить, что мое заявление было еще одой из моих спекуляций.

— Это не спекуляция, — сказал дон Хуан. — в тоне твоего голоса была уверенность, которой не было раньше. Ты не сказал: «может быть, он пьяница.»

Я чувствовал раздражение, хотя и не знал в точности, почему. Дон Хуан рассмеялся.

— Ты видел этого человека насквозь, — сказал он. — это было «видение». «Видение» такое и есть. Заявления делаются с большой уверенностью, и не знаешь, как это произошло. Ты знаешь, что поймал тональ этого молодого человека, но ты не знаешь, откуда ты это узнал.

Я должен был признаться, что каким-то образом у меня было такое ощущение.

— Ты прав, — сказал дон Хуан. — в действительности не имеет никакого значения, что он молод. Он калека, как те две женщины. Молодость никоим образом не является барьером против разрушения тональ.

Ты думал, что должно быть очень много причин для такого состояния этого человека. Я нахожу, что причина только одна — его тональ. И не то, чтобы его тональ был слаб из-за того, что он пьет. Тут как раз все наоборот. Он пьет, потому что его тональ слаб. Эта слабость заставляет его быть тем, что он есть. Но то же самое происходит со всеми нами в той или иной форме.

— Но разве ты так же не судишь его поведение, говоря что это его тональ?

— Я даю тебе объяснение, с которым ты никогда раньше не встречался. Однако это не оправдание и не осуждение. Тональ этого молодого человека слаб и боязлив. И однако же, он не одинок. Все мы более ил менее в одной и той же лодке.

В этот момент очень крупный мужчина прошел перед нами, направляясь к церкви. На нем был дорогой темно-серый костюм и в руке он нес костюм. Воротник его рубашки был расстегнут, а галстук расслаблен. Он обливался потом. Кожа у него была очень светлая, и это делало пот еще более заметным.

— Следи за ним, — приказал дон Хуан.

Шаги мужчины были короткими, но тяжелыми. В походке его было покачивание. Он не стал подниматься к церкви, но обошел ее и исчез за ней.

— Нет никакой необходимости обращаться с телом таким образом, — сказал дон Хуан с ноткой укора. — но печальный факт состоит в том, что все мы научились в совершенстве тому, как делать наш тональ слабым. Я назвал это индульгированием.

Он положил руку на мой блокнот и не дал мне больше писать. Он объяснил это тем, что до тех пор, пока я записываю, я не способен сконцентрироваться. Он предложил, чтобы я расслабился, выключил внутренний диалог, отпустился и сливался с тем человеком, которого наблюдаю.

Я попросил его объяснить, что он имеет в виду под «слиянием». Он сказал, что нет способа это объяснить, что это что-то такое, что тело ощущает или делает, когда его ставят в наблюдательный контакт с другими телами. Затем он прояснил этот момент, сказав что в прошлом он называл этот процесс «видение», и что он состоял из истинной тишины внутри, за которой следует внешнее удлинение чего-то внутри нас. Удлинение, которое встречается и сливается с другим телом или с чем угодно еще в поле нашего осознания.

В этом месте я захотел вернуться к своему блокноту, но он остановил меня и начал выделять из толпы, которая проходила мимо, отдельных людей.

Он указал десятки людей, составивших широкий диапазон типов среди мужчин, женщин и детей различного возраста. Дон Хуан сказал, что он выбирал лиц, чей слабый тональ может подойти к схеме категорий, и таким образом он познакомил меня с большим разнообразием индульгирования.

Я не запомнил всех людей, которых он указывал и обсуждал. Я пожаловался на то, что если бы я делал заметки, то смог бы по крайней мере набросать намеки к его схеме индульгирования. Однако, он не захотел ее повторить или может быть он тоже ее не помнил.

Он засмеялся и сказал, что не помнит ее, потому что в жизни мага за творчество отвечает нагваль. Он взглянул на небо и сказал, что уже становится поздно и что с этого момента мы изменим направление. Вместо слабых тоналей мы будем ожидать появление правильного тональ. Он добавил, что только воин имеет правильный тональ, и что средний человек в лучшем случае может иметь хороший тональ.

После нескольких минут ожидания он хлопнул себя по ляжкам и усмехнулся.

— Посмотри, кто идет сейчас, — сказал он, указывая на улицу движением подбородка. — это как если б они следовали какой-нибудь очереди.

Я увидел трех индейцев, приближающихся к нам. На них были короткие коричневые шерстяные пончо, белые накидки с длинными рукавами, грязные изношенные сандалии и старые соломенные шляпы. Каждый из них нес узел, привязанный на спине.

Дон Хуан поднялся и пошел их приветствовать. Он заговорил с ними. Они, казалось, удивились и окружили его. Они улыбались ему. Очевидно, он им рассказывал что-то обо мне. Все трое повернулись и улыбнулись мне. Они были в трех-четырех метрах. Я слушал внимательно, но не мог разобрать, что они говорят.

Дон Хуан полез в карман и вручил им несколько ассигнаций. Они казались довольными. Ноги их нервно двигались. Мне они очень понравились. Они походили на детей. У всех у них были мелкие белые зубы и очень приятные мягкие черты лица. Один, по всему виду старший, имел усы. Его глаза были усталыми и очень добрыми. Он снял шляпу и подошел ближе к скамейке. Остальные последовали за ним. Все трое приветствовали меня хором. Мы пожали друг другу руки. Дон Хуан сказал мне, чтобы я дал им денег. Они поблагодарили меня и после вежливого молчания попрощались. Дон Хуан сел опять на скамейку, и мы смотрели, как они исчезли в толпе.

Я сказал дону Хуану, что по какой-то непонятной причине они мне очень понравились.

— Это не так уж странно, — сказал он. — ты, должно быть, почувствовал, что их тональ очень хороший. Это правильно, но не для нашего времени.

Ты, должно быть, почувствовал, что они похожи на детей. Они и есть дети. И это очень трудный момент. Я понимаю их лучше, чем ты, поэтому я смог почувствовать привкус печали. Индейцы, как собаки — у них ничего нет. Но это природа их судьбы и я не должен был чувствовать печали. Моя печаль, конечно, это мой собственный способ индульгировать.

— Откуда они, дон Хуан?

— С гор. Они пришли сюда искать свое счастье. Они хотят стать торговцами. Они — братья. Я сказал им, что я тоже пришел с гор, и что я сам торговец. Я сказал им, что ты являешься моим партнером. Деньги, которые мы им дали, были амулетом. Воин должен давать подобные амулеты все время. Им без сомнения нужны деньги, но необходимость не должна быть существенным соображением в деле амулета. Смотреть следует на чувство. Лично я был тронут этими тремя.

Индейцы — это те, кто теряют в наше время. Их падение началось с испанцами, а теперь под владычеством их потомков, индейцы потеряли все. Не будет преувеличением сказать, что индейцы потеряли свой тональ.

— Это метафора, дон Хуан?

— Нет, это факт. Тональ очень уязвим. Он не может выдержать плохого обращения. Белый человек с того дня, как он вступил на эту землю, систематически разрушал не только индейский тональ времен, но и личный тональ каждого индейца. Легко можно представить, что для бедного среднего индейца владычество белого человека было чистым адом. И однако же, ирония состоит в том, что для другого вида индейцев оно было чистым благом.

— О ком ты говоришь? Что это за вид индейцев?

— Маги. Для магов оккупация была вызовом жизненного времени. Они были единственными, кто не был уничтожен ею, но адаптировался к ней и использовал ее к полной своей выгоде.

— Как это было возможно, дон Хуан? У меня было впечатление, что испанцы не оставили камня на камне.

— Скажем так, они перевернули все камни, которые находились в границах их собственного тоналя. В жизни индейца, однако, были вещи, являвшиеся невосприемлимыми для белого человека. Этих вещей он даже не заметил. Может быть это было чистой удачей магов, а может быть это их знание спасло их. После того, как тональ времени и личный тональ каждого индейца был уничтожен, маги обнаружили, что удерживаются за единственную вещь, которая осталась незавоеванной — нагваль. Другими словами, их тональ нашел убежище в их нагвале. Этого не могло бы произойти, если бы не мучительное положение побежденных людей. Люди знания сегодняшнего дня являются продуктами этих условий. И единственными знакомыми с нагвалем, потому что они остались там совершенно одни. Туда белый человек никогда не заглядывал. Фактически он даже мысли не имел, что это существует.

Я почувствовал необходимость в этом месте вставить довод. Я искренне утверждал, что европейская мысль знакома с тем, что он называл нагвалем. Я привел концепцию трансцендентального эго или ненаблюдаемого наблюдателя, присутствующего во всех наших мыслях, восприятиях и ощущениях. Я объяснил дону Хуану, что индивидуум может воспринимать или интуитивно ощущать себя, как себя самого, через трансцендентальное эго, потому что это единственная вещь, которая способна судить. Способна раскрывать реальность в царстве нашего сознания.

На дона Хуана это не повлияло. Он засмеялся.

— Раскрывание реальности, — сказал он, подражая мне, — это тональ.

Я настаивал на том, что тоналем может быть названо эмпирическое эго, находящееся в проходящем потоке сознания или опыта человека, в то время как трансцендентальное эго находится позади этого потока.

— Наблюдая, я полагаю, — сказал он насмешливо.

— Правильно, наблюдая само себя, — сказал я.

— Я слышу как ты говоришь, — сказал он, — но ты не говоришь ничего. Нагваль это не опыт, не интуиция и не сознание. Эти термины и все остальное, что бы ты ни сказал, являются только предметами острова тоналя. Нагваль, с другой стороны, это только эффект. Тональ начинается с рождением и кончается со смертью. Но нагваль не кончается никогда. Нагваль не имеет предела. Я сказал, что нагваль это то, где обитает сила. Это был только способ упомянуть его. По причине его эффектов, возможно, нагваль лучше всего может быть понят в терминах силы. Например, когда ты почувствовал себя онемевшим и не мог говорить сегодня утром, я фактически успокаивал тебя, то-есть на тебя действовал мой нагваль.

— Как это было возможно, дон Хуан?

— Ты не поверишь, но никто не знает как. Все, что я знаю, так это то, что я хотел твоего нераздельного внимания, а затем мой нагваль приступил к работе над тобой. До этих пор я знаю, потому что я мог видеть его эффект, но я не знаю, как он работает.

Некоторое время он молчал. Я хотел продолжить разговор на ту же тему и попытался задать ему вопрос. Он заставил меня замолчать.

— Можно сказать, что нагваль ответственен за творчество, — сказал он наконец и посмотрел на меня пристально. — нагваль — единственная часть нас, которая может творить.

Он оставался спокойным, глядя на меня. Я почувствовал, что он определенно ведет меня в ту область, которую мне хотелось бы, чтобы он осветил получше. Он сказал, что тональ не создает ничего, а только является свидетелем и оценщиком. Я спросил его, как он объясняет тот факт, что мы конструируем суперсооружения и машины.

— Это не творчество, — сказал он. — это только спаивание. Мы можем спаять все, что угодно, нашими руками лично или объединяясь с руками других тоналей. Группа тоналей может спаять все, что угодно. Суперсооружения, как ты сказал.

— Но что же такое тогда творчество, дон Хуан?

Он посмотрел на меня, скосив глаза. Мягко усмехнувшись, он поднял правую руку над головой и резким движением повернул кисть, как бы поворачивая дверную ручку.

— Творчество вот, — сказал он и понес свою ладонь на уровне моих глаз.

Мне потребовалось невероятно долгое время для того, чтобы сфокусировать глаза на его руке. Я ощущал, что прозрачная мембрана держала все мое тело в фиксированном положении, и что мне нужно прорвать ее, чтобы остановить свой взгляд на его руке. Я старался, пока капли пота не попали мне в глаза. Наконец, я услышал или ощутил хлопок, и мои глаза и моя голова дернулись, освободившись.

На его правой ладони находился самый любопытный грызун, какого я когда-либо видел. Он был похож на белку с пушистым хвостом. Однако, в шерсти его хвоста были жесткие щетинки.

— Потрогай его, — сказал дон Хуан тихо.

Я автоматически повиновался и погладил пальцем по мягкой спинке. Дон Хуан поднес руку ближе к моим глазам, и тогда я заметил нечто, что бросило меня в нервные судороги. У белки были очки и большие зубы.

— Он похож на японца, — сказал я и начал истерически смеяться.

Затем грызун стал расти на ладони дона Хуана, и в то время, как мои глаза были еще полны слез от смеха, грызун стал таким громадным, что исчез. Он буквально вышел за границы моего поля зрения. Это произошло так быстро, что застало меня во время раската смеха. Когда я взглянул вновь, или когда я вытер глаза и сфокусировал их должным образом, я смотрел на дона Хуана. Он сидел на скамейке, а я стоял перед ним, хотя и не помнил, когда встал. На мгновение моя нервозность была неудержимой. Дон Хуан спокойно поднялся, заставил меня сесть, зажал мой подбородок между бицепсом и локтем левой руки и ударил меня по макушке костяшками пальцев правой руки. Эффект был подобен удару электрического тока, он моментально меня успокоил. Было так много вещей, которые я хотел спросить. Но мои слова не могли пробиться через все эти вопросы. Затем я остро осознал, что потерял контроль над своими голосовыми связками. Стараться говорить мне однако не хотелось, и я откинулся на скамейку. Дон Хуан с силой сказал, что я должен собраться и перестать индульгировать. У меня слегка кружилась голова. Он повелительно приказал мне писать мои заметки и вручил мне блокнот и карандаш, подобрав их из-за скамейки.

Я сделал сверхусилие, чтобы сказать что-нибудь и вновь ясно ощутил, что меня обволакивает мембрана. Я пыхтел и стонал некоторое время в то время, как дон Хуан хохотал, пока я не услышал или не ощутил другого хлопка. Я немедленно начал писать. Дон Хуан заговорил, как бы диктуя мне.

— Одно из действий воина состоит в том, чтобы никогда не давать ничему воздействовать на себя, — сказал он. — поэтому воин может видеть самого дьявола, но он никому не дает знать об этом. Контроль воина должен быть неуязвимым.

Он подождал, пока я закончу писать, а затем спросил меня смеясь: «уловил ли ты все это?»

Я предложил пойти в ресторан и поужинать. Я был голоден. Он сказал, что мы должны оставаться, пока не появится правильный тональ. Серьезным тоном он добавил, что если правильный тональ не появится в этот день, то мы должны будем оставаться на скамейке до тех пор, пока он не вздумает появиться.

— Что такое правильный тональ? — спросил я.

— Тональ, который совершенно правилен, уравновешен и гармоничен. Предполагается, что один ты сегодня найдешь, или, скорее, твоя сила приведет его к нам.

— Но как я смогу отличить его от других тоналей?

— Об этом не думай, я покажу его тебе.

— На что он похож, дон Хуан?

— Трудно сказать, это зависит от тебя. Это представление для тебя. Поэтому ты сам и поставишь эти условия.

— Как? — Я не знаю этого. Твоя сила, твой нагваль сделают это. Грубо говоря, у каждого тоналя есть две стороны. Одна — внешняя сторона — бахрома, поверхность острова. Эта часть связана с действием и действованием, беспорядочная сторона. Другая часть — это решения и суждения, внутренний тональ, более мягкий, более нежный и более сложный.

Правильный тональ это такой тональ, где эти два уровня находятся в совершенной гармонии и равновесии.

Дон Хуан перестал разговаривать. К этому времени стало довольно темно и мне было трудно делать заметки. Он велел мне вытянуться и расслабиться. Он сказал, что сегодня день был весьма утомительным, но очень полезным. И что он уверен в том, что правильный тональ появится.

Десятки людей прошли мимо. Мы сидели в расслабленном молчании 10-15 минут. Затем дон Хуан резко поднялся.

— Клянусь небом, ты это сделал. Посмотри, что идет там девушка!

Кивком головы он указал на молодую женщину, которая пересекала парк и приближалась к нашей скамейке. Дон Хуан сказал, что молодая женщина была правильным тоналем и что если она остановится и заговорит с любым и нас, то это будет необычайный знак, и мы должны будем сделать, все, что она захочет.

Я не мог ясно различить черты лица молодой женщины, хотя света было еще достаточно. Она прошла в полуметре от нас, но не оглянулась. Дон Хуан шепотом велел мне ее догнать и заговорить с ней.

Я побежал за ней и спросил какое-то направление. Я подошел к ней очень близко. Она была молода, наверное лет двадцати пяти, среднего роста, очень привлекательная и хорошо одетая. Ее глаза были ясными и спокойными. Она улыбалась мне, когда я говорил. Было в ней какое-то очарование. Она мне очень понравилась, так же, как мне понравились те три индейца.

Я вернулся назад на скамейку и сел.

— Она воин? — спросил я.

— Не совсем, — сказал дон Хуан. — твоя сила еще не настолько отточена, чтобы привести воина. Но у нее очень хороший тональ. Такой, который может стать правильным тоналем. Воины получаются из этого теста.

Его заявления возбудили мое любопытство. Я спросил его, могут ли женщины быть воинами. Он посмотрел на меня явно пораженный моим вопросом.

— Конечно, могут, — сказал он. — и они даже лучше экипированы для пути знания. Мужчины, правда, чуть более устойчивы. Тем не менее я скажу, что в конечном счете женщины имеют небольшое преимущество. Я сказал, что меня удивляет, почему мы никогда не говорили о женщинах в отношении к его знанию.

— Ты — мужчина, — сказал он. — поэтому я использовал мужской род, когда говорил с тобой. Это все. Остальное то же самое.

Я хотел расспрашивать его дальше, но он сделал знак, закрывая эту тему. Он взглянул наверх. Небо было почти черным. Груды облаков выглядели исключительно черными. Были, однако, такие участки, где облака были слегка оранжевыми.

— Конец дня — твое лучшее время, — сказал дон Хуан. — появление этой молодой женщины на самом краю дня является знаком. Мы разговаривали о тонале, поэтому этот знак относится к твоему тоналю.

— Что этот знак означает, дон Хуан?

— Он означает, что у тебя очень мало времени на то, чтобы организовать свой порядок. Любые расстановки, которые ты мог соорудить, должны быть жизненными сооружениями, потому что у тебя нет времени сделать новые. Твои сооружения должны работать сейчас, или же они вообще не сооружения.

Я предлагаю, чтобы вернувшись домой, ты подтянул свои нити и убедился, что они крепки. Они тебе понадобятся.

— Что со мной произойдет?

— Годы назад ты сделал ставку на силу. Ты прошел через трудности учения верно, без ерзанья, без отступления и без спешки. Сейчас ты на краю дня.

— Что это означает?

— Для правильного тоналя все, что есть на острове тональ, является вызовом. Иначе говоря, все, что есть в мире, является вызовом для воина. Величайший вызов из всех, конечно, является его ставка на силу. Но сила приходит из нагваля, и когда воин оказывается на краю дня, это означает, что нагваль приближается. Час силы воина приближается.

— Я все еще не понимаю значения всего этого, дон Хуан. Означает ли это, что я вскоре умру?

— Если ты глуп, то умрешь, — ответил он отрывисто. — но выражаясь более мягкими терминами, это означает, что ты скоро наложишь в штаны. Ты однажды сделал заявку на силу, и эта заявка необратима. Я не могу сказать, что ты вот-вот выполнишь свое предназначение, потому что нет никакого предназначения. Все, что здесь можно сказать, так это то, что ты готов выполнить свою силу. Знак был ясным. Эта молодая женщина пришла к тебе на краю дня. У тебя осталось мало времени и совсем не осталось для ерунды. Отличное состояние. Я бы сказал, что лучшее, на что мы способны, проявляется, когда мы прижаты к стене. Когда мы ощущаем меч, нависший над головой. Лично я не хотел бы, чтобы было иначе.

7. СЖАТИЕ ТОНАЛЯ

В среду утром я покинул свой отель примерно без четверти десять. Я шел медленно, дав себе около пятнадцати минут, чтобы достичь места, где мы с доном Хуаном договорились встретиться.

Он выбрал угол на улице Нассео де ля реформа в пяти-шести кварталах в стороне, перед кассами аэрофлота.

Я только что закончил завтрак со своим другом. Он хотел пройтись со мной, но я притворился, что иду на свидание с девушкой. Я намеренно шел по противоположной стороне улицы, а не по той, где находились кассы аэрофлота. У меня было неприятное подозрение, что мой друг, который всегда хотел, чтобы я его познакомил с доном Хуаном, догадывается, что я иду на встречу с ним, и может быть следует за мной. Я боялся, что повернувшись, обнаружу его позади себя.

Я увидел дона Хуана у витрины магазина на другой стороне улицы. Я начал пересекать дорогу, но должен был остановиться посреди улицы и ждать, пока она не будет безопасной для перехода. Осторожно обернувшись, я увидел, что мой друг следует за мной. Он стоял на углу позади меня. Он улыбался как овца и размахивал рукой, как бы говоря мне, что не смог удержаться. Я бросился через улицу, не давая ему времени догнать меня.

Дон Хуан видимо понимал мое положение. Когда я достиг его, он бросил взгляд через мое плечо.

— Он подходит, — сказал он. — нам лучше свернуть в боковую улицу. — он указал на улицу, которая по диагонали сливалась с Пассео де ля реформа в том месте, где мы стояли.

Я быстро сориентировался. На этой улице я никогда не был, но двумя днями ранее я был в кассах аэрофлота. Я знал расположение этого здания. Контора находилась на узком углу, образуемом этими двумя улицами. Она имела по двери, открывающейся на каждую улицу, и расстояние между двумя дверьми должно было быть около трех-четырех метров. В конторе был проход от одной двери к другой и можно было легко перейти с одной улицы на другую. Сбоку от этого прохода находились кассы и большая круглая конторка с клерками и кассирами за ней. В этот день, когда я там был, там было полно народу.

Я хотел спешить, может быть даже бежать, но шаг дона Хуана был расслабленным. Когда мы достигли двери конторы на диагональной улице, я знал, не оглядываясь назад, что мой друг тоже перебежал через бульвар и вот-вот повернет на улицу, по которой мы идем. Я взглянул на дона Хуана, надеясь, что у него есть какое-то решение. Он пожал плечами. Я чувствовал раздражение и ничего не мог придумать сам, разве что стукнуть моего друга по носу. Должно быть я вздохнул или выдохнул в этот самый момент, потому что следующее,

что я ощутил, это внезапная потеря воздуха, вызванная ужасающим толчком, который дал мне дон Хуан, и который послал меня волчком через дверь конторы. Брошенный его чудовищным толчком, я практически влетел в комнату. Дон Хуан застал меня настолько врасплох, что мое тело не оказывало никакого сопротивления. Мой испуг слился с действительным потрясением от его толчка. Я автоматически выставил перед собой руки, чтобы защитить лицо. Сила толчка, который дал мне дон Хуан, была настолько большой, что слюна летела из моего рта, и я испытал слабое помутнение в глазах, когда ворвался в комнату. Я чуть не потерял равновесие и вынужден был делать чрезвычайные усилия, чтобы не упасть. Пару раз я крутнулся вокруг себя. Видимо скорость моего движения сделала всю сцену неясной. Я смутно заметил толпу посетителей, занимающихся своим делом и ощутил огромное раздражение. Я знал, что все смотрят на меня, пока я тут кручусь по комнате. Мысль о том, что я выгляжу дураком, была более чем неудобной. Ряд мыслей мелькнул у меня в голове. У меня была уверенность, что я упаду лицом вниз, или налечу на посетителя, может быть на старую даму, которая покалечится от столкновения. Или еще хуже, стеклянная дверь на другом конце будет закрыта и я разобьюсь о нее

В помутненном состоянии я достиг двери на пассео де ля реформа. Она была открыта, и я вышел из нее. Мое отождествление с прошедшим моментом было таково, что я должен был успокоиться, повернуться направо и идти по бульвару в направлении центра. Как если бы ничего не случилось. Я был уверен, что дон Хуан присоединится ко мне и что возможно мой друг продолжает идти по диагональной улице.

Я раскрыл глаза, или вернее сфокусировал их на местности перед собой. Прежде чем я полностью сообразил, что случилось, я испытал длинную минуту онемения. Я не был на пассео де ля реформа, как я должен был быть, а находился на базаре Лагунилья в полутора милях в стороне.

В момент подобного осознания, все, что я мог делать — это остолбенело смотреть.

Я оглянулся, чтобы сориентироваться, и понял, что фактически я нахожусь очень близко от того места, где я встретил дона Хуана в свой первый день в городе мехико. Может быть я был даже на том же самом месте. Прилавки, где продавались старые монеты, были от меня в полутора метрах. Я сделал огромное усилие, чтобы взять себя в руки. Очевидно я галлюцинировал. Ничем иным это не могло быть. Я быстро повернулся, чтобы пройти обратно через дверь в контору, но сзади меня был только ряд прилавков с подержанными книгами и журналами. Дон Хуан стоял рядом со мной справа. На лице у него была огромная улыбка.

Я почувствовал тяжесть в голове и мурашки, как будто бы углекислый газ от газированной воды вырывался у меня через нос. Я был бессловесен. Я попытался что-либо сказать, но безуспешно. Я явно расслышал, что дон Хуан велел мне не пытаться говорить или думать, но я хотел сказать что-нибудь, все равно что. Ужасная нервозность росла у меня в груди. Я чувствовал, что слезы катятся у меня по щекам.

Дон Хуан не встряхнул меня, как он делал это обычно, когда я становился жертвой неконтролируемого страха. Вместо этого он мягко погладил меня по голове.

— Ну, ну, маленький карлос, — сказал он, — не теряй своих шариков.

Мгновение он держал мое лицо в своих руках.

— Не пытайся разговаривать, — сказал он. Он отпустил мое лицо и указал на то, что находилось вокруг меня. — это не для разговора, — сказал он. — это только для того, чтобы следить. Следи! Следи за всем!

Я действительно плакал. Моя реакция на мой плач была очень странной, однако. Я продолжал плакать, не заботясь об этом. В этот момент для меня не имело значения, кажусь я дураком или нет.

Я оглянулся. Прямо передо мной находился средних лет мужчина, одетый в розовую рубашку с короткими рукавами и темно-серые штаны. Казалось, он был американцем. Мужчина перебирал монеты, в то время как мальчик 13-14 лет, вероятно, сын владельца, смотрел на него. Мальчик следил за каждым движением, которое делал этот мужчина. Наконец мужчина положил монеты обратно на стол. И мальчик немедленно расслабился.

— Следи за всем, — опять потребовал дон Хуан.

Кругом не было ничего необычного, за чем можно было бы следить. Люди проходили мимо в различных направлениях. Я повернулся. Мужчина, который, казалось, был владельцем магазинчика, смотрел на меня. Он все время мигал, как если бы хотел спать. Он казался утомленным или больным и выглядел обмякшим.

Я чувствовал, что здесь не за чем следить, по крайней мере ничего действительно стоящего. Я смотрел на сцену. Оказалось, что невозможно сконцентрировать внимание на чем-нибудь. Дон Хуан обошел вокруг меня. Казалось, он оценивает что-то во мне. Он покачал головой и выпятил губы.

— Идем, идем, — сказал он, беря меня за руку.

— Время пройтись.

Как только мы двинулись, я заметил, что мое тело было очень легким. Фактически я ощущал, что подошвы моих ног подпрыгивают. Они имели любопытную резиновую прыгучесть.

Дон Хуан должно быть осознавал мои ощущения. Он держал меня твердо, как бы не давая мне убежать. Он прижимал меня книзу, как бы боясь, что я взлечу вверх, подобно воздушному шару, и он меня не достанет.

Ходьба дала мне более хорошее самочувствие. Моя нервозность уступила место приятной легкости.

Дон Хуан вновь настаивал, чтобы я наблюдал за всем. Я сказал ему, что тут нет ничего, что я хотел бы наблюдать, и что какая мне разница, что люди делают на базаре. Что я не хочу чувствовать себя идиотом, старательно наблюдая обычную деятельность кого-то, покупающего монеты и старые книги, в то время как настоящая вещь уходит у меня сквозь пальцы.

— Что такое настоящая вещь? — спросил он. Я перестал идти и убежденно сказал ему, что важным является то, что он заставил меня ощутить, будто бы я покрыл расстояние между кассами аэрофлота и рынком в считанные секунды.

В этом месте я начал дрожать и почувствовал, что мне сейчас станет плохо. Дон Хуан заставил меня приложить руки к животу.

Он обвел рукой вокруг себя и опять сказал убежденным тоном, что повседневная деятельность вокруг нас является единственно важной вещью.

Я чувствовал раздражение к нему. У меня было физическое ощущение вращения. Я глубоко вздохнул.

— Что ты сделал, дон Хуан? — спросил я с насильственной небрежностью.

Ободряющим тоном он сказал, что он может мне рассказать об этом в любое время, но что то, что происходит вокруг меня, никогда не повторится. С этим я не спорил. Деятельность, которую я наблюдал, очевидно не может быть повторена опять во всей своей сложности. Моей точкой зрения однако было, что очень подобную деятельность я могу наблюдать в любое время. С другой стороны, тот факт, что я был перенесен через пространство в какой бы то ни было форме, имел неизмеримое значение.

Когда я выразил эти мнения дон Хуан заставил свою голову задрожать, как если бы то, что он от меня услышал, действительно причинило ему боль.

Секунду мы шли в молчании. Мое тело лихорадило. Я заметил, что ладони моих рук и подошвы моих ног горят. Та же самая необычная жара появилась, казалось, у меня в ноздрях и на веках.

— Что ты сделал, дон Хуан? — просил я умоляюще.

Он не ответил, но похлопал меня по груди и засмеялся. Он сказал, что люди очень хрупкие существа, которые своим индульгированием делают себя еще более хрупкими. Очень серьезным тоном он велел мне бросить чувство того, что я вот-вот сгину. Но вытолкнуть себя за собственные границы и просто остановить внимание на окружающем меня мире.

Мы продолжали идти очень медленным шагом. Моя занятость была всепоглощающей. Я ничему не мог уделять внимание. Дон Хуан остановился и, казалось, колебался, говорить ему или нет. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но потом он, казалось, передумал, и мы пошли вновь.

— Случилось, что ты пришел сюда, — сказал он, резко поворачиваясь и глядя на меня.

— Как это произошло?

Он сказал, что не знает, и что единственное, что он знает, так это то, что я выбрал это место сам.

Наше непонимание стало еще более безнадежным, когда мы продолжили разговор. Я хотел знать все этапы, а он настаивал на том, что выбор места был единственной вещью, которую мы можем обсуждать, а поскольку я не знаю, почему я его выбрал, то и говорить в сущности не о чем. Он критиковал, не сердясь, мое желание рассматривать все разумно, как ненужное индульгирование. Он сказал, что более просто и более эффективно просто действовать, не подыскивая объяснения, и что разговаривая о моем опыте и думая о нем, я его рассеиваю.

Через несколько моментов он сказал, что нам нужно покинуть это место, потому что я его испортил, и что оно становится все более вредным для меня.

Мы покинули рынок и прошли до парка Алядема. Я был утомлен и плюхнулся на скамейку. Только тогда мне пришло в голову взглянуть на свои часы. Было двадцать минут одиннадцатого. Мне пришлось сделать действительное усилие, чтобы сконцентрировать свое

внимание. Я не помнил точного времени, когда я встретился с доном Хуаном. Я подсчитал, что это было, должно быть, около десяти, никак не более десяти минут заняло у нас пройти от рынка до парка. Неуточненными оставались только десять минут.

Я рассказал дону Хуану о своих подсчетах. Он улыбнулся. У меня была уверенность, что его улыбка скрывала его недовольство мною, однако на его лице не было ничего, что бы могло выдать такое чувство.

— Ты считаешь меня безнадежным идиотом, не правда ли, дон Хуан?

— Ага, — сказал он и вскочил на ноги.

Его реакция была столь неожиданной, что я тоже вскочил одновременно с ним.

— Расскажи мне в точности, какие по твоему мнению я имею чувства, — сказал он с ударением.

Я ощущал, что знаю его чувства. Казалось, я чувствую их сам. Но когда я попытался высказать их, я ощутил, что понял, что не могу о них говорить. Разговор требовал громадных усилий.

Дон Хуан сказал, что у меня еще недостаточно сил для того, чтобы «видеть» его. Но я определенно могу видеть достаточно, чтобы самому найти подходящее объяснение того, что случилось.

— Не смущайся, сказал он, — расскажи мне в точности, что ты «видишь».

У меня была внезапная странная мысль, очень похожая на те мысли, которые мне обычно приходили в голову перед тем, как заснуть. Это была более чем мысль. Полная картина — было бы лучшим названием ее. Я видел табло, на котором были различные персонажи. Один был мужчина, сидевший прямо передо мной на подоконнике. Пространство позади подоконника было расплывчатым, но сам подоконник и мужчина были кристально ясными. Он смотрел на меня. Его голова была слегка повернута влево, так что фактически он смотрел на меня искоса. Я видел как движутся его глаза, чтобы удерживать меня в фокусе. Правым локтем он опирался о подоконник. Рука его была сжата в кулак, а мышцы напряжены. Слева от мужчины была другая картина на табло. Это был летающий лев. То-есть голова и грива были львиными, а нижняя часть его тела принадлежала курчавому белому французскому пуделю.

Я уже готов был остановить свое внимание на нем, когда мужчина издал чмокающий звук губами и высунул голову и туловище из окна. Появилось все его тело, как будто что-то его выталкивало. Секунду он висел, цепляясь за раму кончиками пальцев, раскачиваясь как маятник, затем он отпустился.

Я испытал в своем собственно теле ощущение падения. Это не было кувырканьем вниз, а было мягким снижением, а затем плавным парением. Человек ничего не весил. Некоторое время он оставался на месте, а затем исчез из виду, как если бы неконтролируемая сила всосала его через трещину в табло. Секунду спустя он опять появился в окне, искоса глядя на меня. Правая рука его опиралась о раму, только на этот раз он помахивал мне, прощаясь.

Замечанием дона Хуана было, что мое «видение» было слишком сложным.

— Ты можешь действовать лучше, — сказал он. — ты хочешь, чтобы я объяснил тебе, что случилось. Что ж, я хочу, чтобы ты использовал свое «видение» для этого. Ты видел, но видел ерунду. Информация подобного рода бесполезна для воина. Слишком много времени уйдет на то, чтобы разобраться что есть что. «Видение» должно быть прямым, потому что воин не может тратить своего времени на то, чтобы расшифровывать увиденное им самим. Видение это видение, потому что оно прорывается через всю эту ерунду.

Я спросил его, не думает ли он, что мое видение было в действительности только галлюцинацией. Он был убежден, что это было видением из-за сложности деталей, но что к данному случаю оно не подходило.

— Ты думаешь, что мое видение объясняет что-нибудь? — спросил я.

— Наверняка. Но я не стал бы пытаться расшифровывать его, если бы я был тобой. В начальных этапах видение смущает, и легко в нем потеряться. По мере того, как воин становится туже, однако, его видение становится тем, чем оно должно быть — прямым знанием.

Пока дон Хуан говорил, у меня произошел один из тех любопытных провалов в ощущении, и я ясно почувствовал, что я вот-вот сниму завесу с чего-то такого, что я уже знал. Но это мне не удалось, потому что все стало очень туманным. Я понял, что погрузился в борьбу с самим собой. Чем больше я старался определить или достичь этого ускользающего кусочка знания, тем глубже оно тонуло.

— Это видение было слишком... Слишком зрительным, — сказал дон Хуан.

Звук его голоса встряхнул меня.

— Воин задает вопрос и через свое видение он получает ответ. Но ответ прост. Он никогда не осложняется до степени летающих французских пуделей.

Мы посмеялись над этой картиной, и полушутя я сказал ему, что он слишком прям, что любой проходящий сквозь то, через что я прошел сегодня утром, заслуживает крошки снисхождения.

— Это легкий выход, — сказал он. — это путь индульгирования. Ты навешиваешь мир на то чувство, что все для тебя слишком много. Ты не живешь как воин.

Я сказал ему, что есть слишком много граней того, что он называет путем воина, и что невозможно выполнять их все. И что значение этого стало ясно только тогда, когда я встретился с новыми моментами, где должен был прилагать его.

— Правилом большого пальца для воина, — сказал он, — является то, что он делает свои решения столь тщательно, что ничего из того, что может произойти в результате их, не может его удивить, а уж тем более истощить его силу.

Быть воином означает быть смиренным и алертным. Сегодня от тебя ожидалось, что ты будешь следить за сценой, которая разворачивалась у тебя перед глазами, а не размышлять о том, каким образом это возможно. Ты сконцентрировал свое внимание не на той вещи. Если бы я хотел быть с тобой снисходительным, то я легко мог бы сказать, что поскольку это произошло с тобой впервые, ты не был готов.. Но это недопустимо, поскольку ты пришел сюда как воин, готовый умереть. Поэтому то, что произошло с тобой сегодня, не должно было застать тебя со спущенными штанами.

Я заключил, что моей тенденцией было индульгировать в страхе и замешательстве.

— Скажем, что правилом большого пальца для тебя должно быть, что когда ты приходишь встречаться со мной, ты должен приходить, готовый умереть, — сказал он. — если ты приходишь сюда готовый умереть, то не будет никаких падений и никаких незваных сюрпризов, и никаких ненужных поступков. Все должно мягко укладываться на свое место. Потому что ты не ожидаешь ничего.

— Это легко сказать, дон Хуан. Однако я нахожусь на том конце, который принимает. Я должен жить со всем этим.

— Это не означает, что ты должен жить со всем этим. Ты являешься всем этим. Ты не просто терпишь это на какое-то время. Твое решение объединить силы с этим злым миром магии должно было сжечь все тянущиеся чувства замешательства и дать тебе силы, чтобы провозгласить все это своим миром.

Я чувствовал раздражение и печаль. Действия дона Хуана вне зависимости от того, насколько я был подготовлен, воздействовали на меня таким образом, что каждый раз, когда я приходил с ним в контакт, мне не оставалось никаких отступлений, а только действовать и чувствовать подобно полуразумному существу. На меня нахлынула волна ярости, и я больше не хотел писать. В этот момент я хотел разорвать свои записки и бросить все это в урну. И я сделал бы так, если бы не дон Хуан, который засмеялся и схватил меня за руку, останавливая меня.

Насмешливым голосом он сказал, что мой тональ опять собирается одурачить сам себя. Он порекомендовал, чтобы я пошел к фонтану и плеснул себе воды на шею и уши.

Вода успокоила меня. Долгое время мы молчали.

— Пиши, пиши, — подтолкнул меня дон Хуан дружеским тоном.

— Скажем так, что твоя записная книжка — это единственная магия, которая у тебя есть. Разорвать ее это еще один способ открыть себя своей смерти. Это будет еще одним твоим взрывом, шикарным взрывом в лучшем случае, но не изменением.

Воин никогда не покидает острова тональ. Он использует его.

Он указал вокруг меня быстрым движением руки, а затем коснулся моей записной книжки.

— Это твой мир, ты не можешь этого отрицать. Бесполезно сердиться и разочаровываться в самом себе. Все, что в данном случае происходит это то, что тональ ушел во внутреннюю битву. Битва внутри собственного тональ одно из самых нежелательных состояний, о каких я могу подумать. Тугая жизнь воина предназначается для того, чтобы закончить эту битву. Для начала я обучил тебя как избегать изношенности и измотанности. Теперь в тебе нет больше войны. Нет в том смысле, в каком она была. Потому что путь воина это гармония между действиями и решениями сначала, а затем гармонии между тональ и нагвалем.

В течение всего того времени, как я тебя знаю, я говорил, обращаясь как к твоему тональ, так и к твоему нагвалю. Именно таким способом должны вестись наставления.

В начале следует разговаривать с тональ. Потому что именно тональ должен уступить контроль. Но он должен это сделать с радостью. Например, твой тональ уступил часть контроля без особой борьбы, потому что для него стало ясно, что если бы все осталось так, как было, то целостность тебя к этому времени погибла бы. Иными словами, тональ настраивают так, чтобы он должен был отдать ненужные вещи, подобные важности самого себя и индульгированию, которые только приводят его в беспорядок. Вся беда в том, что

тональ цепляется за эти вещи в то время, как он должен был бы быть рад освободиться от этой ерунды. Задача поэтому состоит в том, чтобы убедить тональ стать свободным и подвижным. Вот что нужно магу прежде всего остального — сильный свободный тональ. Чем сильнее он становиться, тем менее он приникает к своим деяниям, и тем легче его сжать. Поэтому то, что произошло этим утром, заключалось в следующем. Я увидел возможность сжать твой тонналь. На мгновение ты был рассеян, спешил, не думая, и я схватился за этот момент, чтобы толкнуть тебя.

В определенные моменты тональ сжимается, особенно когда он раздражен. В действительности одной из особенностей тоналя является его застенчивость. Его застенчивость в действительности не является важным делом; но есть определенные моменты, когда тональ застают врасплох, и его застенчивость неизбежно заставляет его сжаться.

Этим утром я схватил мой кубический сантиметр шанса. Я заметил открытую дверь той конторы и толкнул тебя. Толчок тут был техникой для сжатия тоналя. Толкнуть следует в точный момент. Для этого, конечно, нужно знать, как видеть.

Когда человека толкнули, и его тональ сжался, его нагваль, если он уже в движении, вне зависимости от того, как мало это движение, захватит власть и произведет необычайные дела. Твой нагваль захватил власть этим утром, и ты оказался на рынке.

Секунду он молчал. Казалось, он ожидал вопросов. Мы взглянули друг на друга.

— Я действительно не знаю как, — сказал он, как бы читая мою мысль. — нагваль способен на невообразимые дела, это все, что я знаю.

Этим утром я просил тебя следить. Сцена перед тобой, чем бы она ни была, имела неизмеримую важность для тебя. Но вместо того, чтобы последовать моему совету, ты индульгировал в жалости к самому себе и замешательстве и не следил.

Некоторое время ты был целиком нагвалем и не мог говорить. Это было временем, чтобы следить. Затем, мало-помалу, твой тональ опять взял верх и вместо того, чтобы ввергнуть тебя в смертельную битву между твоим тоналем и нагвалем, я привел тебя сюда.

— Что там было, в этой сцене, дон Хуан? Что там было такого важного?

— Я не знаю. Это случилось не со мной.

— Что ты имеешь в виду?

— Это был твой опыт, а не мой.

— Но ты же был со мной, правда?

— Нет, не был. Ты был один. Я неоднократно говорил тебе, чтобы ты следил за всем, потому что сцена была только для тебя.

— Но ты же был рядом со мной, дон Хуан.

— Нет не был. Но бесполезно говорить об этом. Что бы я ни сказал, не будет иметь смысла, потому что в эти моменты мы находились во времени нагваля. Дела нагваля можно наблюдать только телом, но не разумом.

— Если ты не был со мной, то кем или чем был тот, кого я считал тобой?

— Это был я, и в то же время меня там не было.

— Где же ты был тогда?

— Я был с тобой, но не там. Скажем так, что я был рядом с тобой, но не в том именно месте, куда нагваль тебя перенес.

— Ты хочешь сказать, что не знал о том, что мы находились на базаре?

— Нет, не знал. Я просто тащился рядом, чтобы не потерять тебя.

— Но это действительно страшно, дон Хуан. — Мы были во времени нагваля, и в этом нет ничего страшного. Мы способны на куда большее, чем это. Такова наша природа как светящихся существ. Нашей пробоиной является то, что мы настойчиво стремимся оставаться на своем монотонном утомительном, но удобном острове. Тональ это обыватель, а он не должен таким быть.

Я описал то немногое, что запомнил. Он хотел знать, заметил ли я какие-нибудь особенности неба, как например, дневной свет, облака, солнце, или не слышал ли я каких-нибудь необычных людей или события. Он хотел узнать, не было ли там драк или может быть люди кричали, а если они кричали, то что именно.

Я не мог ответить ни на один из его вопросов. Совершенной правдой было то, что я воспринял все событие за чистую монету, принимая как трюизм, что я «пролетел» значительное расстояние в одну-две секунды, и что благодаря знанию дона Хуана, чем бы оно ни было, я приземлился во всем своем материальном теле посреди базара.

Мои реакции были прямым следствием такой интерпретации. Я хотел узнать процедуру, членское знание, «как сделать это». Поэтому я не старался наблюдать за тем, что по моему убеждению было ординарными событиями, не имеющими никакого значения.

— Как ты думаешь, люди видели меня на базаре? — спросил я.

Дон Хуан не ответил. Он засмеялся и слегка толкнул меня кулаком.

Я попытался вспомнить, был ли у меня действительно какой-либо физический контакт с людьми. Моя память подвела меня.

— Что видели люди в конторе аэрофлота, когда я ворвался туда? — спросил я.

— Вероятно, они видели, как человек побежал от одной двери к другой.

— Но видели ли они, как я растаял в воздухе?

— Об этом позаботился нагваль. Я не знаю как. Все, что я могу тебе сказать, так это, что мы — текучие светящиеся существа, состоящие из волокон. Согласие с тем, что мы плотные объекты — действие тоналя. Когда тональ сжимается, возможны необычные вещи. Но они необычны только для тоналя.

Для нагваля двигаться таким образом, как ты двигался, — ничто. Особенно для твоего нагваля, который уже способен к трудным действиям. На самом деле он окунулся во что-то ужасно неясное. Ты не ощущаешь, что это?

Миллион вопросов и ощущений хлынули на меня тут же. Казалось порыв ветра унес мою накидку спокойного владения собой. Я задрожал. Мое тело ощутило себя на краю бездны. Я боролся с каким-то непонятным, но конкретным отделом знания. Казалось, мне вот-вот что-то покажут, но в то же время, какая-то упрямая часть меня настаивала на том, чтобы прикрыть все облаком. Борьба постепенно сделала меня онемевшим до тех пор, пока я не перестал ощущать тело. Мой рот был открыт, а глаза полуприкрыты. У меня было ощущение, что я могу видеть свое лицо, как оно становится все тверже, тверже, пока оно ни стало лицом высохшего трупа с желтоватой кожей, накрепко присохшей к черепу.

Следующее, что я ощутил, это потрясение. Дон Хуан стоял рядом со мной держа пустое ведро. Он облил меня с ног до головы. Я кашлял и вытирал воду с лица, чувствуя озноб на спине. Я вскочил со скамейки. Дон Хуан еще плеснул мне воды на шею. Группа детей смотрела на меня и хохотала. Дон Хуан улыбнулся мне. Он держал мою записную книжку и сказал, что мне лучше пойти в отель, чтобы сменить одежду. Он вывел меня из парка. Минуту мы стояли у тротуара, пока не подошло такси.

Несколько часов спустя после ленча и отдыха дон Хуан и я пришли на его любимую скамейку в парке у церкви. Обходным образом мы подошли к теме моей странной реакции. Казалось, он был очень насторожен. Он не ставил меня прямо перед ней.

— Известно, что подобные вещи происходят, — сказал он. — нагваль, научившись однажды выходить на поверхность, может причинить большой вред тоналю, выходя наружу без всякого контроля. Однако твой случай — особый. У тебя талант индульгировать в такой преувеличенной манере, что ты бы умер и даже не сопротивлялся бы этому. Или еще хуже, ты даже бы не осознал, что умираешь.

Я сказал ему, что моя реакция началась, когда он спросил меня, чувствую ли я, что сделал мой нагваль. Я подумал, что я в точности знаю, о чем он говорит, но когда я попытался описать то, чем это было, оказалось, что я не могу мыслить ясно. Я испытал ощущение пустоты в голове, почти безразличия. Как если бы мне на самом деле ни до чего не было дела. Затем это ощущение переросло в гипнотизирующую концентрацию, казалось весь я был медленно высосан. То, что привлекло и захватило мое внимание, было ощущением, что передо мной вот-вот раскроется огромный секрет, и что я не хочу, чтобы что-либо мешало такому раскрытию.

— Что собиралось быть раскрыто тебе, так это твоя смерть, — сказал дон Хуан. — в этом опасность индульгирования. Особенно для тебя. Потому что ты естественно настолько все преувеличиваешь. Твой тональ настолько талантлив в индульгировании, что он угрожает целостности тебя самого. Это ужасное состояние существа.

— Что я могу сделать?

— Твой тональ должен быть убежден разумом, твой нагваль — действиями. Пока они не сравняются друг с другом, как я тебе говорил, тональ правит и тем не менее он очень уязвим. Нагваль, с другой стороны, никогда или почти никогда не действует, но когда он действует, он ужасает тональ.

Этим утром твой тональ испугался и стал сжиматься сам собой, и тогда твой нагваль стал захватывать верх.

Мне пришлось одолжить ведро у фотографов в парке, чтобы загнать твоего нагваля как плохую собаку обратно на его место. Тональ должен быть защищен любой ценой. Корона должна быть с него снята, однако он должен оставаться как защищенный, поверхностный наблюдатель.

Любая угроза тоналю обычно оканчивается его смертью. А если тональ умирает, то умирает и весь человек. Из-за его врожденной слабости, тональ легко уничтожить, и поэтому одним из искусства равновесия воина является вывести на поверхность нагваль для того, чтобы уравновесить тональ. Я говорю, что это искусство, потому что маги знают, что путем

усиления тоналя может появиться нагваль. Видишь, что я имею в виду? Усиление называется личной силой.

Дон Хуан поднялся, потянулся руками и выгнул спину. Я начал подниматься сам, но он мягко толкнул меня обратно.

— Ты должен оставаться на этой скамье до сумерек, — сказал он. — мне нужно сейчас уйти. Хенаро ждет меня в горах. Поэтому приходи к его дому через три дня, и мы встретимся там.

— Что мы будем делать у дома дона Хенаро? — спросил я.

— В зависимости от того, будет ли у тебя достаточно силы, Хенаро может показать тебе нагваль.

Была еще одна вещь, которую мне хотелось выразить словами. Я хотел знать, был ли его костюм потрясающим средством для меня одного, или же он был действительно частью его жизни. Никогда ни один из его поступков не делал внутри меня столько беспорядка, как то, что он носит костюм. Не только сам по себе этот факт был пугающим для меня, но тот факт, что дон Хуан был элегантным. Его ноги имели юношескую стройность. Казалось, что ботинки сместили точку его равновесия, и его шаги стали более длинными и более твердыми, чем обычно.

— Ты носишь костюм все время? — спросил я.

— Да, — ответил он с очаровательной улыбкой. — у меня есть другие, но я не стал сегодня одевать другой костюм, потому что это испугало бы тебя еще больше.

Я не знал, что подумать. Я чувствовал, что прибыл к концу своей тропы. Если дон Хуан может носить костюм и быть в нем элегантным, то значит все возможно.

Ему, казалось, понравилось мое смущение, и он засмеялся.

— Я владелец мануфактурной базы, — сказал загадочным, но безразличным тоном и пошел прочь.

На следующее утро в четверг, я попросил своего друга пройти от дверей конторы, где дон Хуан толкнул меня, до базара лагунилья. Мы выбрали самый прямой маршрут. Это у нас заняло 35 минут. Когда мы прибыли туда, я попытался сориентироваться. Мне это не удалось. Я зашел в магазин одежды на самом углу широкой улицы, где мы стояли.

— Простите меня, — сказал я молодой женщине, которая осторожно чистила шляпу щеткой. — где прилавки с монетами и подержанными книгами?

— У нас таких нет, — сказала она отвратительным тоном.

— Но я видел их где-то на этом базаре вчера.

— Не балуйтесь, — сказала она и вошла за конторку.

Я побежал за ней и умолял ее сказать мне, где они находятся. Она осмотрела меня сверху донизу.

— Вы не могли их видеть вчера, — сказала она. — эти прилавки устанавливаются только по воскресеньям прямо здесь, вдоль этой стены. В другие дни недели у нас их нет.

— Только по воскресеньям? — повторил я механически.

— Да, только по воскресеньям. Таков порядок. Всю остальную неделю они мешали бы движению.

Она указала на широкий проспект, наполненный машинами.

8. ВО ВРЕМЕНИ НАГВАЛЯ

Я взбежал на склон перед домом дона Хенаро и увидел, что дон Хуан и дон Хенаро сидят на чистом участке перед дверью. Они улыбались мне. В их улыбках было такое тепло и такая невинность, что мое тело немедленно испытало чувство ужаса. Я автоматически перешел на шаг. Я приветствовал их.

— Как поживаешь? — спросил дон Хенаро таким участливым тоном, что мы все засмеялись.

— Он в очень хорошей форме, — вставил дон Хуан, прежде чем я успел ответить.

— Я могу это видеть, — ответил дон Хенаро. — взгляни на этот двойной подбородок! И взгляни на эти бугры окорочного жира на его ягодицах!

Дон Хуан засмеялся, держась за живот.

— Твое лицо округлилось, — продолжал дон Хенаро. — чем ты занимался? Ел?

Дон Хуан шутливо заверил его, что стиль моей жизни требует, чтобы я ел очень много. Самым дружеским образом они дразнили меня, но по поводу моей жизни, а затем дон Хуан попросил меня сесть между ними. Солнце уже село за высоким гребнем гор на западе.

— Где твоя знаменитая записная книжка? — спросил дон Хенаро.

А когда я вытащил ее из кармана, он вскрикнул «ип!» и выхватил ее у меня из рук.

Очевидно он наблюдал за мной очень тщательно и знал все мои манеры в совершенстве. Он держал блокнот обеими руками и нервно им поигрывал, как если бы не знал, что с ним делать. Дважды он, казалось, был на грани того, чтобы выбросить его прочь, но, казалось, сдерживался. Затем он прижал его к коленям и притворился, что лихорадочно пишет в нем, как это делал я.

Дон Хуан смеялся так, что чуть не задохнулся.

— Что ты делал после того, как я покинул тебя? — спросил дон Хуан после того, как они притихли.

— Я пошел на базар в четверг, — сказал я.

— Что ты там делал? Повторял свои шаги? — бросил он.

Дон Хенаро повалился назад и губами сделал сухой звук головы, упавшей на твердую землю. Он искоса взглянул на меня и подмигнул.

— Я должен был это сделать, — сказал я. — и обнаружил, что по будним дням там нет прилавков, на которых продают монеты и подержанные книги.

Оба они засмеялись. Затем дон Хуан сказал, что задавание вопросов не сможет ничего нового открыть.

— Что же в действительности произошло, дон Хуан? — спросил я.

— Поверь мне, что нет способа узнать это, — сказал он сухо. — в этих делах мы с тобой на равных. В данный момент мое преимущество перед тобой в том, что я знаю, как пробираться к нагвалю, а ты нет. Но как только я попадаю туда, я не имею там ни больше преимуществ, ни больше знания, чем ты.

— Так я в действительности приземлился на базаре, дон Хуан? — спросил я.

— Конечно, я рассказывал тебе, что нагваль подчиняется воину. Разве это не так, Хенаро?

— Правильно, — воскликнул дон Хенаро громовым голосом и поднялся одним единым движением. Это произошло так, как если бы его голос поднял его из лежачего положения в совершенно вертикальное.

Дон Хуан, смеясь, практически катался по земле. Дон Хенаро с недружелюбным видом комически наклонился и попрощался.

— Хенаро увидит тебя завтра утром, — сказал дон Хуан. — сейчас ты должен сидеть здесь в полном молчании.

Мы не сказали больше не слова. Через несколько часов молчания я заснул.

Я взглянул на свои часы. Было около шести утра. Дон Хуан осмотрел могучую массу тяжелых белых облаков над восточным горизонтом и заключил, что день будет сумрачным. Дон Хенаро понюхал воздух и добавил, что он будет также жарким и безветренным.

— Мы далеко пойдем? — спросил я.

— Вон к тем эвкалиптам, — ответил дон Хенаро, указывая на то, что казалось рощей деревьев примерно на расстоянии мили.

Когда мы достигли деревьев, я сообразил, что это была не роща. Эвкалипты были посажены прямыми линиями, чтобы отметить границы полей, засаженных различными культурами. Мы прошли по краю кукурузного поля вдоль линии огромных деревьев, тонких и прямых, около тридцати метров высотой, и пришли к пустому полю. Я подумал, что урожай должно быть собран. Там были только сухие стебли и листья каких-то растений, которых я не узнал. Я нагнулся, чтобы поднять листик, но дон Хенаро остановил меня. Он удержал мою руку с огромной силой. Я взвился от боли и заметил тогда, что он только слегка коснулся пальцем моей руки.

Он определенно сознавал, что он сделал и что я испытал. Он быстро поднял пальцы, а затем опять слегка коснулся ими моей руки. Он повторил это еще раз и рассмеялся как довольный ребенок, видя, как я гримасничаю. Затем он повернулся ко мне в профиль. Его горбатый нос делал его похожим на птицу. Птицу со странными длинными белыми зубами.

Тихим голосом дон Хуан сказал, чтобы я ничего не трогал. Я спросил его, не знает ли он, какие посевы выращивались здесь. Казалось, он собирался мне ответить, но дон Хенаро вмешался и сказал, что это было поле червей.

Дон Хуан посмотрел на меня пристально, не улыбаясь. Бессмысленный ответ дона Хенаро, казалось, был шуткой. Я подождал какого-нибудь намека, чтобы начать смеяться, но они смотрели на меня.

— Поле гигантских червей, — сказал дон Хенаро. — да, то, что здесь росло, было самыми очаровательными червями, которых ты когда-либо видел.

Он повернулся к дону Хуану. Секунду они смотрели друг на друга.

— Разве это не так? — спросил он.

— Абсолютно верно, — сказал дон Хуан и, повернувшись ко мне, добавил тихим голосом, — сегодня Хенаро держит бразды правления. Только он может сказать что есть что. Поэтому делай все в точности, как он говорит.

Мысль, что дон Хенаро держит бразды правления наполнила меня ужасом. Я повернулся к дону Хуану, чтобы сказать ему об этом, но прежде чем я успел произнести свои слова, дон Хенаро издал длинный поразительный крик. Крик настолько громкий и пугающий, что я упал на спину, и у меня судорогой свело шею, и мои волосы взлетели вверх, как будто бы их вздуло ветром. Я испытал момент полной бессвязности и остался бы приклеенным к месту, если бы не дон Хуан, который с невероятной скоростью и контролем перевернул мое тело таким образом, чтобы мои глаза стали свидетелем невообразимого поступка. Дон Хенаро стоял горизонтально примерно в тридцати метрах над землей на стволе эвкалипта, который находился примерно в сто метрах от нас. То-есть он стоял, расставив ноги примерно на метр перпендикулярно к дереву. Казалось, у него были крючки на подошвах и при помощи их он смог обмануть гравитацию. Руки его были сложены на груди, а спина повернута ко мне.

Я смотрел на него. Я не хотел моргать из страха потерять его из виду. Я сделал быстрый подсчет и заключил, что если я смогу удержать его в поле своего зрения, то я смогу заметить намек, движение, жест или что-либо еще, что поможет мне понять происходящее.

Я ощутил голову дона Хуана около своего правого уха и услышал его шепот о том, что любая попытка найти объяснение, бесполезна и идиотична. Я услышал как он повторяет: «втяни свой живот, глубже, глубже».

Это была техника, которой он меня обучил несколькими годами ранее, чтобы ею пользоваться в минуты большой опасности, страха или стресса. Она состояла из того, чтобы толкнуть диафрагму вниз, делая четыре резких вдоха воздуха через рот, за которыми следовали четыре вдоха и выдоха через нос. Он объяснил, что короткие вдохи воздуха должны ощущаться как толчки в средней части живота и что плотное удерживание сцепленных рук на пупке давало силу брюшному прессу и помогало контролировать короткие и глубокие вдохи. Глубокие вдохи должны были удерживаться в течение счета до восьми в то время, как диафрагма нажималась вниз. Выдохи делались дважды через нос и дважды через рот, медленно и быстро в зависимости от предпочтения.

Я автоматически повиновался дону Хуану. Однако я не осмеливался отвести глаза от дона Хенаро. Пока я продолжал дышать, мое тело расслабилось, и я смог осознать, что дон Хуан поворачивает мои ноги. Очевидно, когда он повернул меня вокруг, моя правая нога зацепилась за кусок земли и была неудобно подогнута. Когда он выпрямил меня, я сообразил, что мое потрясение от того, что я увидел дона Хенаро стоящим на стволе дерева, заставило меня забыть о своем неудобстве.

Дон Хуан прошептал мне на ухо, чтобы я не смотрел на дона Хенаро пристально. Я услышал, как он говорит: «моргай, моргай».

На секунду я чувствовал, что сопротивляюсь. Дон Хуан скомандовал мне вновь. Я был убежден, что все это дело было как-то связано со мной как со зрителем, и если я, как единственный свидетель поступка дона Хенаро, перестану на него смотреть, то он упадет на землю или может быть вся сцена исчезнет.

После мучительно длинного периода неподвижности дон Хенаро повернулся на пятках на сорок пять градусов вправо и пошел по стволу. Его тело дрожало. Я видел, как он делал один маленький шаг за другим до тех пор, пока не сделал восемь. Он даже обогнул ветку. Затем с руками, все еще скрещенными на груди, он сел на ствол спиной ко мне. Его ноги болтались, как если бы он сидел на стуле, как если бы гравитация не имела на него никакого действия. Затем он как бы прошелся на заду немножко вниз. Он достиг ветки, которая была параллельна его телу и облокотился на нее своей левой рукой и головой на несколько секунд. Видимо он облокачивался не столько для поддержки, сколько для драматического эффекта. Затем он продолжил движение на заду, переместившись со ствола на ветку, пока не изменил своего положения и не оказался сидящим на ней в нормальном положении, как можно сидеть на ветке.

Дон Хуан хихикал. У меня был ужасный вкус во рту. Я хотел повернуться и посмотреть на дона Хуана, который был слегка позади меня справа, но я не смел пропустить какого-либо из действий дона Хенаро. Некоторое время он болтал ногами, затем скрестил их и слега покачал. А затем он скользнул вперед опять на ствол. Дон Хуан мягко взял мою голову обеими руками и согнул мне шею налево, пока линия моего зрения не стала параллельно дереву, а не перпендикулярно ему. Когда я смотрел на дона Хенаро с этого угла, он уже казалось не нарушал гравитации. Он просто сидел на стволе дерева. Я заметил тогда, что если я смотрю пристально и не моргаю, то задний фон становится смутным и размытым, а ясность тела дона Хенаро становится более интенсивной. Его форма стала доминантной, как если бы ничего больше не существовало.

Дон Хенаро быстро скользнул назад на ветку. Он сел, болтая ногами, как гимнаст на трапеции. Смотреть на него из измененной перспективы давало возможность видеть оба положения, особенно его сидение на стволе дерева одинаково возможным.

Дон Хуан перемещал мою голову направо до тех пор, пока она не легла на мое плечо. Поза дона Хенаро, казалось, совершенно нормальна, но когда он передвинулся на ствол опять, я не смог сделать необходимого уточнения в восприятии и увидел его как бы перевернутым вверх ногами с головой повернутой к земле.

Дон Хенаро двигался взад-вперед несколько раз, и дон Хуан смещал мою голову с боку на бок каждый раз, как дон Хенаро перемещался. Результатом их манипуляций было то, что я полностью потерял чувство нормальной перспективы, а без него действия дона Хенаро были не такими пугающими.

Дон Хенаро оставался на ветке долгое время. Дон Хуан выпрямил мою шею и прошептал, что дон Хенаро сейчас спустится. Я услышал повелительный тон в его шепоте. «Поджимай глубже, глубже».

Я был занят быстрым выдохом, когда тело дона Хенаро, казалось, было отпущено какого-то рода тягой. Оно засветилось, стало неясным, качнулось назад и повисло на коленях на секунду. Его ноги, казалось, были такими восковыми, что не могли остаться согнутыми и он упал на землю.

В тот момент, когда он начал свое падение назад, я тоже испытывал ощущение падения через бесконечное пространство. Все мое тело испытало болезненное и в то же время исключительно приятное внутреннее напряжение. Напряжение такой интенсивности и длительности, что мои ноги не смогли больше поддерживать вес моего тела, и я упал на мягкую землю. Я едва мог двинуть руками, чтобы смягчить свое падение. Я дышал так тяжело, что мягкая земля попала мне в ноздри и заставила их чесаться. Я попытался подняться. Мои мышцы, казалось, потеряли свою силу.

Дон Хуан и дон Хенаро подошли ко мне и остановились. Я слышал их голоса, как если бы они были где-то далеко от меня. И в то же время я чувствовал, как они меня поднимают. Они, должно быть, подняли меня, каждый держа за одну руку и за одну ногу, и короткое расстояние несли. Я в совершенстве осознавал неудобное положение своей шеи и головы, которые буквально свисали и болтались. Мои глаза были открыты. Я мог видеть землю и пучки травы, проходящие подо мной. Наконец, я ощутил схватку холода.Вода попала мне в рот и нос и заставила меня кашлять. Мои руки и ноги отчаянно задвигались. Я начал плыть, но вода была недостаточно глубокой, и оказалось, что я стою в мелкой речке, куда они меня окунули.

Дон Хуан и дон Хенаро глупо смеялись. Дон Хуан закатал свои штаны и подошел ко мне поближе. Он посмотрел мне в глаза и, сказав, что я еще не готов, слегка толкнул меня обратно в воду. Мое тело не оказало никакого сопротивления. Я не хотел окунаться снова, но не было никакого способа передать мое желание моим мышцам, и я упал, откинувшись назад. Холод был даже еще более интенсивным. Я быстро вскочил и вылетел на противоположный берег по ошибке. Дон Хуан и дон Хенаро улюлюкали и свистели, и бросали камни в кусты передо мной, как если бы они загоняли бычка, отбившегося от стада. Я пересек речку обратно и уселся на камень рядом с ними. Дон Хенаро вручил мне мою одежду с меня текла вода, и я не хотел одеваться прямо сразу. Дон Хуан повернулся к дону Хенаро и громким голосом сказал: «бога ради, дай человеку полотенце!». Мне понадобилась пара секунд, чтобы понять абсурдность этого.

Я чувствовал себя очень хорошо. Фактически я был так счастлив, что не хотел даже разговаривать. У меня однако была уверенность, что если я выкажу свою эйфорию, то они окунут меня в воду опять.

Дон Хенаро следил за мной. В его глазах был блеск, как у дикого животного. Они пронизывали меня насквозь

— Прекрасно, — сказал дон Хуан внезапно. — теперь ты собран. Но под эвкалиптами ты индульгировал как сукин сын.

Я хотел истерически рассмеяться. Слова дона Хуана казались мне необычайно забавными, и мне понадобилось чрезвычайное усилие сдерживать себя. А затем какая-то часть меня издала команду. Неконтролируемое раздражение в средней части моего тела заставило меня снять одежду и плюхнуться обратно в воду. Я оставался в реке около пяти минут. Холод восстановил мое чувство трезвости. Когда я вышел, я был опять самим собой.

— Хорошо показано, — сказал дон Хуан, похлопывая меня по плечу.

Они повели меня назад к эвкалиптам. По дороге дон Хуан объяснил, что мой тональ был опасно уязвимым и что несоответствие поступков дона Хенаро, казалось, было для него слишком большим испытанием. Он сказал, что они решили не трогать его больше и возвращаться к дому дона Хенаро. Но тот факт, что я знал, что мне нужно залезть в речку опять, изменил все. Однако он не сказал, что они намереваются делать.

Мы стояли в середине поля на том же самом месте, где мы были раньше. Дон Хуан был справа от меня, а дон Хенаро слева. Оба они стояли с напряженными мышцами в состоянии

алертности. Они выдерживали такую напряженность около десяти минут. Я перевел глаза с одного на другого. Я думал, что дон Хуан даст мне намек относительно того, что делать. Я был прав. В какой-то момент он расслабил свое тело и пнул ногой твердые комочки земли. Не глядя на меня он сказал: «я думаю, нам лучше пойти». Я автоматически решил, что дон Хенаро должно быть имел намерение дать мне еще одну демонстрацию нагваля, но решил не делать этого. Я почувствовал облегчение. Я ждал еще чего-нибудь для полного подтверждения. Дон Хенаро тоже расслабился, а затем оба они сделали шаг вперед. Тогда я понял, что на этом мы все закончили. Но в этот же момент, как я расслабился, дон Хенаро опять издал свой невероятный вопль.

Я начал отчаянно дышать. Я оглянулся: дон Хенаро исчез. Дон Хуан стоял передо мной. Его тело тряслось от смеха. Он повернулся ко мне.

— Я прошу прощения, — сказал он шепотом, — но другого способа нет.

Я хотел спросить насчет дона Хенаро, но почувствовал, что если я не буду продолжать дышать и отжимать вниз свою диафрагму, то я умру. Дон Хуан указал подбородком на какое-то место позади меня. Не сдвигая ног я начал поворачивать голову через левое плечо. Но прежде чем я смог увидеть на что он указывает, дон Хуан прыгнул и остановил меня. Сила его прыжка и скорость с которой он меня схватил, заставили меня потерять равновесие. Когда я падал на спину, у меня было ощущение, что моей испуганной реакцией было схватиться за дона Хуана и следовательно я увлекаю его вместе с собой на землю, но когда я взглянул вверх, впечатление моих осязательных и зрительных чувств оказались в полном несоответствии. Я увидел, что дон Хуан стоит надо мной и смеется в то время как мое тело безошибочно ощущало вес и давление другого тела поверх меня, почти пригвоздившее меня к земле. Дон Хуан вытянул руку и помог мне подняться. Моим телесным ощущением было то, что он поднимает два тела. Он понимающе улыбнулся и прошептал, что никогда нельзя поворачиваться налево, когда смотришь на нагваль. Он сказал, что нагваль смертельно опасен и что нет необходимости делать риск более опасным, чем он уже есть. Затем он мягко перевернул меня и обратил лицом к огромному эвкалипту. Наверное это было самое старое дерево здесь. Его ствол был почти вдвое толще, чем у любого другого. Он указал глазами на вершину. Дон Хенаро сидел на ветке. Он был лицом ко мне. Я мог видеть его глаза как два огромные зеркала, отражающие свет. Я не хотел смотреть, но дон Хуан настаивал, чтобы я не отводил глаза. Очень повелительным шепотом он приказал мне моргать и не поддаваться испугу или индульгированию.

Я заметил, что если я постоянно моргаю, то глаза дона Хенаро не кажутся такими пугающими. Только тогда, когда я смотрю пристально, взгляд его глаз становится сводящим с ума.

Он сидел на корточках на ветке долгое время. Затем совершенно не двигаясь телом, он спрыгнул на землю и приземлился в том же самом положении на корточках в четырех метрах от меня. Я наблюдал полную последовательность его прыжка и знал, что я воспринял больше, чем мои глаза позволили мне ухватить. Дон Хенаро не прыгнул в действительности. Казалось, что-то толкнуло его сзади и заставило его скользить по параболической кривой. Ветка, на которой он примостился была, пожалуй, метрах в тридцати над землей, а дерево располагалось метрах в 50 от меня. Таким образом его тело должно было описать параболу и приземлиться там, где оно это сделало. Но сила, необходимая, чтобы покрыть такое расстояние, не была продуктом мышц дона Хенаро. Его тело было «сдуто» с ветки на землю. Какой-то момент я мог видеть подошвы его ботинок и зад его тела, описывающий параболу. Затем он мягко приземлился хотя его вес разбил сухие комки почвы и даже поднял немного пыли.

Дон Хуан засмеялся позади меня. Дон Хенаро поднялся, как если бы ничего не случилось, и потянул за рукав моей рубашки, чтобы дать мне знак, что мы уходим.

Никто не говорил до дома дона Хенаро. Я чувствовал в себе собранность и ясность. Пару раз дон Хуан останавливался и осматривал мои глаза, заглядывая в них. Он казался удовлетворенным. Как только мы прибыли, дон Хенаро ушел за дом. Было еще начало дня. Дон Хуан сел на пол около двери и указал место, где сесть мне. Я был утомлен. Я лег и выключился как свет.

Я проснулся, когда дон Хуан потряс меня. Я попытался посмотреть время, но моих часов не было. Дон Хуан вынул их из кармана рубашки и вручил мне. Был час дня. Я взглянул вверх, и наши глаза встретились.

— Нет, тут нет объяснений, — сказал он отворачиваясь от меня, — можно быть только свидетелем нагваля.

Я обошел дом, разыскивая дона Хенаро. Его там не было. Я вернулся назад к фасаду. Дон Хуан приготовил мне поесть. После того, как я кончил есть, он начал говорить.

— Когда имеешь дело с нагвалем, никогда не следует смотреть на него прямо, — сказал он. — ты смотрел на него пристально этим утром, и поэтому из тебя ушли все соки. Единственный способ, как можно смотреть на нагваль, так это как если бы он был обычным явлением. Следует моргать, чтобы прервать пристальный взгляд. Наши глаза — это глаза тоналя, или пожалуй, более точным будет сказать, что наши глаза были выдрессированы тоналем. Поэтому тональ считает их своими. Одним из источников твоего замешательства и неудобства является то, что твой тональ не отступается от твоих глаз. В тот день, когда он это сделает, твой нагваль выиграет великую битву. Твоей помехой или лучше сказать помехой каждого, является стремление подстроить мир согласно правилам тоналя. Поэтому каждый раз, когда мы сталкиваемся с нагвалем, мы сходим с дороги, чтобы сделать наши глаза застывшими и бескомпромиссными. Я должен взывать к той части твоего тоналя, которая понимает эту дилемму, и ты должен сделать усилие, чтобы освободить свои глаза. Тут нужно убедить тональ, что есть и другие миры, которые могут проходить перед теми же самыми окнами. Нагваль показал тебе это сегодня утром. Поэтому отпусти свои глаза на свободу. Пусть они будут настоящими окнами. Глаза могут быть окнами, чтобы заглядывать в хаос или заглядывать в эту бесконечность.

Дон Хуан сделал метущее движение левой рукой, показывая на все окружающее. В его глазах был блеск, и его улыбка была одновременно и пугающей и обезоруживающей.

— Как я могу это сделать? — спросил я.

— Я говорю, что это очень простое дело. Может быть я говорю, что это просто, потому что я уже так долго делал это. Все, что тебе следует делать, так это расставить свое намерение в духе таможни. Когда ты находишься в мире тоналя, ты должен быть тоже неуязвимым. Никакого времени для разумной муры. Для воина намерение это ворота между этими двумя. Они полностью закрываются позади него, когда он проходит туда или сюда.

Что нужно делать, когда обращаешься лицом к нагвалю, так это время от времени смещать линию глаз, чтобы разорвать очарование нагваля. Сегодня утром я заметил, что ты был исключительно уязвимым, и я изменил положение твоей головы. Если ты находишься в подобных вещах, то ты должен быть способен смещать ее сам. Смещение должно делаться, однако, только как облегчение, а не как еще один способ ограждать себя, чтобы охранить порядок тоналя. Я бы дал честное слово, что ты спасаешь его от уничтожения. Этот страх плохо обоснован.

Больше нет ничего, что я мог бы тебе сказать, за исключением того, что ты должен следить за каждым движением, которое делает дон Хенаро, не опустошая себя. Сейчас ты испытываешь загружен ли твой тональ несущественными деталями. Если на твоем острове слишком много ненужных вещей, ты не сможешь выстоять встречу с нагвалем.

— Что со мной случится тогда?

— ты можешь умереть. Никто не способен выжить в намеренной встрече с нагвалем без долгой тренировки. Требуются годы, чтобы подготовить тональ к этой встрече. Обычно, если средний человек сталкивается лицом к лицу с нагвалем, то шок бывает столь большим, что он умирает. Цель тренировки воина состоит в таком случае не в том, чтобы обучать его колдовать или очаровывать, а чтобы подготовить его тональ к тому, чтобы он не отключался на ерунду. Труднейшее достижение. Воин должен быть обучен быть неуязвимым и полностью пустым, прежде чем он сможет воспринять встречу с нагвалем.

В твоем случае, например, тебе следует перестать рассчитывать. То, что ты делал этим утром, было абсурдным. Ты называешь это объяснением. Я называю это бесплодной и назойливой настойчивостью тоналя иметь все под своим контролем.

— Что делает человека готовым для того, чтобы сила предоставила ему учителя?

— Никто не знает этого. Мы только люди. Некоторые из нас — люди, которые научились видеть и использовать нагваль, но ничто из того, что мы смогли достичь в нашей жизни, не может раскрыть нам планов силы. Поэтому не у каждого ученика есть бенефактор. Сила решает это.

Я спросил его, был ли у него самого и учитель и бенефактор, и в первый раз за тринадцать лет он свободно разговаривал о них. Он сказал, что как его учитель, так и его бенефактор были из центральной Мексики. Я всегда считал, что информация о доне Хуане будет ценна для моих антропологических исследований. Но в момент его откровения это как-то не имело значения.

Дон Хуан взглянул на меня. Я подумал, что это взгляд участия. Затем он резко изменил тему и попросил пересказать ему каждую деталь того, что я испытал этим утром.

— Внезапный испуг всегда сжимает тональ, — сказал он, как комментарий к моему описанию того, что я ощутил, когда завопил дон Хенаро. — проблема здесь в том, чтобы не позволить тоналю сжаться совсем в ничто. Серьезным вопросом для воина бывает знать в точности, когда позволить своему тоналю сжаться, а когда остановить его. Это великое

искусство. Воин должен бороться, как демон, чтобы сжать свой тональ. И однако же, в тот самый момент, когда его тональ сжимается, воин должен перевернуть всю эту битву, чтобы немедленно остановить это сжатие.

— Но, делая это, разве он не возвращается назад к тому, чем он уже был? — спросил я.

— Нет, после того, как тональ сжимается, воин закрывает ворота с другой стороны. До тех пор, пока его тональ находится не под угрозой и его глаза настроены только на мир тоналя, воин с безопасной стороны ограды. Он на знакомой земле и знает все законы. Но когда его тональ сжимается — он на ветреной стороне, и это отверстие должно быть закрыто накрепко немедленно, иначе он будет унесен прочь. И это не просто способ разговаривать. За воротами глаз тоналя бушует ветер, я имею в виду реальный ветер. Это не метафора. Ветер, который может унести твою жизнь. Фактически, это тот самый ветер, который несет все живые существа на этой земле. Несколько лет назад я познакомил тебя с этим ветром, однако ты воспринял это как шутку.

Он обращался к тому времени, когда он взял меня в горы и объяснил мне некоторые особенности ветра. Однако я никогда не думал, что это была шутка.

— Не имеет значения, воспринял ты это всерьез или нет, — сказал он, выслушав мои протесты. — как закон, тональ должен защищать себя любой ценой каждый раз, когда ему угрожают. Поэтому в действительности не имеет никакого значения, как тональ реагирует для того, чтобы выполнить свою защиту. Единственно важным моментом является то, что тональ воина должен быть знаком с другими возможными выборами. В этом случае учитель направляет свои усилия на полный вес этих возможностей. Именно вес этих новых возможностей помогает сжать тональ. Точно таким же образом этот же самый вес помогает остановить тональ, чтобы он не сжался совсем в ничто.

Он сделал мне знак продолжить свой пересказ событий утра. И прервал меня, когда я подошел к той части, где дон Хенаро скользил взад-вперед между стволом дерева и веткой.

— Нагваль может выполнять необычайные вещи, — сказал он — вещи, которые могут казаться невозможными. Вещи, которые немыслимы для тоналя. Но необычной вещью является то, что сам выполняющий не может знать, как эти вещи происходят. Иными словами, Хенаро не знает, как он делает все это. И он только знает, что он делает их. Секрет мага в том, что он знает, как добраться до нагваля, но когда он туда попадает, то его догадки относительно того, что там происходит, так же хороши, как твои собственные.

— Но чувствуешь, когда делаешь все это?

— Чувствуешь, как будто что-то делаешь.

— Чувствует ли дон Хенаро так, как будто он ходит по стволу дерева?

Дон Хуан секунду смотрел на меня, а затем отвернул голову.

— Нет, — сказал он усиленным шепотом, — не в том смысле, как ты это понимаешь.

Он не сказал ничего больше. Я практически удерживал дыхание, ожидая его объяснение. Наконец, я вынужден был спросить: «но что он чувствует?»

— Я не могу сказать не потому, что это личное дело, а потому, что нет способа описать это.

— Ну давай, — уговаривал я его. — нет ничего такого, что нельзя было бы объяснить или осветить словами. Я считаю, что если даже и невозможно описать что-либо прямо, то всегда возможно говорить об этом косвенно, ходить вокруг.

Дон Хуан засмеялся. Его смех был дружеским и добрым. И однако, в нем был оттенок насмешки и какое-то явное предательство.

— Я должен сменить тему, — сказал он. — удовлетворись тем, что нагваль был нацелен на тебя утром. Что бы Хенаро ни делал, это была смесь его и тебя. Его нагваль был оттенен твоим тоналем.

Я продолжал попытки и спросил его: «когда ты показываешь нагваль для Паблито, что ты чувствуешь?»

— Я не могу объяснить этого, — сказал он мягким голосом. — и не потому, что не хочу, а потому, что не могу. Мой тональ останавливается здесь.

Я не хотел на него давить дальше. Некоторое время мы молчали, а затем он начал говорить опять.

— Можно сказать, что воин выучивается настраивать свою волю. И хочет направлять ее с точностью иголки. Фокусировать ее, где он захочет, как если бы его воля, которая выходит из средней части его тела, была одной единственной светящейся нитью. Нитью, которую он может направить в любое вообразимое место. Эта нить — дорога к нагвалю. Или же я могу сказать также, что воин тонет в нагваль через эту нить.

Как только он утонул, выражение нагваля — дело его личного темперамента. Если воин забавен, его нагваль забавен. Если воин мрачен, его нагваль мрачен, если воин зол, его нагваль зол.

Хенаро всегда смешит меня до упаду, потому что он — один из самых приятных существ. Я никогда не знаю, с чем он приходит. Для меня это — абсолютная сущность магии. Хенаро такой подвижный воин, что малейшее фокусирование его воли заставляет его нагваль действовать невероятными способами.

— А ты сам наблюдал, что дон Хенаро делал на деревьях? — спросил я.

— Нет. Я просто знал, потому что я видел, что нагваль был на деревьях. Все остальное представление было для тебя одного.

— Ты хочешь сказать, дон Хуан, что подобно тому времени, когда ты толкнул меня, и я оказался на базаре, тебя со мной не было?

— Было что-то вроде этого. Когда встречаешься с нагвалем лицом к лицу, ты всегда вынужден быть один. Я был поблизости только чтобы защищать твой тональ. Это моя обязанность.

Дон Хуан сказал, что мой тональ чуть не разлетелся на куски, когда дон Хенаро спустился с дерева. И не потому, что в нагвале было какое-то внутреннее качество опасности, а потому, что мой тональ индульгировал в своем замешательстве. Он сказал, что одна из задач тренировки воина состоит в том, чтобы удалить замешательство тоналя до тех пор, пока воин не станет настолько текучим, что он сможет принять все, не принимая ничего.

Когда я описал прыжок дона Хенаро на дерево и его прыжок с него, дон Хуан сказал, что вопль воина является одним из наиболее важных моментов магии, и что дон Хенаро был способен фокусировать свой вопль, используя его как двигатель.

— Ты прав, — сказал он. — Хенаро взлетел, будучи притянут частично своим воплем и частично деревом. Это было настоящим видением с твоей стороны. Это было настоящей картиной нагваля. Воля Хенаро была сфокусирована на этом вопле, и его личное прикосновение заставило дерево притянуть нагваль. Линии были протянуты туда и сюда — от Хенаро к дереву и от дерева к Хенаро.

Что ты должен увидеть, когда Хенаро прыгнул с дерева, так это то, что он был сфокусирован на месте перед тобой, а потом дерево толкнуло его. Но это только казалось толчком. В сущности, это было более похоже на освобождение от дерева. Дерево отпустило нагваль, и нагваль вернулся обратно в мир тоналя на то место, на котором он сфокусировался.

Во второй раз, когда дон Хенаро опустился с дерева, твой тональ не был так ошеломлен. Ты не индульгировал столь усердно, и поэтому из тебя не были выжаты соки, как это было в первый раз.

Около четырех часов дня дон Хуан прекратил наш разговор.

— Мы идем назад к эвкалиптам, — сказал он. — нагваль ждет нас там.

— Не рискуем ли мы, что нас увидят люди? — спросил я.

— Нет, нагваль будет держать все взвешенным, — сказал он.

9. ШЕПОТ НАГВАЛЯ

Когда мы приблизились к эвкалиптам, я увидел дона Хенаро, сидящего на пне. Он помахал рукой, улыбаясь. Мы присоединились к нему. На деревьях была стая ворон. Они каркали, как если бы их что-то пугало. Дон Хенаро сказал, что мы должны оставаться неподвижными и спокойными до тех пор, пока не успокоятся вороны.

Дон Хуан прислонился спиной к дереву и сделал мне знак, чтобы я тоже прислонился к дереву рядом с ним, в нескольких футах слева от него. Мы оба были лицом к дону Хенаро, который находился от нас в шести-восьми метрах.

Едва заметным движением глаз дон Хуан дал мне знак поменять ноги. Он стоял твердо, слегка расставив ступни и касаясь ствола дерева только верхней частью лопаток и затылком головы. Его руки висели по бокам.

Мы стояли так, наверное, около часа. Я удерживал пристальный взгляд на них обоих, особенно на доне Хуане. Какой-то момент он мягко соскользнул по стволу дерева и сел, все еще удерживая контакт с деревом теми же точками своего тела. Его колени были подняты, и руки он положил на них. Я воспроизвел его движение. Мои ноги крайне устали, и перемена позы дала им более приятное чувство.

Вороны постепенно перестали каркать, и, наконец, в поле не раздавалось ни одного звука. Тишина для меня была более нервирующей, чем шум ворон.

Дон Хуан заговорил со мной спокойным тоном. Он сказал, что сумерки — мой лучший час. Он взглянул на небо. Должно быть, уже было больше шести. Я слышал далекие крики гусей и, может быть, индюков. Но на поле, где росли эвкалипты, не было никакого шума. Очень долгое время не слышно было посвиста птиц или звука крупных насекомых. День был сумрачный, и я не мог определить положение солнца.

Тела дона Хуана и дона Хенаро оставались в совершенной неподвижности, насколько я мог судить, за исключением тех нескольких секунд, когда они меняли позу, чтобы отдохнуть.

После того, как мы с доном Хуаном скользнули на землю, дон Хенаро сделал внезапное движение. Он поднял ступни и сел на пне на корточки. Затем он повернулся на 45 градусов, и я смог видеть его левый профиль. Я посмотрел на дона Хуана в поисках объяснения. Он дернул подбородком. Это была команда смотреть на дона Хенаро.

Ужаснейшее возбуждение начало охватывать меня. Я не мог себя сдержать. Мои кишки судорожно двигались. Я абсолютно точно мог чувствовать, что ощущал Паблито, когда он увидел сомбреро дона Хуана. Я испытал такое кишечное расстройство, что вынужден был вскочить и помчаться в кусты. Я слышал, как они взвыли от смеха.

Я не смел вернуться туда, где они находились. Некоторое время я колебался, размышляя о том, что очарование должно было быть разорвано моей внезапной выходкой. Однако мне не пришлось размышлять слишком долго. Дон Хуан и дон Хенаро пришли туда, где я находился. Они зажали меня с боков, и мы пошли на другое место в поле. Мы остановились в самом центре, и я узнал то место, на котором мы были утром.

Дон Хуан заговорил со мной. Он сказал, что я должен быть текучим и молчаливым и должен прекратить свой внутренний диалог. Я слушал внимательно. Дон Хенаро, должно быть, осознавал, что мое внимание было приковано к наставлениям дона Хуана, и он воспользовался этим моментом, чтобы сделать то, что он делал утром. Он опять издал свой с ума сводящий вопль. Он застал меня врасплох, но не неподготовленным. Я почти немедленно восстановил свое равновесие дыханием. Потрясение было ужасающим, однако оно не имело на меня того длительного эффекта, и я смог проследить за движениями дона Хенаро глазами. Я видел, как он прыгнул на нижнюю ветку дерева. Я проследил за его прыжком на расстояние двадцати пяти-тридцати метров и испытал странное зрительное расстройство. Не то, чтобы он прыгнул посредством пружинящего действия своих мышц. Он скорее скользнул по воздуху, частично катапультированный своим ужасным криком и притянутый какими-то смутными линиями, эманированными из дерева. Казалось, дерево втянуло его своими линиями.

Дон Хенаро оставался на нижней ветке какую-то секунду. Он был повернут ко мне левым профилем. Затем он стал выполнять серию странных движений. Его голова болталась, тело дрожало. Несколько раз он засовывал голову между колен. Чем больше он двигался и елозил, тем труднее мне было фокусировать глаза на его теле. Он, казалось, растворялся, я мигнул в отчаянии, а затем сместил свою линию зрения, поворачивая голову направо и налево, как научил меня дон Хуан. Из левой перспективы я увидел тело дона Хенаро так, как я никогда его не видел. Казалось, он, переодевшись, переменил свою внешность. На нем был меховой костюм. Окраска меха была как у сиамской кошки: светло-дымчато-коричневая со слегка темно-шоколадно — -коричневым на ногах и спине. У него был длинный толстый хвост. Костюм дона Хенаро делал его похожим на мохнатого коричневого длинноногого крокодила. Я не мог различить его головы и очертаний лица.

Я выпрямил голову в ее нормальное положение. Вид переодетого Хенаро остался неизмененным.

Руки дона Хенаро задрожали. Он встал на ветке, вроде как бы переступил и прыгнул к земле. Ветка находилась в трех-четырех метрах от земли. Насколько я мог судить, это был обычный прыжок человека, одетого в костюм. Я видел, как тело дона Хенаро почти коснулось земли, а затем толстый хвост его костюма завибрировал, и вместо того, чтобы приземлиться, он взлетел вверх, как бы под действием беззвучного реактивного двигателя. Он делал это вновь и вновь. Временами он хватался за ветку и крутился вокруг дерева или как угорь извивался между ветвей. А затем он скользнул вниз и кружился вокруг нас или хлопал в ладоши, касаясь верхушек деревьев животом.

Пилотаж дона Хенаро наполнил меня испугом. Мои глаза следили за ним, и два-три раза я ясно различил, что он пользуется какими-то сверкающими нитями, как если бы они были тяжами для того, чтобы переносить его с места на место. Затем он промчался над вершинами деревьев к югу и исчез за ними. Я попытался предугадать то место, откуда он появится вновь, но он не появился совсем.

Тут я заметил, что лежу на спине, хотя я и не осознавал перемены перспективы. Мне все время казалось, что я смотрел на дона Хенаро из стоячего положения.

Дон Хуан помог мне сесть, а затем я увидел дона Хенаро, который шел к нам с безразличным видом. Он игриво улыбнулся и спросил меня, как мне понравились его полеты. Я попытался что-нибудь сказать, но был бессловесен.

Дон Хенаро обменялся странным взглядом с доном Хуаном и опять сел на корточки. Он наклонился и зашептал мне что-то в левое ухо. Я слышал, как он говорит мне: «почему ты

не пойдешь полетать со мной?» Он повторил это пять или шесть раз. Дон Хуан подошел ко мне и зашептал в мое правое ухо: «не разговаривай, просто следуй за Хенаро».

Дон Хенаро заставил меня сесть на корточки и зашептал мне опять. Я слышал его с кристально ясной точностью. Он повторял свои слова раз десять. Он сказал: «доверься нагвалю. Нагваль возьмет тебя».

Затем дон Хуан зашептал мне на правое ухо другую фразу. Он сказал: «перемени свои чувства».

Я мог слышать, как оба они говорят мне сразу, но я мог слышать их также и индивидуально. Каждое из заявлений дона Хенаро имело отношение к общему контексту скольжения по воздуху. Фразы, которые он повторил десятки раз, казалось, были фразами, выгравированными в моей памяти. Слова дона Хуана, с другой стороны, имели отношение к особым командам бесчисленное количество раз. Эффект такого двойного нашептывания был совершенно необычным. Казалось, звук их индивидуальных слов расщеплял меня пополам. В конце концов бездна между двумя моими глазами стала настолько велика, что я потерял чувство единства. Было что-то, что являлось несомненно мною, но оно не было твердым. Оно было скорее светящимся туманом, темно-желтой дымкой, которая имела ощущения.

Дон Хуан сказал мне, что он собирается склеить меня для летания. Ощущение, которое я тогда имел, было похоже но то, что слова эти, как щипцы, скручивали и скрепляли мои «ощущения».

Слова дона Хенаро были приглашением последовать за ним. Я чувствовал, что хотел, но не мог. Расщепление было настолько большим, что я был лишен всех возможностей. Затем я услышал то же самое короткое заявление, бесконечно повторяемое или обоими: «взгляни на эту прекрасную летающую форму. Прыгай, прыгай! Твои ноги достигнут вершин деревьев, эвкалипты похожи на зеленые точки. Черви — это свет».

В какой-то момент что-то во мне, должно быть, исчезло. Может быть, мое осознание того, что мне говорят. Я ощущал, что дон Хенаро все еще со мной, однако с точки зрения своего восприятия, я мог только различать огромную массу совершенно необычных источников света. По временам их сияние уменьшалось, а по временам источники света становились интенсивными. Я испытывал также движение. Эффект был похож на то, что меня втягивает вакуум, и я несусь без всякой остановки. Когда мое движение, казалось, спадало, и я мог действительно сфокусировать свое сознание на источниках света, вакуум опять уносил меня прочь.

В какой-то момент, будучи между двумя рывками туда и сюда, я испытал крайнее замешательство. Мир вокруг меня, чем бы он ни был, приближался и удалялся в одно и то же время. Отсюда и вакуумподобный эффект. Я мог видеть два отдельных мира: один, который уходил от меня, а другой, который приближался ко мне. Я не осознавал этого, так как осознаешь обычно, то-есть я не понял это так, как это было бы ранее скрытым. Скорее у меня были два осознания без объединяющего заключения.

После этого мое восприятие стало смутным. В нем или не было точности, или же восприятий было слишком много, и я не мог их рассортировать. Следующим набором различимых восприятий была серия звуков, которая имела место в конце длинного трубовидного образования. Трубой был я сам, а звуками были слова дона Хенаро и дона Хуана, которые опять говорили мне в уши. Чем более они говорили, тем короче становилась труба, пока звуки не оказались в тех границах, которые я понимал. Иначе говоря, звуки слов дона Хуана и дона Хенаро достигли моего нормального спектра восприятий. Сначала звуки осознавались как шумы, затем как слова, которые выкрикивают, и, наконец, как слова, которые мне шепчут на уши.

Затем я заметил предметы знакомого мира. Очевидно я лежал лицом вниз. Я мог различить комочки почвы, маленькие камешки и сухие листья, а затем я осознал поле с эвкалиптами.

Дон Хуан и дон Хенаро стояли рядом со мной. Было еще светло. Я чувствовал что мне нужно забраться в воду, чтобы стать самим собой. Я дошел до реки, разделся и оставался в холодной воде достаточно долго, чтобы восстановить равновесие в своих ощущениях.

Дон Хенаро ушел, как только мы добрались до его дома. Он небрежно потрепал меня по плечу, когда уходил, я отскочил, как рефлекторная реакция. Я думал, что его прикосновение будет болезненным. К моему изумлению, это было просто мягкое похлопывание по плечу.

Дон Хуан и дон Хенаро смеялись как два ребенка, празднующие шалость.

— Не будь таким прыгучим, — сказал дон Хенаро, — нагваль не все время преследует тебя.

Он чмокнул губами, как бы не одобряя мою повышенную реакцию, и с видом доброжелательства и товарищества протянул свои руки. Я обнял его. Он похлопал меня по спине очень дружеским теплым жестом.

— Твое внимание должно быть на нагвале только в определенные моменты. Все остальное время мы такие же люди, как все остальные на этой земле.

Он повернулся к дону Хуану и улыбнулся ему.

— Разве это не так, Хуанчо? — спросил он, подчеркивая слово Хуанчо — забавное уменьшительное имя от Хуан.

— Это так, Хенарчо, — ответил дон Хуан, образовывая слово Хенарчо.

Они оба расхохотались.

— Должен предупредить тебя, — сказал мне дон Хуан, — ты должен развить совершеннейшую бдительность, чтобы быть уверенным, когда человек это нагваль, а когда человек это просто человек. Ты можешь умереть, если придешь в прямой физический контакт с нагвалем.

Дон Хуан повернулся к дону Хенаро и с сияющей улыбкой спросил: «разве это не так, Хенарчо?

— Это так, абсолютно так, Хуанчо, — ответил дон Хенаро, и они оба засмеялись.

Их ребячество очень трогало меня. События дня были утомительными, и я был очень эмоционален. Волна жалости к самому себе охватывала меня. Я уже готов был заплакать, повторяя самому себе, что то, что они со мной сделали, было необратимым и скорее всего вредным. Дон Хуан, казалось, читал мои мысли и покачал головой с жестом недоверия. Он усмехнулся. Я сделал попытку остановить свой внутренний диалог, и моя жалость к самому себе исчезла.

— Хенаро очень теплый, — заметил дон Хуан, когда дон Хенаро ушел. — планом силы было, что ты нашел мягкого бенефактора.

Я не знал, что сказать. Мысль о том, что дон Хенаро являлся моим бенефактором, интриговала меня до бесконечности. Я хотел, чтобы дон Хуан побольше рассказал мне об этом. Он, казалось, не был расположен к разговору. Он посмотрел на небо и на вершины темных силуэтов деревьев сбоку от дома. Он уселся, прислонившись к толстому раздвоенному столбу, вкопанному почти перед дверью, и сказал, чтобы я сел рядом с ним слева. Я сел рядом. Он пододвинул меня за руку поближе, пока я не коснулся его. Он сказал, что это время ночи опасно для меня, особенно в данном случае. Очень спокойным голосом он дал мне ряд наставлений. Мы не должны были сдвигаться с этого места, пока он не увидит, что это сделать можно. Мы должны были поддерживать разговор без перерывов. И я должен дышать и моргать, как если бы я видел перед собой нагваль.

— Разве нагваль поблизости? — спросил я.

— Конечно, — сказал он и усмехнулся.

Я практически навалился на дона Хуана. Он начал говорить и практически вытягивал из меня каждый вопрос. Он даже вручил мне блокнот и карандаш, как если бы я мог писать в темноте. Он заметил, что я должен быть настолько спокоен и нормален, насколько это возможно, и нет лучшего способа укрепить мой тональ, как делая заметки. Все это дело он повернул на особый уровень. Он сказал, что делать заметки — мое предрасположение, а раз так, то я должен быть способен их делать в полной темноте. В его голосе был оттенок вызова, когда он сказал, что я могу превратить делание заметок в задачу воина, а в этом случае темнота никак не будет препятствием.

Каким-то образом он, должно быть, убедил меня, потому что я ухитрился записать часть нашего разговора. Основной темой был дон Хенаро как мой бенефактор. Мне было любопытно узнать, когда дон Хенаро стал моим бенефактором. И дон Хуан предложил мне вспомнить предположительно необычное событие, которое произошло в тот день, когда я встретил дона Хенаро, и которое послужило правильным знаком. Я ничего не мог вспомнить подобного рода. Я начал пересказывать события. Насколько я мог помнить, это была ничем не замечательная и случайная встреча, которая произошла весной 1968 года. Дон Хуан прервал меня.

— Если ты достаточно туп, чтобы не вспомнить, мы лучше оставим все так. Воин следует указаниям силы. Ты вспомнишь это, когда придет необходимость.

Дон Хуан сказал, что иметь бенефактора это очень трудное дело. Он использовал как пример случай своего собственного ученика элихио, который был с ним много лет. Он сказал, что элихио не смог найти бенефактора. Я спросил, найдет ли элихио когда-нибудь, и он ответил, что нет возможности предсказывать повороты силы. Он заметил мне, что однажды, несколькими годами ранее, мы встретились с группой молодых индейцев, бродящих по пустыне северной Мексики. Он сказал, что видел, что никто из них не имел бенефактора, и что общая обстановка и настроение момента были совершенно правильными

для того, чтобы протянуть им руку и показать им нагваль. Он говорил об одной ночи, когда четверо юношей сидели у огня в то время, как дон Хуан, по моему мнению, показал интересное представление, в котором он явно виделся каждому из нас в различной одежде.

— Эти парни знали очень много, — сказал он. — ты был единственным новичком среди них.

— Что случилось с ними потом? — спросил я.

— Некоторые из них нашли бенефактора, — ответил он.

Дон Хуан сказал, что долгом бенефактора является отдать долг силе, и что бенефактор передает новичку свое личное прикосновение в той же мере, если не в большей, чем учитель.

Во время короткой паузы в нашем разговоре я услышал странный шуршащий звук позади дома. Дон Хуан прижал меня книзу. Я почти встал, как реакция на него. Прежде чем раздался шум, наш разговор был обычным для меня. Но когда произошла пауза и последовал момент молчания, странный звук прыгнул сквозь него. В этот момент у меня была уверенность, что наш разговор является необычным событием. У меня было ощущение, что звук слов моих и дона Хуана был подобен листу, который разорвался, и что шуршащий звук намеренно ожидал удобного шанса, чтобы прорваться сквозь этот лист.

Дон Хуан скомандовал мне сидеть неподвижно и не обращать внимания на окружающее. Шуршащий звук напомнил мне звук, который производит суслик, копая сухую землю. Как только я подумал о похожести, у меня сразу возникло зрительное изображение грызуна вроде того, которого мне дон Хуан показал на ладони. Я как бы заснул и мои мысли превращались в видение снов.

Я начал дыхательные упражнения и удерживал эго сцепленными руками. Дон Хуан продолжал говорить, но я его не слушал. Мое внимание было приковано к мягкому шуршанию чего-то змееподобного, скользящего по сухой листве. Я испытал момент паники и физического отвращения при мысли, что ко мне подкрадывается змея. Невольно я запихал свои ноги под дона Хуана и стал отчаянно дышать и моргать.

Я услышал звук так близко, что он, казалось, находился в полуметре от меня. Моя паника росла. Дон Хуан спокойно сказал, что единственный способ отразить нагваль — это остаться неизменным. Он приказал мне вытянуть ноги и не концентрировать внимания на звуке. Повелительно он потребовал, чтобы я писал или задавал вопросы и не делал никаких попыток поддаться страху.

После большой борьбы я спросил его, дон Хенаро ли это делает звук. Он сказал, что это нагваль, и я не должен их смешивать. Хенаро был именем тоналя. Затем он сказал что-то еще, но я не понял его. Что-то кружило вокруг дома, и я не мог сконцентрироваться на нашем разговоре. Он скомандовал мне сделать высшее усилие. В какой-то момент я обнаружил, что бормочу какие-то идиотские фразы о своей непригодности. Я ощутил толчок страха и вырвался в состояние огромной ясности. Затем дон Хуан сказал мне, что теперь можно слушать. Но звуков больше не было.

— Нагваль ушел, — сказал дон Хуан и, поднявшись, пошел внутрь дома.

Он зажег керосиновую лампу дона Хенаро и приготовил еду. Мы поели в тишине. Я спросил его, не вернется ли нагваль.

— Нет, — сказал он с серьезным выражением. — он просто испытывает тебя. В это время ночи, сразу после сумерек, ты всегда должен вовлекать себя в занятие чем-нибудь. Подойдет все, что угодно. Это только короткий период, один час, может быть. Но в твоем случае, самый опасный час.

Сегодня нагваль старался заставить тебя споткнуться, но ты был достаточно силен, чтобы отразить его нападения. Однажды ты поддался ему, и я вынужден был поливать воду на твое тело. На этот раз ты прошел отлично.

Я заметил, что слово «нападение» дает всему этому событию очень опасное звучание.

— Опасное звучание? Это неправильный способ выражаться, — сказал он. — Я не стараюсь испугать тебя. Действия нагваля смертельно опасны. Я уже говорил тебе об этом, и это не означает, что дон Хенаро старается повредить тебе. Наоборот, его забота о тебе неуязвима. Но если у тебя достаточно силы, чтобы отразить нападение нагваля вне зависимости от моей помощи или участия Хенаро.

После того, как мы закончили еду, дон Хуан сел рядом со мной и заглянул через мое плечо в блокнот. Я заметил, что мне пожалуй потребуются годы, чтобы рассортировать все то, что произошло со мной в течение этого дня. Я знал, что был захлестнут восприятиями, которые я даже не могу надеяться понять.

— Если ты не можешь понять, то ты в прекрасной форме, — сказал он. — это когда ты понимаешь, ты находишься в каше. Конечно, это точка зрения мага. С точки зрения среднего

человека, если ты не можешь понять, то ты идешь ко дну. В твоем случае я сказал бы, что средний человек подумал бы, что ты распался или что ты начинаешь распадаться.

Я засмеялся его выбору слов. Я знал, что он бросает концепцию распада мне назад. Когда-то я упоминал ее в связи с моими страхами. Я заверил его, что на этот раз я не собираюсь ничего спрашивать о том, через что я прошел.

— Я никогда не ставил запрета на разговор, — сказал он. — мы можем говорить о нагвале, сколько душе угодно. Если ты точно помнишь, я сказал, что нагваль только для того, чтобы свидетельствовать его. Поэтому мы можем говорить о том, чему мы были свидетели, и о том, как мы это свидетельствовали. Однако ты хочешь найти объяснение тому, как это все возможно, а это отвратительно. Ты хочешь объяснить нагваль при помощи тоналя, а это глупо, особенно в твоем случае, поскольку ты больше не прячешься за своим невежеством. Ты очень хорошо знаешь, что в нашем разговоре есть смысл только потому, что мы остаемся в определенных границах, а эти границы неприложимы к нагвалю.

Я попытался объяснить свою точку зрения. Я не просто хотел объяснить все с разумной точки зрения, но моя необходимость объяснить проистекала из необходимости поддерживать порядок при проходе через все эти поразительные и громадные хаотические стимулы восприятия, которые у меня были.

Дон Хуан заметил, что я пытаюсь защитить точку зрения, с которой не согласен.

— Ты чертовски хорошо знаешь, что ты индульгируешь, — сказал он. — поддерживать порядок — значит быть совершенным тоналем, а быть совершенным тоналем означает осознавать все, что происходит на острове тоналя. Но ты им не являешься. Поэтому твое возражение насчет поддержания порядка не имеет внутри истины. Ты пользуешься им только для того, чтобы отвоевать довод.

Я не знал, что сказать. Дон Хуан вроде бы как успокоил меня, сказав, что требуется гигантская борьба, чтобы очистить остров тональ. Затем он попросил пересказать меня все то, что я ощутил во время своей второй встречи с нагвалем. Когда я закончил, он сказал, что то, что я наблюдал как мохнатого крокодила было вершиной чувства юмора дона Хенаро.

— Жалко, что ты такой тяжелый, — сказал он. — тебя всегда останавливает ошеломление, и ты не видишь настоящего искусства Хенаро.

— А ты осознавал его внешний вид, дон Хуан?

— Нет. Представление было только для тебя.

— Что ты видел?

— Сегодня все, что я видел, было движением нагваля, скользящим между деревьями и кружащим вокруг нас. Любой, кто видит, может быть свидетелем этого.

— А как насчет того, кто не видит?

— Он не заметит ничего. Может быть, только что деревья сотрясаются бешеным ветром. Мы истолковываем неизвестное проявление нагваля как что-то такое, что мы знаем. В этом случае нагваль может быть истолкован как ветер, потрясающий листья, или даже как какой-то непонятный свет, может быть светящийся жук необычных размеров. Если на человека, который не видит, поднажать, то он скажет, что, по его мнению, он видел что-то, но не может вспомнить, что. И это естественно. Человек будет хвататься за смысл. В конце концов его глаза не могут заметить ничего необычного. Будучи глазами тоналя, они должны быть ограничены миром тоналя, а в этом мире нет ничего поразительного нового, ничего такого, что глаза могли бы воспринять, а тональ не мог бы объяснить.

Я спросил его о непонятных восприятиях, которые произошли в результате того, что они шептали мне в уши.

— Это было лучшей частью всего события, — сказал он. — остальное можно опустить, но это было венцом дня. Закон требует, чтобы бенефактор и учитель сделали эту последнюю настройку. Самое трудное из всех искусств. Оба — и учитель, и бенефактор, должны быть неуязвимыми воинами даже для того, чтобы попытаться расщепить человека. Ты не знаешь этого потому, что это все еще за границами твоего царства, но сила опять была благосклонна к тебе. Хенаро самый безупречный воин из всех, какие тут есть.

— Почему расщепление человека такая большая задача?

— Потому что это опасно. Ты можешь умереть, как маленький жучок. Или еще хуже. Мы могли не смочь собрать тебя опять, и ты так бы и остался на том плато чувства.

— Зачем нужно было это делать со мной, дон Хуан?

— Есть определенный момент, когда нагваль должен шептать в ухо ученика и расщепить его.

— Что это значит, дон Хуан?

— Для того, чтобы быть средним тоналем, человек должен иметь единство. Все его существо должно принадлежать к острову тоналя. Без этого единства человек взбесится. Маг, однако, должен разорвать это единство. Но при этом не подвергнуть опасности его

бытие. Задача мага в том, чтобы ждать. То-есть он не предпринимает ненужного риска. Поэтому он тратит годы на то, чтобы вымести свой остров до тех пор, пока не приходит момент, когда он может, образно говоря, ускользнуть с него. Расщепление человека надвое является воротами для такого побега.

Расщепление, которое является самой опасной вещью из всего, через что ты прошел, прошло гладко и просто. Нагваль мастерски руководит тобой. Поверь мне, только неуязвимый воин может сделать это. Я очень рад за тебя.

Дон Хуан положил мне руку на плечо, и у меня появилось гигантское желание заплакать.

— Подхожу ли я к той точке, когда ты не увидишь меня больше? — спросил я.

Он засмеялся и покачал головой.

— Ты индульгируешь, как сукин сын. Однако мы все это делаем. Мы все это делаем по-разному, только и всего. Иногда я индульгирую тоже. Мой способ состоит в том, что я ощущаю, будто я избаловал тебя и сделал тебя слабым.

Я знаю, что Хенаро думает точно также о Паблито. Он балует его как ребенка. Но так все разметила сила. Хенаро дает Паблито все, что он способен дать, и нельзя желать, чтобы он делал что-то еще. Нельзя критиковать вина за то, что он неуязвимо делает лучшее, что может.

Он минуту молчал.

Я был слишком нервен, чтобы сидеть в молчании.

— Что по твоему мнению происходило со мной, когда я ощущал, что меня засасывает вакуум? — спросил я.

— Ты летал, — сказал он как само собой разумеющееся.

— По воздуху?

— Нет, для нагваля нет ни земли, ни воздуха, и воды. С этим ты можешь согласиться сам. Дважды ты был в этом состоянии, а ты был только у двери нагваля. Ты мне сказал, что все, с чем ты встретился, нельзя нанести на карту. Поэтому нагваль скользит или летает или делает то, что он может делать во времени нагваля, которое не имеет ничего общего со временем тоналя. Эти две вещи не перехлестываются.

Пока дон Хуан говорил, я почувствовал дрожь в своем теле. Моя челюсть отвисла, и рот невольно раскрылся. Из ушей моих как бы вынули вату, и я мог слышать даже едва ощутимые оттенки вибрации. Пока я описывал свои ощущения дону Хуану, я заметил, что, когда я говорю, это звучит так, как если бы говорил кто-то еще. Это было сложным ощущением, проистекавшим из моего слуха, из того, что я слышал то, что я собираюсь сказать прежде, чем я говорил это.

Мое левое ухо было источником необычайных ощущений. Я чувствовал, что оно более сильно и более точно, чем мое правое ухо. Было в нем что-то, чего в нем не было раньше. Когда я повернулся, чтобы посмотреть на дона Хуана, который находился справа, я осознал, что у меня есть район ясного слухового восприятия вокруг этого уха. Это было физическое пространство. Сектор, в котором я мог слышать все с невероятной достоверностью. Поворачивая голову, я мог сканировать окружающее своим ухом.

— Шепот нагваля сделал это с тобой, — сказал дон Хуан, когда я описал ему свои ощущения. — временами это приходит и затем исчезает. Не бойся этого, а также любых других необычных ощущений, которые могут появиться с этого времени. Но превыше всего не индульгируй и не становись в тупик перед этими ощущениями. Я знаю, что ты добьешься успеха. Время для твоего расщепления было правильным. Сила установила все это. Теперь все зависит от тебя. Если ты достаточно силен, то ты выстоишь огромное потрясение от того, что ты был расщеплен. Но если ты не сможешь удержаться, то пропадешь. Ты начнешь сохнуть, терять вес, становиться бледным, рассеянным, раздражительным, застывшим.

— Может быть, если бы ты сказал мне это несколько лет назад, — сказал я, — что ты и дон Хенаро делаете, то у меня было достаточно...

Он поднял руку и не дал мне закончить.

— Это бессмысленное заявление, — сказал он. — ты когда-то говорил мне, что если бы не тот факт, что ты упрям и цепляешься за разумные объяснения, то ты был бы уже магом к этому времени. Но быть магом в твоем случае означает, что ты должен преодолеть упрямство и необходимость в разумных объяснениях, которые стоят на твоем пути. Более того, эти недостатки являются твоей дорогой к силе. Ты не можешь сказать, что сила потекла бы к тебе, если бы твоя жизнь была бы другой.

Хенаро и я должны действовать точно так же, как ты, в определенных границах. Сила ставит эти границы, и воин является, скажем, пленником силы. Пленником, у которого есть один свободный выбор. Действовать или как неуязвимый воин, или как осел. В конечном счете может быть воин и не пленник, а раб силы, потому что этот выбор уже не выбор для него. Хенаро не может действовать каким-либо другим образом, а только неуязвимо.

Действовать как осел для него будет равносильно смерти. Это вызовет его опустошение и конец.

Причина, по которой ты боишься Хенаро, состоит в том, что ты должен использовать проспект страха, чтобы сжимать твой тональ. Твое тело знает это, хотя твой разум может быть и не знает. Но поэтому твое тело и хочет каждый раз убежать, когда Хенаро поблизости.

Я заметил, что мне любопытно узнать, намеренно ли дон Хенаро взялся пугать меня он сказал, что нагваль делает странные вещи, которые нельзя предвидеть. Он привел в пример то, что случилось между нами в то утро, когда он не дал мне повернуться налево и посмотреть на дона Хенаро и на дерево. Он сказал, что осознавал то, что делал его нагваль. Хотя он никак не мог предвидеть этого заранее. Он объяснил все это событие так, что мой внезапный поворот налево был шагом к моей смерти, который мой тональ сделал намеренно, как рывок к самоубийству. Это движение выпустило его нагваль, и в результате какая-то часть его самого упала на меня.

Я сделал невольный жест замешательства.

— Твой разум опять говорит тебе, что ты бессмертен.

— Что ты этим хочешь сказать, дон Хуан?

— Бессмертное существо имеет все время в мире для сомнений, замешательства и страхов. Воин, с другой стороны, не может цепляться за значения, сделанные во владениях тоналя, потому что он знает как факт, что целостность самого себя имеет очень мало времени на земле.

Я хотел выдвинуть серьезный довод. Мои страхи, сомнения и замешательства находились не на сознательном уровне. И вне зависимости от того, как усердно я старался контролировать их каждый раз, когда я встречался с доном Хуаном и доном Хенаро, я ощущал себя беспомощным.

Воин не может быть беспомощным, — сказал он. — или в замешательстве, или испуганным ни при каких обстоятельствах. Воин имеет время только для своей неуязвимости. Все остальное вытягивает его силу. Неуязвимость восполняет ее.

— Мы опять возвращаемся к моему старому вопросу, дон Хуан. Что такое неуязвимость?

— Да, мы опять возвращаемся к твоему старому вопросу, и следовательно мы опять возвращаемся к моему старому ответу. Неуязвимость означает делать лучшее, что можешь во всем, во что ты вовлечен.

— Но, дон Хуан, я считаю, что я всегда делаю самое лучшее, что я могу, и очевидно, что это не так.

— Это не так сложно, каким ты заставляешь это казаться. Ключом ко всем этим делам неуязвимости является чувство того, имеешь ты время или ты не имеешь времени. Как правило большого пальца, когда ты чувствуешь и действуешь подобно бессмертному существу, в распоряжении которого все время н земле, ты не являешься неуязвимым. В это время ты должен повернуться, осмотреться вокруг, и тогда ты поймешь, что твое ощущение, будто у тебя есть время — идиотизм. Нет бессмертных на этой земле!

10. КРЫЛЬЯ ВОСПРИЯТИЯ

Весь день мы просидели с доном Хуаном в горах. Ушли мы на рассвете. Он провел меня по четырем местам силы и на каждом из них давал мне особую инструкцию относительно того, каким образом выполнить ту конкретную задачу, которую он наметил для меня несколько лет назад как жизненную ситуацию. Возвратились мы к концу дня. Поев, дон Хуан ушел из дома дона Хенаро. Он сказал, что следует подождать Паблито, который принесет керосин для лампы и что мне следует поговорить с ним.

Я полностью ушел в работу над своими заметками и не слышал, как пришел Паблито до тех пор, пока он не оказался рядом со мной. Паблито заметил, что он практиковал походку силы и из-за этого я, конечно, не слышал его и не мог услышать, разве что я могу видеть.

Мне всегда нравился Паблито. Однако в прошлом у меня было мало возможности побыть с ним наедине, хотя мы и были хорошими друзьями. Паблито всегда поражал меня, будучи очаровательнейшей личностью. Его имя было конечно Пабло, но уменьшительное Паблито подходило к нему лучше. Он был тонкокостным, но жилистым. Подобно дону Хенаро, он был поджарым, неожиданно мускулистым и сильным. Ему наверное было около 30-ти, но выглядел он так, как будто ему 18. Он был темным и среднего роста. Его коричневые глаза были чистыми и ясными, и также, как у дона Хенаро, на лице у него сияла покоряющая улыбка с дьявольским оттенком.

Я расспросил его о его друге Несторе, другом ученике дона Хенаро. В прошлом я всегда их видел вместе, и у меня всегда возникало впечатление, что они отлично понимают друг

друга даже без слов. Однако по внешнему виду и характерам они были противоположностями. В то время как Паблито был веселым и прямым, Нестор был мрачноватым и себе на уме. Он был также выше, тяжелее и темнее товарища.

Паблито сказал, что Нестор, наконец, привлекся к работе с доном Хенаро, и что он изменился совершенно в другую личность по сравнению с тем, что я видел в последний раз. Он не захотел углубляться дальше в разговоры о работе Нестора или перемене его личности и резко сменил тему разговора.

— Как я понимаю, нагваль кусает тебя за пятки, — сказал он.

Я был удивлен, что он это знает и спросил, как он об этом догадался.

— Хенаро говорит мне все, — сказал он.

Я заметил, что он не говорит о доне Хенаро в той же учтивой манере, как я. Он просто называл его фамильярно Хенаро. Он сказал, что дон Хенаро был ему как брат и что им очень легко друг с другом, как если бы они были одной семьи. Он открыто признался, что очень любит дона Хенаро. Я был глубоко тронут его простотой и непредвзятостью. Разговаривая с ним, я понял, насколько я не был близок по темпераменту дону Хенаро, поэтому наши взаимоотношения были формальными и строгими по сравнению с таковыми между доном Хенаро и Паблито.

Я спросил у Паблито, почему он боится дона Хуана. Его глаза сверкнули. Казалось, уже одна мысль о доне Хуане испугала его. Он не ответил. Казалось, он загадочным образом оценивает меня.

— Ты не боишься его? — спросил он.

Я сказал ему, что боюсь дона Хенаро, и он засмеялся, как будто меньше всего мог этого ожидать. Он сказал, что разница между доном Хенаро и доном Хуаном была подобна разнице между днем и ночью. Дон Хенаро был день, дон Хуан был ночь, и как таковой, он был самым пугающим существом на земле. Описание своего страха перед доном Хуаном заставило Паблито сделать некоторые замечания относительно своего собственного состояния, как ученика.

— Я в самом жалком состоянии, — сказал он. — если бы ты мог видеть, что делается в моем доме, то ты бы понял, что я знаю слишком много для обычного человека, но если бы ты увидел меня с нагвалем, то ты бы увидел, что я знаю недостаточно.

Он быстро сменил тему и стал смеяться над тем, что я делаю заметки. Он сказал, что дон Хенаро доставлял ему массу удовольствия, имитируя меня. Он сказал, что дону Хенаро я очень нравлюсь, несмотря на странности моей личности, и что он выразил это в том, что я являюсь его «протехидо».

Это был первый раз, когда я услышал такой термин. Он соответствовал другому термину, введенному доном Хуаном в начале нашей связи. Он сказал мне, что я являлся его «эскохидо» — избранный. Слово «протехидо» означает защищаемый.

Я спросил Паблито о его встрече с нагвалем, и он рассказал мне историю своей первой встречи с ним. Он сказал, что однажды дон Хуан дал ему корзину, которую он посчитал подарком доброй воли. Он повесил ее на крюк над дверью своей комнаты, и, поскольку он не мог придумать для нее никакого использования в то время, то весь день и не вспоминал о ней. Он сказал, что, по его мысли, корзина была даром силы и должна была быть использована для чего-нибудь особенного.

В начале вечера, который по словам Паблито, был и для него самым опасным часом, он вошел в комнату, чтобы надеть пиджак. Он был один дома и собирался идти в гости к другу. В комнате было темно. Он схватил пиджак и, когда уже подходил к двери, корзина упала перед ним и покатилась к его ногам. Паблито сказал, что он смехом прогнал свой испуг, как только увидел, что это просто корзина, которая упала с крючка. Он нагнулся, чтобы поднять ее, и вся его жизнь содрогнулась. Корзина отпрыгнула от него и начала трястись и визжать, как если бы кто-нибудь крутил ее и давил на нее. Паблито сказал, что из кухни в комнату попадало достаточно света, чтобы все кругом можно было хорошо различать. Мгновение он смотрел на корзину, хотя чувствовал, что этого делать не нужно. По корзине прошли конвульсии, как будто она тяжело дышала. Паблито утверждал, пересказывая свой опыт, что он действительно видел и слышал, как корзина дышала, и что она была живой и гонялась за ним по всей комнате, загораживая ему выход. Он сказал, что затем корзина начала расти, раздуваясь. Все кольца бамбука разошлись, и корзина превратилась в гигантский шар, подобно сухому кусту перекати-поля, который покатился к нему. Он упал назад на пол, а шар начал взбираться по его ногам. Паблито сказал, что к этому времени он уже был без ума и истерически визжал. Шар пригвоздил его и двигался по его ногам, как бы пронзая их иглами. Он попытался оттолкнуть его, и тогда заметил, что шар — это лицо дона Хуана с открытым ртом, готовым пожрать его. В этом месте он не смог выдержать ужаса и потерял сознание.

Паблито очень прямо и открыто пересказал мне серию устрашающих встреч, которые он и члены его семьи имели с нагвалем. Мы провели несколько часов, разговаривая. Оказалось, что он находится в таком же положении, как и я. Однако он был определенно более чувствительным, чем я, в обращении с терминологией магов.

В какой-то момент он поднялся и сказал, что он чувствует приближение дона Хуана и не хочет оказаться тут. Он исчез с невероятной скоростью. Казалось, что-то выбросило его из комнаты. Я не успел закончить «до свидания».

Вскоре пришли дон Хуан и дон Хенаро. Они смеялись.

— Паблито бежал по дороге, как душа, преследуемая дьяволом, — сказал дон Хуан.

— Интересно, почему?

— Я полагаю, он испугался, когда увидел как Карлитос срабатывает пальцы до костей, — ответил дон Хенаро, насмехаясь над моим писанием.

Он подошел ко мне поближе.

— Эй, у меня есть идея, — сказал он почти шепотом. — поскольку ты любишь так много писать, почему бы тебе не научиться писать твоим пальцем вместо карандаша? Вот это было бы да!

Дон Хуан и дон Хенаро сели у меня по бокам и смеялись, разговаривая о возможности писать пальцем. Дон Хуан серьезным тоном сделал странное замечание. Он сказал:

— Нет сомнения, что он может писать пальцем, но сможет ли он прочесть это?

Дон Хенаро согнулся от смеха и добавил:

— Я уверен, что он может прочесть все, что угодно.

А затем он начал рассказывать совершенно не связанную с предыдущим историю о деревенском простачке, который стал важным чиновником во время политического переворота. Дон Хенаро сказал, что герой его истории был полномочным министром или губернатором или даже президентом, потому что он не может сказать, что именно люди делают в своей глупости. Из-за этого назначения он поверил в то, что он действительно важное лицо и научился определенному действию.

Дон Хенаро сделал паузу и посмотрел на меня с видом драматического актера, переигрывающего свою роль. Он мигнул мне и сдвинул брови вверх и вниз. Он сказал, что герой его рассказа был очень хорош на публичных сборищах и мог выдать длинную речь без всяких затруднений, но что его положение требовало, чтобы он читал свои речи по бумажке. А этот человек был неграмотный. Поэтому он использовал свои мозги для того, чтобы перемудрить всех. У него был лист бумаги, на котором было что-то написано, и он размахивал им, когда говорил речь. И таким образом его эффективность и хорошие качества были несомненными для всех простачков страны. Но однажды грамотный иностранец проходил мимо и заметил, что герой читает свою речь, держа бумажку вверх ногами. Он засмеялся и всем указал на ложь. Дон Хенаро опять сделал паузу и посмотрел на меня, скашивая глаза и спрашивая: «ты думаешь, что герой попался? Нисколько. Он спокойно всех осмотрел и сказал: «вверх ногами? Но какое значение может иметь положение бумаги, если ты знаешь, как читать?» И все простачки с ним согласились.

И дон Хуан и дон Хенаро расхохотались. Дон Хенаро мягко похлопал меня по спине. Казалось, что я был героем его рассказа. Я почувствовал раздражение и нервно засмеялся. Я подумал, что может быть в этом есть скрытый смысл, но не посмел спросить.

Дон Хуан пододвинулся ко мне поближе. Он наклонился и прошептал мне на правое ухо: «тебе не кажется это забавным?» Дон Хенаро тоже наклонился и прошептал мне на левое ухо: «что он сказал?» У меня была автоматическая реакция на оба вопроса, и я сделал невольный синтез.

— Да, я полагаю, он сказал это забавно, — сказал я.

Они оба очевидно осознавали эффект своего маневра. Они смеялись, пока слезы не потекли у них по щекам. Дон Хенаро, как обычно, был более преувеличен в своих проявлениях, чем дон Хуан. Он упал на спину и отъехал на спине на несколько метров от меня. Затем он лег на живот, разбросав руки и ноги и стал крутиться на животе, как если бы он был стрелкой на иголочке. Он крутился до тех пор, пока не приблизился ко мне, и его нога не коснулась моей. Он рывком сел и по-овечьи улыбнулся.

Дон Хуан держался за бока. Он смеялся очень сильно и, казалось, что его живот заболел.

Через некоторое время они оба наклонились и стали шептать мне в уши. Я пытался запомнить последовательность того, что они говорили мне, но после бесплодной попытки я сдался. Там было слишком много всего.

Они шептали мне в уши до тех пор, пока у меня опять не возникло ощущение, что я расщеплен надвое. Я стал дымкой как предыдущим днем, желтым туманом, который ощущал все прямо. То-есть я мог «знать» вещи. Мысли здесь не участвовали. Была только уверенность. И когда я пришел в контакт с мягким губчатым пружинящим чувством, которое

было вне меня и в то же время было частью меня, я «знал», что это дерево. Я ощущал, что это дерево, по его аромату. Оно не пахло как какое-либо из тех конкретных деревьев, которые я мог вспомнить. Тем не менее что-то во мне «знало», что этот особый запах был «сущностью» дерева. У меня не было в точности чувства, что я знаю. Точно также мне не нужно было обсуждать свое знание или придавать ему признаки. Я просто знал, что тут есть что-то в контакте со мной, всюду вокруг меня. Дружественное, теплое, всеохватывающий запах, выходящий из чего-то, что не было ни твердым, ни жидким, но неопределенным чем-то еще, что как я знал, было деревом. Я чувствовал, что зная его таким образом, я касаюсь его сущности. Я не отталкивался этим. Оно скорее приглашало меня слиться с ним. Оно захлестывало меня или я захлестывал его. Между нами была связь, которая не была ни натянутой, ни неприятной.

Следующее ощущение, которое я мог вспомнить с ясностью — это была волна удивления и экзальтации. Все составляющее меня вибрировало, как если бы заряды электричества проходили сквозь меня. Они не были болезненными. Они были приятными, но в такой неопределенной форме, что не было никакого способа категоризировать это. Тем не менее, я знал, что то, с чем я нахожусь в контакте, было землей. Какая-то часть меня признавала с совершенной уверенностью, что это была земля. Но в тот же момент, как я попытался выделить бесконечность прямых восприятий, которые я имел, я потерял всякую способность дифференцировать свои восприятия.

Затем совершенно внезапно я стал опять самим собой. Я думал. Это был такой резкий переход, что мне показалось, будто я проснулся. Однако в том, что я ощущал, было что-то такое, что не было полностью мной. Я знал, что чего-то недостает уже прежде, чем открыл глаза. Я оглянулся. Я все еще был во сне или имел какое-то видение, но и имел необычайную ясность. Я сделал быструю оценку. У меня не было сомнений, что дон Хуан и дон Хенаро вызвали мое сноподобное состояние для какой-то специальной цели. Я, казалось, вот-вот пойму, чем эта цель является, но в этот момент что-то внешнее по отношению ко мне заставило меня уделить внимание окружающему. Мне понадобилось долгое время, чтобы сориентироваться. Я явно лежал на полу на животе, и то, на чем я лежал, было захватывающим полом. Пока я его рассматривал, я не мог преодолеть чувство испуга и удивления. Я не мог сообразить, из чего он сделан. Нерегулярные полосы какой-то неизвестной субстанции были уложены вместе, но не примыкали ни к полу, ни одна к другой. Они были эластичными и поддавались, когда я пытался раздвинуть их своими пальцами, но как только я расслабил пальцы, они сразу вернулись в свое первоначальное положение.

Я попытался встать и был охвачен совершенно невероятным расстройством органов чувств. Я не имел контроля над своим телом. Фактически, мое тело, казалось, не было моим. Оно было инертным. Я не имел связи ни с одной из его частей, и когда я попытался подняться, я не смог двинуть руками и беспомощно раскачивался на животе, перекатываясь на бок. Инерция моего вращения чуть не заставила меня опять перевернуться на живот. Мои вытянутые ноги и руки не дали мне перевернуться, и я остался лежать на спине. В этом положении я уловил две странно сложенные ноги и крайне нарушенные ступни из всех, которые я когда-либо видел. Это было мое тело! Я, казалось, был завернут в тунику. Мне пришла на ум мысль, что я испытываю сцену самого себя как калеки или инвалида какого-либо сорта. Я попытался согнуть спину и взглянуть на свои ноги, но смог только дернуться телом. Я смотрел прямо на желтое небо, глубокое ярко-лимонно-желтое небо. На нем были борозды или канавы более темного желтого тона и бесконечное количество протуберанцев, которые висели подобно каплям воды. Общий эффект этого невероятного неба был потрясающим. Я не мог определить были ли эти протуберанцы облаками. Там были также районы теней и районы других тонов желтого цвета, которые я обнаружил, двигая головой из стороны в сторону.

Затем еще что-то привлекло мое внимание. Солнце в самом зените желтого неба прямо над моей головой. Слабое солнце, судя по тому факту, что я мог смотреть прямо на него, которое отбрасывало спокойный однообразный беловатый свет. Прежде чем я успел поразмыслить над всеми этими неземными картинами, я был жестоко потрясен. Моя голова дернулась и закачалась взад-вперед. Я почувствовал, что меня поднимают. Я услышал резкий голос и смех и увидел перед собой потрясающее зрелище — гигантская босоногая женщина. Ее лицо было круглым и огромным. Ее волосы были расчесаны, как у мальчика. Ее руки и ноги были гигантскими. Она подняла меня и положила к себе на плечи, как если бы я был куклой. Мое тело вяло свесилось. Я смотрел вниз на ее сильную спину. На ее плечах и вниз по ее спине была сеть мелких волокон. Глядя вниз с ее плеча я опять увидел великолепный пол. Я мог слышать, как он эластично поддается под ее огромным весом и мог видеть следы, которые давление ее ног оставляло на нем.

Она положила меня на живот перед каким-то сооружением, своего рода зданием. Тут я заметил, что у меня что-то было не так с моим ощущением глубины. Я не мог определить размеров здания, глядя на него. То оно казалось до смешного маленьким, то, после того, как я настраивал свое восприятие, я поражался его монументальным пропорциям.

Гигантская девица уселась рядом со мной, и пол скрипнул. Я прикасался к ее огромному колену. Она пахла не то конфетами, не то земляникой. Она заговорила со мной, и я понял все, что она сказала. Указывая на сооружение, она сказала, что я тут буду жить.

Моя способность наблюдать, казалось, увеличилась, когда я преодолел первоначальное потрясение, оказавшись здесь. Я заметил тогда, что здание имеет четыре огромных никчемных колонны. Они ничто не поддерживали, они находились на крыше здания. Их форма была сама простота. Они были длинными и грациозными выступами, которые, казалось, достигали до этого пугающего, невероятно желтого неба. Эти перевернутые колонны казались мне самой красотой. Эстетическое чувство перехватило мне дыхание.

Колонны, казалось, были сделаны целиком, а не собраны. Я не мог понять, каким образом. Две колонны впереди соединялись тонкой перекладиной — монументально длинной полосой, которая, как я подумал, может служить каким-нибудь проходом или верандой, выходящей с фасада.

Гигантская девица заставила меня скользнуть на спине в это сооружение. Крыша было черной и плоской и покрыта симметричными дырками, которые пропускали сквозь себя желтоватый свет неба, образуя очень сложный рисунок. Я был действительно поражен совершенной красотой, которая была достигнута этими точками желтого неба, видными сквозь эти точные дырки в крыше, а также тем рисунком тени, который они создавали на великом сборном полу. Структура была квадратной, и помимо ее выдающейся красоты, все тут было непонятно мне.

Мое состояние экзальтации было таким интенсивным, что на мгновение мне захотелось заплакать или остаться здесь навсегда. Но какая-то сила или тяга, или что-то неодолимое начало тащить меня. Внезапно я оказался вне структуры, все еще лежа на спине. Гигантская девица была тут, но тут же с ней находилось и другое существо — женщина такая большая, что достигала неба, и головой была на одном уровне с солнцем. По сравнению с ней, гигантская девица была маленькой девочкой. Большая женщина была сердита. Она ухватила сооружение за одну из колонн, подняла его, перевернула и поставила на пол. Это был стул!

Это соображение явилось как бы катализатором. Оно выпустило какие-то захлестывающие другие восприятия. Я прошел через серию картин, которые были разъединены, но могли быть установлены в порядке. Последовательными вспышками я увидел или понял, что великолепный необъяснимый пол был соломенной циновкой, желтое небо — потолком комнаты, солнце — электрической лампочкой, а сооружение, которое так захватило меня было стулом, который ребенок перевернул вверх ногами, чтобы поиграть в домик.

Передо мной мелькнуло еще одно осмысленное и последовательное видение другого загадочного архитектурного сооружения монументальных пропорций. Оно стояло само по себе. Оно было похоже на раковину улитки, которая стоит вверх хвостом. Стены ее были сделаны из вогнутых плиток какого-то странного алого материала. Каждая плитка имела бороздки, которые казались более функциональными, чем просто для украшения.

Я рассмотрел сооружение пристально и детально и обнаружил, что оно было как и в случае с предыдущим совершенно необъяснимым. Я ждал, что внезапно настрою свое восприятие, чтобы раскрыть «истинную» природу сооружения. Но ничего подобного не произошло. Затем у меня последовал ряд перепутанных и необъяснимых «осознаний» или «находок» о здании и его функции, которые не имели смысла, поскольку я не имел рамок, с которыми их соотнести.

Внезапно я обрел свое обычное сознание. Дон Хуан и дон Хенаро были рядом со мной. Я был утомлен. Я взглянул на свои часы — их не было. Дон Хуан и дон Хенаро хихикнули хором. Дон Хуан сказал, что мне не следует беспокоиться о времени, и что я должен концентрировать свое внимание на том, чтобы следовать определенным рекомендациям, которые дон Хенаро мне дал. Я повернулся к дону Хенаро, и он пошутил. Он сказал, что самая важная рекомендация состояла в том, что мне следует научиться писать пальцем, чтобы сэкономить на карандашах и показать себя. Они еще некоторое время дразнили меня моими заметками, а затем я пошел спать.

Дон Хуан и дон Хенаро выслушали детали моего отчета о моем опыте, которые я изложил по просьбе дона Хуана после того как я проснулся на следующий день.

— Хенаро чувствует, что с тебя достаточно на этот раз, — сказал дон Хуан, когда я закончил свой рассказ.

Дон Хенаро отозвался кивком.

— Какое значение имело то, что я испытал прошлой ночью? — спросил я.

— Ты бросил взгляд на важнейший момент магии, — сказал дон Хуан. — прошлой ночью ты заглянул в целостность самого себя. Но это конечно бессмысленное заявление для тебя в настоящий момент. Прибытие в целостность самого себя очевидно не является делом собственного решения или согласия, или собственного желания учиться.

Хенаро считает, что твоему телу нужно время, чтобы шепот нагваля погрузился в него.

Дон Хенаро опять кивнул.

— Массу времени, — сказал он, качая головой вверх вниз. — двадцать или тридцать лет, может быть.

Я не знал, как реагировать. Я взглянул на дона Хуана, ища объяснения. Они оба смотрели серьезно.

— У меня действительно есть 20 или 30 лет? — спросил я.

— Конечно, нет! — закричал дон Хенаро, и они оба расхохотались.

Дон Хуан сказал, что мне следует вернуться как только мне это скажет мой внутренний голос, и что пока что я должен собрать все те внушения, которые они мне сделали, пока я был расщеплен.

— Как я могу это сделать? — спросил я. — Выключай свой внутренний диалог и позволяй чему-то в тебе вытекать и расширяться, — сказал дон Хуан. — это что-то — твое восприятие, но не пытайся разобраться, что я имею в виду. Просто позволь шепоту нагваля вести тебя.

Затем он сказал, что прошлой ночью у меня было два набора совершенно различных взглядов. Один был необъясним, другой был совершенно естественным, и последовательность, в которой они произошли, указывала на условие, свойственное всем нам.

— Один взгляд был нагваль, другой — тональ, — добавил дон Хенаро.

Я захотел, чтобы он объяснил свое заявление. Он посмотрел на меня и похлопал меня по спине.

Дон Хуан вмешался и сказал, что первые два взгляда были нагваль, и что дон Хенаро выбрал дерево и землю как точки ударения. Другие два были видами тоналя, которые он сам выбрал. Одно из них было моим восприятием мира как ребенка.

— Он казался тебе чужим миром, потому что твое восприятие еще не было отстругано настолько, чтобы входить в желаемые формы, — сказал он.

— Именно таким образом я видел действительно мир? — спросил я.

— Конечно, — сказал он, — это была твоя память.

Я спросил дона Хуана, было ли чувство эстетического восхищения, которое захватило меня, тоже частью моей памяти.

— Мы входим в эти точки зрения такими, как мы есть сегодня, — сказал он. — ты видел эти сцены так, как ты их видел бы сегодня, и однако же, упражнение было упражнением восприятия. Это было сценой времени, когда мир стал для тебя тем, что он есть сейчас. Временем, когда стул стал стулом.

Он не захотел обсуждать другую сцену.

— Это не было воспоминанием моего детства, — сказал я.

— Правильно, — сказал он. — это было что-то еще.

— Было ли это чем-то таким, что я увижу в будущем? — спросил я.

— Будущего нет, — воскликнул он отрывисто. — будущее — это только способ разговаривать. Для мага есть только здесь и сейчас.

Он сказал, что об этом, в сущности, нечего сказать, потому что целью упражнения было открыть крылья моего восприятия, и что, хотя я и не полетал на этих крыльях, я тем не менее, коснулся четырех точек, которых было бы немыслимо достичь с точки зрения обычного восприятия.

Я начал собирать вещи к отъезду. Дон Хенаро помогал мне упаковывать блокнот. Он положил его на дно моего саквояжа.

— Ему будет там тепло и удобно, — сказал он и подмигнул. — во всяком случае, ты можешь быть уверен, что он не простудится.

Затем дон Хуан, казалось, переменил свое намерение относительно моего отъезда и начал говорить о моем опыте. Я автоматически попытался схватить свой саквояж из рук дона Хенаро, но он уронил его на пол прежде, чем я к нему прикоснулся. Дон Хуан говорил, повернувшись ко мне спиной. Я расстегнул саквояж и стал поспешно рыться в поисках своего блокнота. Дон Хенаро действительно запаковал его так туго, что мне было страшно трудно добраться до него. Наконец, я вынул его и начал писать. Дон Хуан и дон Хенаро смотрели на меня.

— Ты в ужасной форме, — сказал дон Хуан, смеясь. — ты тянешься к своему блокноту, как пьяница тянется к бутылке.

— Как любящая мать тянется к своему дитяти, — бросил дон Хенаро.

— Как священник хватается за свое распятие, — добавил дон Хуан.

— Как женщина хватается за свои трусы, — закричал дон Хенаро.

Они продолжали и продолжали, приводя сравнения и завывая от смеха, пока провожали меня к машине.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ОБЪЯСНЕНИЕ МАГОВ

11. ТРИ СВИДЕТЕЛЯ НАГВАЛЯ

По возвращении домой я опять столкнулся с задачей приведения в порядок своих полевых записок. То, что дон Хенаро и дон Хуан заставили меня испытать, стало еще более явным, когда я просмотрел прошедшие события. Я заметил, однако, что моя обычная реакция, состоявшая в том, чтобы месяцами находиться в ошеломлении или испуге от того, сквозь что я прошел, не была столь интенсивной, какой она была в прошлом. Несколько раз я намеренно старался подключить сюда свои чувства, как я делал это раньше, спекулируя и даже жалея самого себя, но чего-то недоставало. У меня также было намерение записать ряд вопросов, чтобы задать их дону Хуану, дону Хенаро или даже Паблито. Проект отпал, прежде чем я за него принялся. Было во мне что-то, что препятствовало моему вхождению в настроение вопросов и сложностей.

Я не намеревался возвращаться назад самому к дону Хуану и дону Хенаро, но в то же время я и не укрывался от такой возможности. Однажды, однако, без всяких предвидений с моей стороны я просто почувствовал, что время их повидать.

В прошлом каждый раз, когда я собирался поехать в мексику, у меня всегда было ощущение, что я хочу задать дону Хуану тысячу важных и неотложных вопросов. На этот раз в голове у меня ничего не было. Обработав свои заметки, я как бы опустошил себя от прошлого и стал готов для «здесь и сейчас» мира дона Хуана и дона Хенаро.

Мне пришлось ждать лишь несколько часов, прежде чем дон Хуан «нашел» меня на базаре маленького городка центральной Мексики. Он очень тепло приветствовал меня и как бы невзначай сделал предложение.

Он сказал, что прежде, чем мы поедем к месту дона Хенаро, ему хотелось бы навестить учеников дона Хенаро — Паблито и Нестора. Когда я свернул с шоссе, он сказал, чтобы я пристально следил за любым необычным явлением или предметом у дороги или на самой дороге. Я попросил его дать более точные объяснения того, что он имеет в виду.

— Не могу, — сказал он. — нагваль не нуждается в точных объяснениях.

Я затормозил, как бы автоматически реагируя на его ответ. Он громко засмеялся и сделал мне знак движением руки, чтобы я продолжал ехать. Когда мы приблизились к городу, где жили Паблито и Нестор, дон Хуан сказал, чтобы я остановил машину. Он незаметно двинул подбородком и указал на группу среднего размера валунов с краю дороги.

— Там нагваль, — сказал он шепотом. Вокруг никого не было. Я ожидал увидеть дона Хенаро. Я посмотрел н валуны опять, а затем осмотрел весь участок вокруг них. В виду ничего не было.

Я напрягал глаза, чтобы различить хоть что-нибудь: маленькое животное, насекомое тень, странное образование камней — что-нибудь необычное. Через минуту я сдался и повернулся к дону Хуану. Он выдержал мой вопросительный взгляд не улыбаясь, а затем мягко толкнул мою руку тыльной стороной ладони, чтобы я опять взглянул на валуны. Я уставился на них. Потом дон Хуан вышел из машины и сказал, чтобы я вышел за ним и осмотрел их. Мы медленно поднялись по пологому склону около 100-150 метров до подножия скал. Там он остановился на секунду и прошептал мне на правое ухо, что нагваль ждет меня прямо на этом месте. Я сказал ему, что вне зависимости от того, как я пытаюсь, все, что я могу различить, так это камни, несколько пучков травы и кактус. Однако, он настаивал, что нагваль был тут, ожидая меня.

Он приказал мне сесть, выключить свой внутренний диалог и удерживать свои несфокусированные глаза на вершине булыжника. Он сел рядом со мной и приложив рот к моему правому уху прошептал, что нагваль видел меня, что он здесь, хотя я не могу его визуализировать, и что моя проблема состоит только в том, что я не способен полностью выключить свой внутренний диалог. Я слышал каждое слово, которое он говорил в состоянии полной тишины. Я понял все и тем не менее не мог ответить. Усилие, необходимое для того, чтобы думать и говорить, было невозможным. Моей реакцией на его замечания были не мысли в прямом смысле, но скорее законченные единицы ощущений, которые имели все оттенки значения, которые я обычно связывал с мышлением.

Он прошептал, что очень трудно самому по себе начать путь в направлении нагваля, и что я действительно был очень удачлив в том, что повстречался с бабочкой и ее песней. Он сказал, что вызвав в памяти зов бабочки, я могу вернуть ее назад, чтобы она мне помогла.

Его слова были то ли сверхсильным внушением, или может быть я вспомнил перцептивное явление, которое он называл «зов бабочки», потому что как только он прошептал мне свои слова, стали слышны необычные воркующие звуки. Богатство оттенков этого звука заставило меня чувствовать, что я нахожусь в огромной пустой зале. По мере того, как звук возрастал в громкости или приближении, я обнаружил также в сноподобном состоянии, что нечто движется на вершине валунов. Движение испугало меня так сильно, что я немедленно восстановил свое кристально чистое сознание. Мои глаза остановились на валунах. Наверху одного из них сидел дон Хенаро! Его ноги болтались, и пятками своих ботинок он стучал по камню, производя ритмический звук, который, казалось, был синхронизирован с «зовом бабочки». Он улыбнулся и помахал мне рукой. Я хотел думать разумно. У меня было чувство, желание осознать, каким образом он там обосновался или каким образом я его вижу там. Но я не мог привлечь свой разум совсем. Все, что я мог делать в данных обстоятельствах, это смотреть на него, как он сидит, улыбаясь и помахивая своей рукой.

Через секунду он, казалось, приготовился соскользнуть по валуну. Я увидел как он напряг ноги, подготовив ступни к приземлению на твердую землю и выгнул спину, пока не стал почти касаться поверхности камня, чтобы развить скользящую инерцию. Но посередине спуска его тело остановилось. Мне показалось, что оно примерзло. Он пару раз брякнул обеими ногами, как бы плавая в воде. Казалось, он пытается освободиться от чего-то, что поймало его за зад штанов. Он отчаянно тер свои ягодицы обеими руками. И действительно, он мне дал такое впечатление, что он схвачен очень болезненно. Я хотел бежать к нему и помочь, но дон Хуан схватил меня за руку. Я услышал, как он говорит мне, полузадохнувшись от смеха: «следи за ним, следи».

Дон Хенаро брыкался, извивался всем телом и раскачивался из стороны в сторону, как будто бы вытаскивая гвоздь. Затем я услышал громкий хлопок и он соскользнул или был брошен туда, где мы стояли с доном Хуаном. Он приземлился на ноги в четырех-пяти футах от меня. Он тер свои ягодицы и танцевал от боли, выкрикивая ругательства.

— Скала не хотела меня отпускать и схватила меня за жопу, — сказал он блеющим тоном.

Я испытал ощущение ни с чем не сравнимой радости. Я громко смеялся. Мое веселье, как я заметил, было равно моей ясности мысли. В этот момент я был схвачен общим чувством огромного осознания. Все вокруг меня было совершенно ясным. До этого я был сонным или рассеянным из-за своего внутреннего молчания, но затем что-то в внешнем виде дона Хенаро создало состояние, где все освещено.

Дон Хенаро продолжал тереть ягодицы и прыгать еще некоторое время. Затем он бросился к моей машине, открыл дверцу и забрался на заднее сиденье. Я автоматически повернулся, чтобы заговорить с доном Хуаном, но его нигде не было видно. Я начал громко звать его. Дон Хенаро вышел из машины, начал бегать вокруг нее кругами и тоже выкрикивать имя дона Хуана высоким отчаянным голосом. Только тогда, когда я увидел его, я сообразил, что он подражает мне. У меня был приступ такого интенсивного страха, когда я оказался один на один с доном Хенаро, что я совершенно бессознательно бежал вокруг машины, выкрикивая его имя.

Дон Хенаро сказал, что мы захватим Паблито и Нестора, и что дон Хуан будет ждать нас где-нибудь по пути.

После того, как я преодолел свой первоначальный испуг, я сказал ему, что рад его видеть. Он дразнил меня относительно моей реакции. Он сказал, что дон Хуан для меня не отец, а скорее мать. Он сделал несколько замечаний и шуток относительно «матерей», которые были крайне забавными. Я смеялся так сильно, что не заметил, как мы прибыли к дому Паблито. Дон Хенаро велел мне остановиться и вышел из машины. Паблито стоял у дверей своего дома. Он подбежал и забрался в машину рядом со мной на переднее сиденье.

— Поехали к дому Нестора, — сказал он, как если бы мы очень спешили. Я оглянулся посмотреть, где дон Хенаро, но его не было. Паблито уговаривал меня умоляющим голосом спешить.

Мы подъехали к дому Нестора. Он тоже ждал у дверей. Мы вышли из машины. У меня было такое ощущение, что они оба знают, что происходит.

— Куда мы едем? — спросил я.

— Разве Хенаро не сказал тебе? — спросил меня Паблито с оттенком недоверия.

Я заверил их, что ни дон Хуан, ни дон Хенаро ничего мне не говорили.

— Мы едем к месту силы, — сказал Паблито.

— Что мы собираемся там делать? — спросил я.

Они оба в один голос сказали, что не знают. Нестор добавил, что дон Хенаро велел ему проводить меня к этому месту.

— Ты едешь из дома дона Хуана? — спросил Паблито.

Я заметил, что я был с доном Хуаном и что мы нашли дона Хенаро по дороге, и что дон Хуан оставил меня с ним.

— Куда делся дон Хенаро? — спросил я Паблито.

Но Паблито не знал, о чем я говорю. Он не видел дона Хенаро в моей машине.

— Он ехал со мной до твоего дома, — сказал я.

— Я думаю, что у тебя в машине был нагваль, — сказал Нестор испуганным тоном.

Он не захотел сесть сзади и примостился вместе с Паблито спереди.

Мы ехали в молчании за исключением коротких команд Нестора относительно того, куда ехать.

Я хотел подумать о событиях этого утра, но каким-то образом я знал, что любая попытка объяснить их была бесплодным индульгированием с моей стороны. Я постарался вовлечь в разговор Нестора и Паблито. Они сказали, что они очень нервничают внутри машины и не могут говорить. Я довольствовался их ответом и не нажимал на них больше.

После более чем часовой езды мы оставили машину у дороги и забрались по склону крутой горы. Мы шли в молчании около часа с Нестором во главе, а затем остановились у основания огромного утеса, который вероятно был свыше шестидесяти метров высотой и почти совершенно вертикальный. Полуприкрытыми глазами Нестор сканировал, отыскивая подходящее место, чтобы сесть. Я болезненно осознавал, что он неуклюж в движениях сканирования. Паблито, который находился рядом со мной, несколько раз, казалось, был на грани того, чтобы выступить вперед и поправить его. Но удерживался и расслаблялся. Затем, после минутного колебания, Нестор выбрал место. Паблито вздохнул с облегчением. Я знал, что место, которое Нестор выбрал, было правильным, но я не мог понять, откуда я это знаю. Таким образом я вовлек себя в псевдопроблему, воображая, какое бы место я выбрал сам, если бы вел их. Однако я не смог даже начать спекулировать над этой процедурой, так как Паблито очевидно осознавал, что я делаю.

— Ты не можешь этого делать, — прошептал он мне.

Я засмеялся с раздражением, как если бы меня поймали на занятии чем-то неприличным. Паблито засмеялся и сказал, что дон Хенаро всегда ходил по горам с ними обоими и время от времени давал кому-нибудь из них вести, поэтому он знал, что нет никакого способа вообразить, каким был бы собственный выбор.

— Хенаро сказал, что причина, почему нет никакого способа так делать, состоит в том, что есть только плохой и хороший выборы, — сказал он. — если ты сделал неправильный выбор, твое тело знает это, и точно также знает это тело каждого другого. Но если ты сделал правильный выбор, то тело это знает и расслабляется и вообще забывает о том, что здесь был выбор. Ты перезарядил свое тело, видишь ли, как ружье для следующего выбора. Если ты хочешь использовать свое тело вновь, чтобы оно сделало тот же самый выбор, то оно не сработает.

Нестор посмотрел на меня. Он явно любопытствовал насчет моих заметок. Он утвердительно кивнул, как бы соглашаясь с Паблито, а затем в первый раз улыбнулся. Два его передних зуба были кривые. Паблито объяснил, что Нестор не был ни злым, ни мрачным, а стыдился своих зубов, и это была причина, по которой он никогда не улыбался. Нестор засмеялся, прикрывая свой рот. Я сказал ему, что могу послать его к дантисту, который выправит его зубы. Они решили, что мое предложение шутка, и засмеялись, как два ребенка.

— Хенаро говорит, что он должен преодолеть чувство стыда сам, — сказал Паблито. — кроме того Хенаро говорит, что ему повезло: в то время как все кусают одинаково, Нестор может расщеплять кости вдоль своими сильными кривыми зубами, и он может прокусить дырку в твоем пальце как гвоздем.

Нестор раскрыл рот и показал мне свои зубы. Левый резец и клык росли боком. Он заставил свои зубы постукивать и клацать и завыл по-собачьему. Он сделал смешных два-три выпада ко мне. Паблито смеялся.

Я никогда не видел Нестора таким легким. Те несколько раз, когда я бывал с ним в прошлом, он дал мне впечатление человека среднего возраста. Когда он сидел здесь, улыбаясь своими кривыми зубами, я поражался его молодому виду. Он выглядел как юноша, которому только что за двадцать.

Паблито опять прочел мои мысли в совершенстве.

— Он теряет важность самого себя, — сказал он. — вот почему он моложе.

Нестор утвердительно кивнул и не говоря ни слова очень громко пернул. Я испугался и уронил свой карандаш.

Паблито и Нестор чуть не умерли, смеясь. Когда они успокоились, Нестор подошел ко мне и показал мне самодельную игрушку, которая издавала особый звук, когда ее сдавливали рукой. Он объяснил, что дон Хенаро показал ему, как ее делать. Она имела маленькие меха, а вибратор изготовлялся из любого листика, который помещался в щелку между двумя кусочками дерева, которые были зажимами. Нестор сказал, что звук, который он производит, зависит от типа листа, который используют как вибратор. Он хотел, чтобы я испытал ее и показал мне как нажимать на компрессор, чтобы производить определенного типа звук и как открывать их, чтобы производить другой звук.

— Для чего ты это используешь? — спросил я.

Они оба обменялись взглядами.

— Это ловец духов, дурень, — сказал Паблито отрывисто.

Его тон был резким, но улыбка дружеской. Оба они имели в себе очень странную нервирующую смесь дона Хуана и дона Хенаро.

Я погрузился в страшную мысль. Может быть дон Хуан и дон Хенаро разыгрывают меня? Я испытал момент высшего ужаса. Но что-то щелкнуло у меня в животе, и я мгновенно опять стал спокоен. Я знал, что Паблито и Нестор используют дона Хенаро и дона Хуана как модели для поведения. Я также обнаружил, что веду себя все больше и больше подобно им.

Паблито сказал, что Нестору повезло в том, что тот имеет ловца духов и что сам он не имеет такого.

— Что мы будем здесь делать? — спросил я Паблито.

Нестор ответил, как если бы я обращался к нему.

— Хенаро сказал мне, что нам нужно здесь ждать, и что пока мы ждем, мы должны смеяться и развлекать друг друга, — сказал он.

— Как долго по твоему мнению нам придется ждать? — спросил я.

Он не ответил, он покачал головой и взглянул на Паблито, как бы спрашивая его.

— Представления не имею, — сказал Паблито.

Затем мы увлеклись живым разговором о сестрах Паблито. Нестор дразнил его, что его старшая сестра имеет такой злой взгляд, что способна глазами убивать клопов. Он сказал, что Паблито боится ее, потому что она так сильна, что однажды в порыве злости она вырвала клок его волос, как если бы это были куриные перья.

Паблито заключил, что его старшая сестра была зверем, но что нагваль остановил ее и привел в норму. После того, как он рассказал мне историю о том, как ее заставили вести себя хорошо, я сообразил, что Паблито и Нестор ни разу не упомянули имя дона Хуана, а обращались к нему как к «нагвалю». Очевидно дон Хуан вмешался в жизнь Паблито и привел всех его сестер к гармоничной жизни. Паблито сказал, что после того, как нагваль закончил все с ними, они стали как святые.

Нестор захотел узнать, что я делаю со своими заметками. Я объяснил ему свою работу. У меня было странное ощущение, что они искренне заинтересованы в том, что я говорю, и в конце концов я начал говорить об антропологии и философии. Я чувствовал себя смешным и хотел остановиться. Но оказался погруженным в свои просветленные речи и неспособным сразу оборвать их. У меня было неприятное ощущение, что они оба вместе каким-то образом заставляют меня делать эти длинные объяснения. Их глаза были фиксированы на мне. Казалось, их это не утомляло и не раздражало.

Я находился посреди фразы, когда услышал слабый звук «зова бабочки». Мое тело напряглось, и я так и не окончил своего предложения.

— Нагваль здесь, — сказал я автоматически. Нестор и Паблито обменялись взглядами, которые по моему мнению были чистым ужасом и прыгнули ко мне по бокам. Их рты были раскрыты, они казались испуганными детьми.

Затем я испытал невообразимое ощущение. Мое левое ухо начало двигаться. Я чувствовал как будто оно крутится само по себе. Оно практически повернуло мою голову на полоборота до тех пор, пока я не оказался лицом к тому, что я считал востоком. Моя голова дернулась слегка вправо. В этой позе я был способен замечать богатство рокочущего звука «зова бабочки». Он звучал, как если бы был где-то далеко, доносясь с северо-востока. Как только я установил его направление, мое ухо уловило невероятное количество звуков, однако я не мог знать, были ли это воспоминания звуков, которые я слышал ранее, или действительные звуки, которые производились тогда.

Место, где мы находились, было пересеченным западным склоном горного хребта. К северо-востоку были рощи деревьев и пятна горного кустарника. Мое ухо, казалось, улавливало звук чего-то тяжелого, движущегося по камням и идущего с того направления. Нестор и Паблито то ли реагировали на мои действия, то ли они сами слышали такие же звуки. Мне хотелось бы спросить их, но я не смел, или может быть я был не способен нарушить концентрацию.

Нестор и Паблито прижались ко мне по бокам, когда звук стал громче и громче. На Нестора, казалось, он влиял больше всего. Его тело непроизвольно дрожало. В какой-то момент моя левая рука начала дрожать. Она поднялась помимо моей воли до тех пор, пока не оказалась на уровне моего лица, а затем она указала на район кустов. Я услышал вибрирующий звук или рев. Для меня это был знакомый звук. Я слышал его много лет назад под воздействием психотропного растения. В кустах я различил гигантскую черную форму. Казалось, сами кусты становились темнее постепенно, пока они не превратились в совершенную черноту. Эта чернота не имела определенных очертаний, но она двигалась. Она, казалось, дышала. Я услышал потрясающий вопль, который смешался с криками ужаса Паблито и Нестора, и кусты или черная форма, в которую они превратились, полетела прямо на нас.

Я не мог удержать своего равновесия. Каким-то образом что-то во мне сдало. Темная форма сначала накрыла нас, а затем поглотила нас. Свет вокруг стал тусклым. Казалось, солнце село, или как если бы вдруг внезапно наступили сумерки. Я чувствовал головы Нестора и Паблито у себя под мышками. Я опустил руки на их головы несознательным защищающим движением и, вертясь, полетел на землю.

Однако я не достиг каменистой земли, потому что мгновение спустя я оказался стоящим с Паблито и Нестором по бокам. Оба они, казалось, сжались, несмотря на то, что были выше меня. Согнув ноги и спины так, что подходили мне под мышки.

Дон Хуан и дон Хенаро стояли перед нами. Глаза дона Хенаро блестели как глаза кошки ночью. Глаза дона Хуана светились точно так же. Я никогда не видел, чтобы дон Хуан выглядел таким образом. Он был действительно устрашающим. Еще более пугающим, чем дон Хенаро. Он казался моложе и сильнее, чем обычно.

Глядя на них, я испытал безумное чувство, что они не были людьми как я. Паблито и Нестор тихо скулили. Тогда дон Хенаро сказал, что мы представляем собой картину святой троицы. Я был отец, Паблито — сын, а Нестор — дух святой. Дон Хуан и дон Хенаро рассмеялись грохочущими голосами. Паблито и Нестор жалко улыбнулись.

Дон Хенаро сказал, что мы должны разорвать свои объятия, потому что объятия позволительны только между мужчинами и женщинами или между мужчиной и его осликом.

Тут я сообразил, что стою на том же месте, где был раньше, что я очевидно не падал назад, как мне казалось. И действительно, Нестор и Паблито тоже были на том же месте, где раньше.

Дон Хенаро сделал знак Паблито и Нестору движением головы, дон Хуан дал знак мне следовать за ним. Нестор пошел впереди и указал место, где сидеть мне, а другое — для Паблито. Мы сели по прямой линии примерно в ста метрах от того места, где неподвижно стояли дон Хуан и дон Хенаро у подножия утеса. Пока я продолжал на них смотреть, мои глаза невольно вышли из фокуса. Я определенно знал, что раскосил их, потому что увидел их четверых. Затем картина дона Хуана в левом глазу наложилась на картину дона Хенаро в правом глазу. Результатом такого смещения было то, что я увидел радужное светящееся существо, стоящее между доном Хуаном и доном Хенаро. Это не был человек, каким я обычно видел людей. Скорее это был шар белого огня. Что-то вроде волокон света покрывало его. Я встряхнул головой. Двойное изображение рассеялось, и все же вид дона Хуана и дона Хенаро, как светящихся существ, остался. Я видел два странных удлиненных светящихся предмета. Они походили на два белых радужных футбольных мяча с нитями, которые имели свой собственный свет. Встряхнулись их нити, а затем они исчезли из виду. Они были втянуты наверх длинной нитью-паутиной, которая, казалось, вылетела с вершины утеса. У меня было такое ощущение, что длинный луч свете или светящаяся нить упала со скалы и подняла их. Я воспринял событие и своими глазами и своим телом.

Я смог также заметить огромные расхождения в своем образе восприятия. Но я был не способен рассуждать об этом, как я бы сделал обычно. Таким образом я осознавал, что смотрю прямо на основание утеса и в то же время и видел дона Хуана и дона Хенаро на вершине, как если бы задрал голову на 45 градусов.

Я хотел испугаться, закрыть лицо руками, но, казалось, что я был заперт. Мои желания не могли пробудить эмоциональный ответ, который я привык возводить в себе.

Дон Хуан и дон Хенаро прыгнули на землю. Я чувствовал, что они это сделали, судя по всепоглощающему чувству падения, которое я испытал в своем животе.

Дон Хенаро остался на том месте, где он приземлился, но дон Хуан подошел к нам и сел позади меня справа. Нестор находился в скорчившемся положении. Его ноги были подтянуты к животу, подбородок он положил на сцепленные ладони. Его локти служили как поддержки, опираясь о колени. Паблито сидел, слегка наклонившись телом вперед, прижав руки к животу. Тут я заметил, что прижал руки к животу и держу сам себя за кожу по бокам. Я схватил себя так сильно, что мои бока болели.

Дон Хуан заговорил сухим шепотом, обращаясь ко всем нам.

— Вы должны фиксировать свой взгляд на нагвале, — сказал он. — все

Он повторил это пять или шесть раз. Его голос был странным, неизвестным мне. Он давал мне действительное ощущение чешуек на коже ящерицы. Это сходство было чувством, а не сознательной мыслью. Каждое его слово отделялось как чешуйка. И в словах был какой-то волшебный ритм. Они были приглушенными и сухими как тихое покашливание. Ритмичный шепот превращался в команду.

Дон Хуан стоял неподвижно. Когда я смотрел на него, я не смог воспрепятствовать превращению изображения, и мои глаза невольно скосились. В этом состоянии я опять заметил странное свечение в теле дона Хенаро. Мои глаза начали закрываться или разрываться. Дон Хуан пришел мне на помощь. Я услышал, как он дает мне команду не скашивать глаза. Я почувствовал мягкий удар по голове. Очевидно он бросил в меня галькой. Я увидел как камешек качнулся пару раз на скале около меня. Точно также он должно быть стукнул Нестора и Паблито. Я слышал звук двух других галек, упавших на траву. Дон Хенаро принял странную танцевальную позу. Его колени были подогнуты, руки были расставлены по бокам; пальцы растопырены. Казалось, он собирается вертеться. Действительно, он крутнулся вокруг себя, а затем поднялся вверх. У меня было ясное восприятие, что он был скреплен с нитью гигантской гусеницы, и эта нить подняла его тело на самую вершину утеса. Мое восприятие, движения вверх было сложнейшей смесью зрительных и телесных ощущений. Я наполовину видел, наполовину чувствовал его полет на скалу. Было что-то, что выглядело или ощущалось подобно линии или почти незаметной линии света, которая тащила его. Я не видел его полета вверх в том смысле, в каком я наблюдал бы глазами за полетом птицы. В его движении не было линейной последовательности. Мне не нужно было поднимать голову, чтобы удерживать его в поле своего зрения. Я увидел, как нить поднимает его. Затем я ощутил его движение в своем теле или своим телом, и в следующее мгновение он был на самой вершине утеса в сотнях футов от земли. Через несколько минут он спикировал вниз. Я чувствовал его падение и невольно застонал.

Дон Хенаро повторил свое действие три-четыре раза. С каждым разом мое восприятие настраивалось. Во время его последнего прыжка вверх я действительно мог различить серию линий, выходящих из средней части его тела. И я знал, когда он собирается подняться или опуститься, судя по тому, как двигались линии его тела. Когда он собирался прыгнуть вверх, линии изгибались вверх. Противоположное происходило, когда он собирался прыгнуть вниз. Линии изгибались наружу и вниз.

После своего четвертого прыжка дон Хенаро подошел к нам и уселся позади Паблито и Нестора. Затем дон Хуан вышел вперед и остановился там, где был дон Хенаро. Некоторое время он стоял неподвижно. Дон Хенаро дал несколько коротких наставлений Паблито и Нестору. Я не понял, что он сказал. Я взглянул на них и увидел, что он заставил каждого из них взять камень и приложить его к району своего пупка. Я не знал, нужно ли мне делать это тоже, когда он сказал мне, что это предупреждение ко мне не относится, но тем не менее, мне следует приготовить камень, чтобы я смог его схватить, если я почувствую себя плохо. Дон Хенаро выставил подбородок вперед, чтобы показать, что я должен смотреть на дона Хуана. Затем он сказал что-то неразборчивое. Он опять повторил это, и, хотя я не понял его слов, я понял, что это примерно та же самая формула, которую говорил дон Хуан. Слова действительно не имели значения. Значение имели ритм, сухость тона, покашливающий характер фразы. У меня была убежденность, что какой бы там язык дон Хенаро не использовал, но он был более подходящим, чем испанский, из-за отрывистого ритма.

Дон Хуан делал все так же, как вначале дон Хенаро, но затем, вместо того, чтобы прыгнуть вверх, он стал вращаться как гимнаст. Полуосознано я ожидал, что он опять приземлится на ноги, но он этого не сделал. Его тело оставалось раскачивающимся в нескольких футах над землей. Вначале круги были очень быстрыми, затем они замедлились. С того места, где я находился, я мог видеть, что тело дона Хуана висит, подобно телу дона Хенаро, на нитевидном свете. Он медленно вращался, как бы давая нам хорошенько рассмотреть его. Затем он начал подъем. Он набирал высоту до тех пор, пока не достиг вершины утеса. Дон Хуан действительно парил, как если бы не имел веса. Его повороты были медленными и напоминали движения космонавта, вращающегося в космосе в состоянии невесомости.

Пока я следил за ним, у меня закружилась голова. Это мое чувство, казалось подхлестнуло его, и он начал кружить на большой скорости. Он отлетел от утеса, и когда он набрал скорость, я почувствовал себя совершенно нехорошо. Я схватил камень и прижал его к животу. Я вжимал его в свое тело так сильно, как только мог. Его прикосновение чуточку

улучшило мое состояние. Действие взятия камня и удерживания его у своего тела дало мне секундный перерыв, хотя я не отводил глаз от дона Хуана, тем не менее я нарушил свою концентрацию. Перед тем как я потянулся за камнем, я чувствовал, что скорость, которую набрало его парящее тело, делала неясным его очертания. Он был похож на вращающийся диск, а затем на кружащийся огонь. После того, как я прижал камень к своему телу, его скорость уменьшилась. Он походил на шляпу, порхающую в воздухе, на воздушного змея, ныряющего вверх и вниз.

Движения воздушного змея были особенно беспокоящими. Мне стало неконтролируемо плохо. Я услышал, как птица захлопала крыльями, и после секундной неуверенности я понял, что событие закончилось.

Я чувствовал себя так плохо, таким усталым, что лег спать. Должно быть я какое-то время вздремнул. Я открыл глаза, потому что кто-то тряс меня за руку. Это был Паблито. Он заговорил со мной отчаянным голосом и сказал, что я не могу засыпать, потому что, если я это сделаю, то мы все погибнем. Он настаивал на том, чтобы мы сейчас же покинули это место, даже если нам придется тащиться на четвереньках. Он тоже казался измученным физически. У меня в действительности была мысль, что мы должны провести ночь здесь. Перспектива идти к моей машине в темноте казалась мне ужаснейшей. Я попытался убеждать Паблито, который пришел от этого в еще большее отчаяние. Нестору было так плохо, что он был ко всему безразличен.

Паблито сел в состоянии полного отчаяния. Я сделал попытку организовать свои мысли. К этому времени было уже совсем темно, хотя света было еще достаточно,

Тишина была полной и успокаивающей. Я наслаждался полностью моментом, когда внезапно мое тело подскочило. Я услышал отдаленный звук сломанной ветки. Автоматически я повернулся к Паблито. Казалось, он знал, что со мной произошло. Мы подхватили Нестора под мышки и практически подняли его. Мы бежали и волокли его. Он явно был единственным, кто знал дорогу. Время от времени он давал нам короткие команды. Я не ощущал того, что мы делаем. Мое внимание было сконцентрировано на моем левом ухе, которое казалось единицей, независимой от всего остального меня. Какое-то чувство во мне заставило меня часто останавливаться и сканировать окружающее своим ухом. Я знал, что нас что-то преследует. Это было что-то массивное. Приближаясь, оно дробило мелкие камни.

Нестор в какой-то мере обрел контроль над собой и шел сам, иногда держась за руку Паблито. Мы дошли до группы деревьев. К этому времени было совершенно темно. Я услышал резкий и исключительно громкий ломающий звук. Как будто щелкнул гигантский бич, обрушившись на вершины деревьев. Я почувствовал что-то вроде какой-то волны, разрывающей все над головой. Паблито и Нестор взвизгнули и помчались прочь на полной скорости. Я хотел остановить их. Я не был уверен, что смогу бежать в темноте. Но в тот же момент я услышал и ощутил серию тяжелых выдохов справа от меня. Мой испуг был неописуемым. Мы все втроем побежали и достигли машины. Нестор вел нас каким-то неизвестным путем.

Я думал, что оставлю их в их домах и затем вернусь в свою гостиницу в городе. Я бы не поехал к дому дона Хенаро ни за что на свете. Но Нестор не хотел вылезать из машины, не хотел Паблито и не хотел я. Кончилось тем, что мы остановились у дома Паблито. Он послал Нестора купить пива и содовой воды в то время как его мать и сестры готовили нам еду. Нестор пошутил и спросил, не сможет ли его сопровождать старшая сестра на случай, если на него нападут собаки или пьяницы. Паблито засмеялся и сказал мне, что Нестор был ему доверен.

— Кем он был тебе доверен? — спросил я.

— Силой, конечно, — ответил он. — одно время Нестор был старше меня, но Хенаро с ним что-то сделал, и теперь он намного моложе. Ты заметил это, не так ли?

— Что сделал дон Хенаро? — спросил я.

— Ты знаешь, он опять сделал его ребенком. Он был слишком важен и тяжел. Он бы умер, если бы не стал опять молодым.

Что-то было действительно милое и приятное в Паблито. Простота его объяснения поразила меня. Нестор был действительно моложе. Он не только выглядел моложе, но он и действовал как наивный ребенок. Я знал без всякой тени сомнения, что он искренне чувствует себя таким.

— Я забочусь о нем, — продолжал Паблито. Хенаро сказал, что почетно заботиться о воине. Нестор — прекрасный воин.

Его глаза сияли, как у дона Хенаро. Он энергично похлопал меня по спине и засмеялся.

— Пожелай ему всего хорошего, Карлитос, — сказал он. — пожелай ему всего хорошего.

Я очень устал. Я ощущал странный прилив счастливой печали. Я сказал ему, что прибыл из такого места, где люди редко, если вообще когда-либо желают друг другу хорошего.

— Я знаю, — сказал он. — такая же вещь произошла и со мной. Но сейчас я воин, и я могу позволить себе желать ему хорошего.

12. СТРАТЕГИЯ МАГА

Дон Хуан находился в доме дона Хенаро, когда я добрался туда поздним утром. Я приветствовал его.

— Эй, что с тобой произошло? Мы с Хенаро ждали вас всех всю ночь, — сказал он.

Я знал, что он шутит. Я чувствовал себя легко и счастливо. Я систематически отказывался размышлять о чем бы то ни было из того, чему я был свидетелем вчера. Однако в этот момент мое любопытство было неуправляемым, и я спросил его об этом.

— О, это было простой демонстрацией всего того, что ты должен знать, прежде чем получишь объяснение магов, — сказал он. — то, что ты сделал вчера, заставило Хенаро почувствовать, что ты скопил достаточно силы, чтобы взяться за действительную вещь. Очевидно ты последовал его рекомендациям. Вчера ты дал крыльям своего восприятия развернуться. Ты был застывшим, но ты воспринял все приходы и уходы нагваля. Другими словами, ты «видел». Ты также закрепил нечто такое, что в данный момент даже более важно, чем видение, и это тот факт, что ты можешь удерживать непоколебимое внимание на нагвале. А именно это решит исход последнего момента объяснения магов.

Паблито и ты пройдете сквозь него в одно и то же время. Находиться в сопровождении такого прекрасного воина — это подарок силы.

Казалось, это все, что он хочет сказать. Через некоторое время я спросил о доне Хенаро.

— Он поблизости, — сказал он. — он пошел в кусты, чтобы потрясти горы.

В этот момент я услышал отдаленный грохот, как бы приглушенный гром. Дон Хуан посмотрел на меня и засмеялся.

Он усадил меня и спросил, ел ли я. Я уже поел, поэтому он вручил мне мой блокнот и отвел к любимому месту дона Хенаро, к большому камню с западной стороны дома, с которого открывался вид на глубокий овраг.

— Сейчас пришел такой момент, когда мне необходимо твое полное внимание, — сказал дон Хуан. — внимание в том смысле, в каком воины понимают внимание. Настоящая пауза для того, чтобы позволить объяснению магов полностью впитаться в тебя. Мы находимся в конце своей задачи. Все необходимые инструкции были тебе даны, и сейчас ты должен остановиться, оглянуться назад и пересмотреть свои шаги. Маги говорят, что это единственный способ утвердить свои достижения. Я определенно предпочел бы рассказать тебе все это на твоем собственном месте силы, но Хенаро может оказаться для тебя более благоприятным.

То, о чем он говорил, как о моем «месте силы», было вершиной холма в пустыне северной Мексики, который он несколько лет назад показал мне и отдал мне как мой собственный.

— Должен ли я в таком случае слушать, не записывая? — спросил я.

— Это действительно хитрый маневр, — сказал он. — с одной стороны мне необходимо твое полное внимание, а с другой — тебе необходимо быть спокойным и уверенным в себе. Единственный способ чувствовать легко, который у тебя есть — это писать. Поэтому пришло время собрать всю твою личную силу и выполнить эту непосильную задачу: быть самим собой, не будучи самим собой.

Он хлопнул себя по ляжкам и засмеялся.

— Я уже говорил тебе, что я ответственен за твой тональ, и что дон Хенаро ответственен за твой нагваль, — продолжал он. — моим долгом было помогать тебе во всем, что относится к твоему тоналю. И все, что я делал с тобой или для тебя, делалось для выполнения одной единственной задачи — задачи чистки и приведения в порядок твоего острова тоналя. Это моя работа как твоего учителя. Задачей Хенаро, как твоего бенефактора, является дать тебе бесспорные демонстрации нагваля и показать, как в него входить.

— Что ты имеешь в виду под чисткой и приведением в порядок острова тоналя? — Спросил я.

— Я имею в виду полное изменение, о котором я говорил тебе с первого дня нашей встречи, — сказал он. — я много раз говорил тебе о той абсолютной перемене, которая нам нужна, если мы хотим добиться успеха на пути к знанию. Эта перемена не является переменой настроения или отношения, или взглядов. В эту перемену входит трансформация острова тоналя. Ты выполнил эту задачу.

— Ты думаешь, что я изменился? — спросил я.

Он поколебался и затем громко рассмеялся.

— Ты такой же идиот, как всегда, — сказал он. — и все же ты не тот же самый. Понимаешь, что я имею в виду?

Он засмеялся над моим записыванием и пожалел, что нет дона Хенаро, который бы порадовался абсурдности того, что я записываю объяснение магов.

В этой конкретной точке учитель обычно говорит своему ученику, что они прибыли на последний перекресток, — продолжал он. — говорить подобную вещь, однако, значит вводить в заблуждение. По моему мнению, нет никакого последнего перекрестка и никакого последнего шага к чему-либо. А поскольку нет никакого последнего шага к чему бы то ни было, то не должно быть и никакого секрета относительно любого момента нашей судьбы как светящихся существ. Личная сила решает, кто может, а кто не может получить выгоду от обновления. Мой опыт с окружающими людьми показывает мне, что очень мало из них захотят слушать. А из тех немногих, которые захотят слушать, еще меньше захотят действовать в соответствии тому, что они услышали. А из тех немногих, кто хочет действовать, еще меньше имеет достаточно личной силы, чтобы получить пользу от своих действий. Поэтому вся эта секретность об объяснении магов выкипает до рутины. Вероятно такой же пустой рутины, как и любая другая.

— Во всяком случае ты знаешь теперь о тонале и нагвале, которые являются вершиной объяснения магов. Узнать о них кажется совершенно безвредным. Мы сидим здесь, невинно разговаривая о них, как если бы это была просто обычная тема разговора. Ты спокойно записываешь, как ты это делал много лет. Пейзаж вокруг нас — картина спокойствия. Сейчас начало дня, день прекрасен, горы вокруг нас создают нам защитный кокон, но нужно быть магом, чтобы понять.

Которое говорит о силе Хенаро и его неуязвимости является самым подходящим фоном для открытия двери, потому что именно это я делаю сегодня — открываю для тебя дверь. Но прежде чем мы переступим эту черту, необходимо честное предупреждение. Предполагается, что учитель должен убежденными словами предупредить своего ученика, что безвредность и спокойствие этого момента — мираж. Что перед ним находится бездонная бездна и что если дверь открыта, то нет никакого способа закрыть ее вновь.

Он на мгновение замолчал. Я чувствовал себя легко и счастливо. С места расположения дона Хенаро передо мной открывался захватывающий дух вид. Дон Хуан был прав, и день, и пейзаж были более, чем прекрасными. Я хотел стать озабоченным его предупреждениями и увещеваниями, но каким-то образом спокойствие вокруг меня оттесняло все мои попытки, и я стал надеяться, что он говорит только о метафорических опасностях.

Внезапно дон Хуан начал говорить опять.

— Годы тяжелого учения только подготовка к опустошительной встрече воина с...

Он опять сделал паузу и взглянул на меня, скосив глаза и усмехнувшись.

—...С тем, что лежит там, за этой чертой, — сказал он.

Я попросил его объяснить, что он имеет в виду.

— Объяснение магов, которое совсем не похоже на объяснение, является летальным, — сказал он. — оно кажется безвредным и очаровательным, но как только воин откроется ему, оно наносит удар, который никто не сможет отразить.

Он громко рассмеялся.

— Поэтому будь готов к худшему, но не торопись и не паникуй, — продолжал он.

— У тебя совсем нет времени и в то же время ты окружен вечностью. Что за парадокс для твоего разума!

Дон Хуан поднялся. Он вытер пыль и мусор с гладкого чашеподобного углубления и очень удобно уселся спиной к камню и лицом к северо-западу. Он показал мне другое место, где я мог удобно сесть. Я был слева от него тоже лицом к северо-западу. Камень был теплый и давал мне ощущение спокойствия и защищенности. День был теплым. Мягкий ветер делал жару полуденного солнца более приятной. Я снял шляпу, но дон Хуан настоял, чтобы я надел ее.

— Сейчас ты обращен лицом в сторону собственного места силы, — сказал он. — это момент, который может защитить тебя. Сегодня тебе нужны все зацепки, которые ты сможешь использовать. Твоя шляпа может быть одной из них.

— Почему ты предупреждаешь меня? Что действительно произойдет? — спросил я.

— Что произойдет сегодня, будет зависеть от того, достаточно ли у тебя личной силы, чтобы сконцентрировать свое непоколебимое внимание на крыльях своего восприятия, — сказал он.

Его глаза блеснули. Он казался более возбужденным, чем я его видел когда-либо раньше. Я подумал, что в его голосе есть что-то необычное. Может быть, непривычная нервозность.

Он сказал, что случай требует, чтобы прямо здесь, на месте расположения моего бенефактора, он пересказал мне каждый шаг, который он предпринял в своей борьбе за то, чтобы очистить и привести в порядок мой остров тональ. Его пересказ был подробным и занял у него пять часов. Блестящим и ясным образом он дал мне детальный отчет обо всем,

что он делал со мной со времени нашей первой встречи. Казалось, была разрушена плотина. Его откровение застало меня совершенно врасплох. Я привык быть агрессивным исследователем, и поэтому то, что дон Хуан, который всегда был отвечающей стороной, освещал все точки своего учения в такой академической манере, было также поразительно, как то, что он носил костюм в городе мехико. Его владение языком, его драматические паузы и его выбор были так необычайны, что я не мог их разумно объяснить. Он сказал, что в этот момент учитель должен говорить с индивидуальным воином в определенных терминах. Что тот способ, как он со мной говорит, и ясность его объяснения, были частью его последнего трюка. И что только в конце все, что он делал со мной, приобрело бы для меня смысл. Он говорил не останавливаясь, пока не закончил весь свой пересказ, и я записал все без всяких усилий со своей стороны.

— Позволь мне начать с того, что учитель никогда не ищет учеников. И что никто не может распространять учение, — сказал он. — только знак всегда указывает на ученика. Тот воин, который может оказаться в положении учителя, должен быть алертным для того, чтобы схватить свой кубический сантиметр шанса. Я видел тебя как раз перед тем, как мы встретились. У тебя был хороший тональ, как у той девушки, которую мы встретили в городе мехико. После того, как я увидел тебя, я подождал, точно так же, как мы сделали с той девушкой той ночью в парке. Девушка прошла мимо, не обратив на нас внимания. Но тебя подвел ко мне человек, который убежал, пробормотав какие-то бессвязности. Я знал, что должен действовать быстро и зацепить тебя. Тебе самому пришлось бы делать что-либо подобное, если бы та девушка заговорила с тобой. То, что я сделал, так это что я схватил тебя своей волей.

Дон Хуан обращался к тому необычному способу, каким он взглянул на меня в день нашей встречи. Он фиксировал на мне свой взгляд, и у меня было необъяснимое ощущение пустоты или онемелости. Я не мог найти никакого логического объяснения для своей реакции и всегда считал, что после нашей первой встречи я отправился его разыскивать только потому, что меня озадачил этот взгляд.

— для меня это был самый быстрый способ зацепить тебя. Это был прямой удар по твоему тоналю. Я сковал его, сфокусировав на нем свою волю. Взгляд воина помещается на правый глаз другого человека, — сказал он. — При этом воин останавливает внутренний диалог. Тогда нагваль выходит на поверхность. Отсюда опасность этого маневра. Когда нагваль наверху даже на короткое мгновение, то невозможно описать тех ощущений, которые испытывает тело. Я знаю, что ты потратил бесконечные часы, пытаясь подобрать объяснение тому, что ты почувствовал, и что до сегодняшнего дня ты не смог этого сделать. Однако я добился того, что хотел. Я зацепил тебя.

Я сказал ему, что все еще помню, как он на меня смотрел.

— Взгляд в правый глаз не является смотрением, — сказал он. — скорее ты при этом насильно хватаешь что-то сквозь глаз другого человека. Другими словами, хватаешь что-то, что находится за глазом. При этом действительно испытываешь физическое ощущение, что удерживаешь что-то своей волей.

Он почесал голову, сдвинув шляпу вперед на лицо.

— Естественно, это только способ говорить, — сказал он. — способ объяснять непонятные физические ощущения.

Он приказал мне перестать писать и посмотреть на него. Он сказал, что собирается слегка схватить мой тональ своей волей. Ощущение, которое я испытал было повторением того, что я ощущал в день нашей встречи и в других случаях, когда дон Хуан заставлял меня чувствовать, что его глаза касаются меня в физическом смысле.

— Но каким образом ты заставляешь меня чувствовать, что касаешься, дон Хуан? Что ты в действительности делаешь? — спросил я.

— Нет способа в точности описать, что тут делаешь. Что-то вырывается вперед из какого-то места ниже живота. Это что-то имеет направление и может быть сфокусировано на чем угодно.

Я опять ощутил что-то похожее на мягкие щупальца, схватившие какую-то неопределенную часть меня.

— Это действует только тогда, когда воин научится фокусировать свою волю,

— Объяснил дон Хуан после того, как отвел свои глаза. — этого невозможно практиковать, поэтому я не рекомендовал и не вводил его использование. В определенный момент жизни воина это просто происходит. Никто не знает как.

Некоторое время он оставался совершенно спокойным. Я был крайне взволнован. Внезапно дон Хуан начал говорить опять.

— секрет заключается в левом глазе. По мере того, как воин продвигается по тропе знания, его левый глаз приобретает возможность схватывать все. Обычно левый глаз воина

имеет странный вид. Иногда он становится постоянно скошенным или становится меньше другого или больше, или каким-либо образом отличается.

Шутливым образом он посмотрел на меня, притворяясь, что рассматривает левый глаз. Он покачал головой с насмешливым неодобрением и усмехнулся.

— После того, как ученик зацеплен, начинается инструкция, — продолжал он.

— Первым действием учителя является поселить в него мысль, что тот мир, который, как мы думаем, мы видим, является только видом, описанием мира. Каждое усилие учителя направлено на то, чтобы доказывать этот момент своему ученику.

Однако принятие этого является, кажется, самым трудным, что только можно сделать. Мы полностью захвачены своим частным взглядом на мир, который заставляет нас чувствовать и действовать так, как если мы знаем о мире все. Учитель с самого первого поступка, который он совершает, нацеливается на то, чтобы остановить этот взгляд. Маги называют это остановкой внутреннего диалога, и они убеждены, что это единственная важнейшая техника, которой может научиться ученик.

Для того, чтобы остановить вид мира, который поддерживаешь с колыбели, недостаточно просто желать этого или сделать решение. Необходима практическая задача. Эта практическая задача называется правильным способом ходьбы. Она кажется безвредной и бессмысленной. Как и все остальное, что имеет силу в себе или вокруг себя, правильный способ ходьбы не привлекает внимания. Ты понял это и рассматривал это по крайней мере в течение нескольких лет, как любопытный способ поведения. До самого последнего времени тебе не приходило в голову, что это было самым эффективным способом остановить твой внутренний диалог.

— Как правильный способ ходьбы останавливает внутренний диалог? — спросил я.

— Ходьба в этой определенной манере насыщает тональ, — сказал он. — она переполняет его. Видишь ли, внимание тоналя должно удерживаться на его творениях. В действительности именно это внимание и создает в первую очередь порядок в мире. Поэтому тональ должен быть внимательным к элементам своего мира для того, чтобы поддерживать их и превыше всего он должен поддерживать взгляд на мир, или внутренний диалог.

Он сказал, что правильный способ ходьбы являлся обманным ходом. Воин сначала, подгибая свои пальцы, привлекает внимание к своим рукам, а затем, глядя и фиксируя глаз на любую точку прямо перед собой на той дуге, которая начинается у концов его ступней и заканчивается над горизонтом, он буквально затопляет свой тональ информацией. Тональ без своих с глазу на глаз отношений с элементами собственного описания не способен разговаривать с собой, и таким образом он становится молчалив.

Дон Хуан объяснил, что положение пальцев никакого значения не имеет, что единственным соображением было привлечь внимания к рукам сжимая пальцы разными непривычными способами. И что важным здесь является тот способ, посредством которого глаза, будучи не сфокусированными, замечали огромное количество штрихов мира, не имея ясности относительно них. Он добавил, что глаза в этом состоянии способны замечать такие детали, которые были слишком мимолетными для нормального зрения.

— Вместе с правильным способом ходьбы, — продолжал дон Хуан, — учитель должен обучить своего ученика другой возможности, которая еще более мимолетна — способности действовать не веря, не ожидая наград. Действовать только ради самого действия. Я не преувеличу, если скажу тебе, что успех дела учителя зависит от того, насколько хорошо и насколько гармонично он ведет своего ученика в этом особом отношении.

Я сказал дону Хуану, что не помню, чтобы он когда-нибудь обсуждал действие ради самого действия как особую технику. Все, что я могу вспомнить, так это его постоянные, но ни с чем не связанные замечания об этом.

Он засмеялся и сказал, что его маневр был таким тонким, что прошел мимо моего внимания до сего дня. Затем он напомнил мне о всех тех бессмысленных шутливых задачах, которые он мне обычно задавал каждый раз, когда я бывал у него дома. Абсурдные работы, типа аранжировки дров особым образом, окружения его дома непрерывной цепью концентрических кругов, нарисованных моим пальцем, переметание мусора с одного угла в другой и тому подобное. В эти задачи входили также поступки, которые я должен был выполнять дома сам, такие как носить белую шапку или всегда в первую очередь завязывать свой левый ботинок, или застегивать пояс всегда справа налево.

Причина, по которой я никогда не воспринимал ни одно из этих заданий иначе как шутку, состояла в том, что он всегда велел мне забыть о них после того, как я выводил их в регулярный распорядок.

После того, как он пересказал все те задания, которые давал мне, я сообразил что заставляя меня придерживаться бессмысленных распорядков, он пришел к тому, что воплотил в меня идею действовать действительно не ожидая ничего взамен.

— Остановка внутреннего диалога является, однако, ключом к миру магов, — сказал он. — вся остальная деятельность только зацепки. Все, что они делают, так это ускоряют эффект остановки внутреннего диалога.

Он сказал, что имеются два основных вида деятельности или техники, используемые для ускорения остановки внутреннего диалога: стирание личной истории и сновидение. Он напомнил мне, что на первых этапах моего ученичества он дал мне целый ряд особых методов для изменения моей «личности». Я занес их в свои заметки и забыл о них на несколько лет, пока не понял их важности. Эти особые методы были на первый взгляд крайне эксцентричными способами соблазнить меня изменить мое поведение.

Он объяснил, что искусство учителя состоит в том, чтобы отклонить внимание ученика от основных моментов. Наглядным примером такого искусства был тот факт, что я не понимал до этого дня важнейшего момента того, что он трюком завлек меня в учение — действовать не ожидая наград. Он сказал, что параллельно с этим он переключил мой интерес на идею «видения», которая, если ее правильно понять, была действием непосредственно связанным с нагвалем. Действием, являющимся неизбежным результатом учения, но недостижимой задачей, как задача сама по себе.

— Какой был смысл такого трюка со мной? — спросил я.

— Маги убеждены, что все мы являемся грудой никчемности, — сказал он. — мы никогда не сможем по своей воле отдать свой бесполезный контроль. Поэтому с нами нужно действовать путем трюков. Он рассказал, что заставив меня сконцентрировать свое внимание на псевдозадаче обучения «видеть», он успешно выполнил две вещи. Во-первых он наметил прямое столкновение с нагвалем, не упоминая о нем, а во-вторых, он трюком заставил меня рассмотреть реальные моменты его учения как несущественные. Стирание личной истории и сновидения никогда не были для меня настолько важными как «видение». Я рассматривал их как очень развлекательную деятельность. Я даже считал, что эта такая практика, которая дается мне с наибольшей легкостью.

— Наибольшая легкость, — сказал он насмешливо, когда он услышал мое замечание. — учитель ничего не должен оставлять случаю. Я тебе говорил, что ты прав в том смысле, что тебя надувают. Проблема состояла в том, что ты был убежден, что надувательство было направлено на то, чтобы одурачить твой разум. Для меня этот трюк означал отвлечь твое внимание или уловить его как это требовалось.

Он взглянул на меня, скосив глаза и указал на окружающее широким движением руки.

— Секрет всего этого — это наше внимание, — сказал он.

— Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

— Все это существует только из-за нашего внимания. Тот самый камень, где мы сидим, является камнем потому, что мы были вынуждены уделить ему внимание как камню.

Я хотел, чтобы он объяснил мне эту мысль. Он засмеялся и погрозил мне пальцем.

— Это пересказ, — сказал он. — мы вернемся к этому позднее.

Он убедительно объяснил, что из-за его обходного маневра я стал заинтересованным в стирании личной истории и сновидении. Он сказал, что эффекты этих двух техник были совершенно разрушительными, если они практикуются полностью, и что тут его забота, как забота каждого учителя, была не дать своему ученику сделать что-либо такое, что бросит его в сторону или в мрачность.

— Стирание личной истории и сновидения должны быть только помощью — сказал он. — для смягчения каждому ученику необходимы сила и умеренность. Вот почему учитель вводит путь воина или способ жить, как воин. Это клей, который соединяет все в мире мага. Мало-помалу учитель должен выковывать и развивать его. Без устойчивости и способности держать голову над водой, которыми характеризуется путь воина, невозможно выстоять на пути знания.

Дон Хуан сказал, что обучение пути воина было таким моментом, когда внимание ученика скорее улавливалось, чем отклонялось. И что он уловил мое внимание тем, что сбивал меня с моих обычных обстоятельств жизни каждый раз, когда я навещал его. Наши хождения по пустыне и горам являлись средством выполнить это. Его маневр изменения контекста моего обычного мира путем вождения меня на прогулки и на охоту был другим моментом его системы, которого я не заметил. Сопутствовавшая перестановка в мире означала, что я не знал концов, и мое внимание было сконцентрировано на всем, что делал дон Хуан.

— Каков трюк, а? — сказал он и засмеялся.

Я засмеялся с испугом. Я никогда не подозревал, что он настолько все осознает.

Затем он перечислил свои шаги в руководстве моим вниманием и уловлении его. Когда он закончил свой отчет, он добавил, что учитель должен брать в соображение личность ученика, и что в моем случае он должен был быть осторожным из-за того, что в моей

природе было много насилия, и я в отчаянии не смог бы ничего лучшего придумать, как убить самого себя.

— Что ты за противоестественный человек, дон Хуан? — сказал я шутя, и он расхохотался.

Он объяснил, что для того, чтобы помочь стереть личную историю, нужно было обучить еще трем техникам. Они состояли из потери важности самого себя, принятия ответственности за свои поступки и использование смерти как советчика. Идея состояла в том, что без благоприятного эффекта этих трех техник стирание личной истории вызовет в ученике неустойчивость, ненужную и вредную двойственность относительно самого себя и своих поступков.

Дон Хуан попросил меня сказать ему, какова была наиболее естественная реакция, которую я имел в моменты стресса и замешательства, прежде чем я стал учеником. Он сказал, что его собственной реакцией была ярость. Я сказал ему, что моей была жалость к самому себе.

— Хотя мы и не осознаем этого, но ты должен отключать свою голову для того, чтобы это чувство было естественным, — сказал он. — сейчас ты уже не имеешь возможности вспомнить те бесконечные усилия, которые тебе были нужны для того, чтобы установить жалость к самому себе как отличительную черту на своем острове. Жалость к самому себе была постоянным свидетелем всего, что ты делал.

Она была прямо на кончиках твоих пальцев, готовая давать тебе советы. Воин рассматривает смерть как более подходящего советчика, которого тоже можно привести свидетелем ко всему, что делаешь, точно также, как жалость к самому себе или ярость. Очевидно, после несказанной борьбы ты научился чувствовать жалость к самому себе. Но ты можешь также научиться тем же самым способом чувствовать свой нависший конец, и таким образом ты сможешь научиться иметь идею своей смерти на кончиках пальцев. Как советчик, жалость к самому себе — ничто, по сравнению со смертью.

Затем дон Хуан указал, что здесь, казалось бы, было противоречие в идее перемены. С одной стороны, мир магов призывал к полной трансформации. С другой стороны, объяснение магов говорит, что остров тональ является цельным, и не один элемент его не может быть передвинут. Перемена в таком случае не означает уничтожения чего бы то ни было, а скорее изменение в использовании, которое связано с этими элементами.

— Жалость к самому себе, например, — сказал он. — нет никакого способа с пользой освободиться от нее. Она имеет определенное место и определенный характер на твоем острове. Определенный фасад, который издалека видно. Поэтому каждый раз, когда представляется случай, жалость к самому себе становится активной. Она имеет историю. Если ты затем сменишь фасад жалости к самому себе, то ты сместишь место ее применения.

Я попросил его объяснить значение его метафор, особенно идею смены фасадов. Я понял это, как, может быть, играть более чем одну роль одновременно.

— Фасады меняешь, изменяя использование элементов острова, — сказал он. — возьмем опять жалость к самому себе. Она была полезной для тебя, потому что ты или чувствовал свою важность, или что ты заслуживаешь лучших условий, лучшего обращения, или потому что ты не хотел принимать ответственности за свои поступки, которые приводили тебя в состояние возбуждения жалости к самому себе, или потому что ты был неспособен принять идею своей нависшей смерти, чтобы она была свидетелем твоих поступков и советовала тебе.

Стирание личной истории и три сопутствующие ей техники являются средствами магов для перемены фасада элементов острова. Например, стиранием своей личной истории ты отрицал использование жалости к самому себе. Для того, чтобы жалость к самому себе работала, тебе необходимо быть важным, безответственным и бессмертным. Когда эти чувства каким-либо образом изменены, то ты уже не имеешь возможности жалеть самого себя.

То же самое справедливо относительно двух других элементов, которые ты изменил на своем острове. Без использования этих четырех техник, ты бы никогда не добился успеха в перемене их. Смена фасадов означает только то, что отводишь второстепенное место первоначально важным элементам. Твоя жалость к самому себе все еще предмет на твоем острове. Она будет там, на заднем плане точно так же, как идея твоей нависшей смерти или твоей смиренности, или твоей ответственности за свои поступки уже находились там без всякого использования.

Дон Хуан сказал, что после того, как все эти техники были предоставлены, ученик прибывает на перекресток. В зависимости от его чувствительности, ученик делает одну из двух вещей. Он или принимает рекомендации и предложения, сделанные его учителем за

чистую монету, действуя не ожидая наград, или же он все принимает за шутку и за то, что его уводят в сторону.

Я заметил, что в моем собственном случае я путаюсь со словом «техника». Я всегда ожидал ряда точных указаний, но он давал мне только неопределенные предложения, и я не был способен принять их серьезно или действовать в соответствии с его наметками.

— В этом была твоя ошибка, — сказал он. — мне пришлось решать тогда, использовать или нет растения силы. Ты мог бы воспользоваться теми четырьмя техниками для того, чтобы очистить и привести в порядок свой остров тональ. Они привели бы тебя к нагвалю. Но не все мы способны реагировать на простые рекомендации. Ты и я в этом отношении нуждались в чем-либо еще, что бы потрясло нас. Нам нужны были эти потрясения силы.

Мне действительно потребовались годы для того, чтобы понять важность этих ранних предложений, сделанных доном Хуаном. Тот необычайный эффект, который психотропные растения оказали на меня, явился основой моего заключения, что их использование является ключевым моментом в учении. Я держался за это убеждение и лишь в последние годы своего ученичества я сообразил, что все осмысленные трансформации и находки магов всегда делаются в состоянии трезвого сознания.

— Что произошло бы, если бы я принял твои рекомендации серьезно? — спросил я.

— Ты бы достиг нагваля, — ответил он.

— Но разве бы я достиг нагваля без бенефактора?

— Сила дает нам согласно нашей неуязвимости, — сказал он. — если бы ты серьезно использовал эти четыре техники, то ты накопил бы достаточно личной силы, чтобы найти бенефактора. Ты был бы неуязвимым, и сила открыла бы тебе все нужные проспекты. Это закон.

— Почему ты не дал мне больше времени? — спросил я.

— У тебя было времени столько, сколько нужно, — сказал он. — так показала мне сила. Однажды ночью я дал тебе загадку, чтобы ты над ней поработал. Ты должен был найти благоприятное для тебя место перед дверью моего дома. Этой ночью ты действовал чудесно под давлением, и утром ты заснул на том самом камне, который я поставил туда. Сила показала мне, что тебя следует безжалостно толкать, иначе ты не шевельнешь пальцем.

— Помогли ли мне растения силы? — спросил я.

— Определенно, — сказал он. — они раскрыли тебя, остановив твой взгляд на мир. В этом отношении растения силы имеют тот же самый эффект на тональ, как и правильный способ ходьбы. И то и другое переполняет его информацией, и сила внутреннего диалога приходит к концу. Растения отличны для этого, но слишком дорогостоящи. Они наносят непередаваемый вред телу. Это их недостаток, особенно дурмана.

— Но если ты знал, что они были так опасны, зачем ты давал их мне так много и так много раз? — спросил я.

Он заверил меня, что детали процедуры решались самой силой. Он сказал, что несмотря на то, что учение должно было представить ученику те же самые моменты, порядок был различным для каждого. И что он получал неоднократные указания, что я нуждаюсь в очень большом количестве убеждений для того, чтобы принять что-либо во внимание.

— Я имел дело с изнеженным бессмертным существом, которому не было никакого дела до его жизни или его смерти, — сказал он смеясь.

Я выдвинул тот факт, что он описал и обсуждал эти растения в антропоморфическом смысле. Он всегда обращался к ним так, как если бы растения были персонажем. Он заметил, что это были предписанные средства для отвлечения внимания ученика в сторону от действительной темы, которая заключалась в остановке внутреннего диалога.

— Но если они используются только для того, чтобы остановить внутренний диалог, то какую связь они имеют с олли? — спросил я.

— Этот момент трудно объяснить, — сказал он. — эти растения подводят ученика непосредственно к нагвалю, а олли является одним из аспектов его. Мы действуем исключительно в центре разума вне зависимости от того, кем мы являемся и откуда мы пришли. Разум естественно так или иначе может брать в расчет все, что происходит в его виде на мир. Олли это нечто такое, что находится вне его вида, вне царства разума. Это может наблюдаться только в центре воли в те моменты, когда наш обычный взгляд остановлен. Поэтому правильно говоря, это нагваль. Маги, однако, могут научиться воспринимать олли крайне сложным образом, и, поступая так, они оказываются слишком глубоко погруженными в новый вид. Поэтому для того, чтобы защитить тебя от такой судьбы, я не представлял тебе олли так, как это обычно делают маги. Маги научились после многих поколений использования растений силы, давать в своем взгляде на мир отчет обо всем, что происходит с ними. Я сказал бы, что маги, используя свою волю, добились того, что расширили свои взгляды на мир. Мой учитель и мой бенефактор были ярчайшими примерами

этого. Они были люди огромной силы, но они не были людьми знания. Они так и не разорвали границ своего огромного мира и поэтому никогда не прибыли к целостности самих себя. Тем не менее они знали об этом. Не то, чтобы они жили однобокой жизнью, говоря о вещах, находящихся вне их достижения. Они знали, что они шагнули мимо лодки и что только в момент их смерти вся загадка полностью будет раскрыта им. Магия дала им только мимолетный взгляд, но не реальное средство, чтобы достичь целостности самого себя.

Я дал тебе достаточно из взгляда магов, не позволив тебе зацепиться за это. Я сказал, что только тогда, когда помещаешь один взгляд против другого и можешь переходить из одного в другой, можно прибыть к реальному миру. Я имею в виду, что можно прибыть к целостности самого себя только тогда, когда полностью понимаешь, что мир это просто взгляд, вне зависимости от того, принадлежит этот взгляд магу или обычному человеку.

Именно здесь я уклонился от традиции. После целой жизни борьбы я знал, что действительно важным является не просто выучить новое описание, а прибыть к целостности самого себя. Следует прибыть к нагвалю, не покалечив тоналя и превыше всего не покалечив своего тела. Ты принимал эти растения, следуя точным этапам, через какие я прошел сам. Единственным отличием было то, что вместо того, чтобы окунуть тебя в них, я остановился, когда ты решил, что ты накопил достаточно взглядов на нагваль. В этом причина, почему я никогда не хотел обсуждать с тобой твои встречи с растениями силы и не позволял тебе обескуражено говорить о них. Не было смысла строить схемы над тем, о чем нельзя говорить. Это были настоящие экскурсии в нагваль, в неизвестное.

Я заметил, что моей потребностью говорить о тех восприятиях, которые были вызваны влиянием психотропных растений, был мой интерес в подтверждении своей собственной гипотезы. Я был убежден, что при помощи таких растений он снабжал меня воспоминаниями о невообразимых способах восприятия. Эти восприятия, которые я по временам испытывал, могли казаться отвлеченными и не связанными с чем-либо осмысленным. Но позднее собрались в единицы смысла. Я знал, что дон Хуан искусно ведет меня каждый раз и, что то, какой именно смысл я собираю, делалось под его руководством.

— Я не хочу подчеркивать эти события, чтобы объяснять их, — сказал он сухо. — прозябание в объяснениях возвратит нас назад туда, где мы быть не хотим. То-есть это отбросит нас назад в вид мира. На этот раз намного более крупного.

Дон Хуан сказал, что после того, как внутренний диалог ученика был остановлен действием растений силы, наступал неизбежный момент. У ученика начинали возникать задние мысли относительно всего ученичества. По мнению дона Хуана даже самые большие энтузиасты в этой точке ощутят серьезную потерю заинтересованности.

— Растения силы потрясают тональ и угрожают прочности всего острова, — сказал он. — именно в этот момент ученик отступает и мудро делает. Он хочет выбраться из всей этой каши. Точно так же в этот момент учитель устанавливает свою наиболее искусную ловушку — стоящего противника. Ловушка имеет две цели. Во-первых, она позволяет учителю удержать своего ученика, а во-вторых, она позволяет ученику иметь точку соотнесения, чтобы пользоваться ею в дальнейшем. Ловушка — это маневр, который выводит на арену стоящего противника. Без помощи стоящего противника, который в действительности является не врагом, а совершенно преданным помощником, ученик не имеет возможности продолжать путь знания. Лучшие из людей сдались бы на этой границе, если бы решение было оставлено им. Я подвел к тебе стоящего противника, прекраснейшего воина, которого можно найти — ля Каталину.

Дон Хуан говорил о том времени несколькими годами раньше, когда он ввел меня в затяжную битву с колдуньей-индеанкой.

— Я привел тебя в непосредственный контакт с ней, и я выбрал женщину, потому что ты доверяешь женщинам. Разрушить это доверие было очень трудным делом для нее. Через несколько лет она мне призналась, что ей хотелось бы отступить, потому что ты ей нравился, но она — великий воин, и несмотря на ее чувства она чуть не стерла тебя с лица планеты. Она нарушила твой тональ так интенсивно, что он уже никогда не был тем же самым опять. Она действительно изменила очертания на лице твоего острова настолько глубоко, что ее поступки послали тебя в другое царство. Можно было бы сказать, что она сама могла бы быть твоим бенефактором, если бы ты был вылеплен не для того, чтобы быть магом, таким как она. Чего-то недоставало между вами двумя. Ты был не способен ее бояться. Однажды ночью ты чуть не растерял свои шарики, когда она напала на тебя, но несмотря на это тебя влекло к ней. Для тебя она была желанной женщиной вне зависимости от того, как ты ее боялся. Она знала это. Однажды я уловил как в городе ты смотрел на нее, трясясь до подошв от страха и пуская слюни на нее одновременно.

Из-за поступков стоящего противника, далее, ученик может или разлететься на куски или радикально измениться. Действия ля Каталины с тобой, поскольку они тебя не убили, не

потому, что она недостаточно хорошо пыталась, а потому, что ты оказался достаточно стойким, имели благоприятное действие на тебя, а также снабдили тебя решением.

Учитель пользуется стоящим противником для того, чтобы заставить ученика сделать выбор в своей жизни. Ученик должен сделать выбор между миром воина и своим обычным миром. Но никакое решение невозможно до тех пор, пока ученик не понимает выбора. Поэтому учитель должен быть совершенно терпелив и в совершенстве понимать и должен вести своего ученика уверенной рукой к такому выбору. А превыше всего он должен быть уверенным, что его ученик изберет мир и жизни воина. Я добился этого, попросив тебя помочь мне победить ля каталину. Я сказал тебе, что она собирается меня убить, и что мне нужна твоя помощь, чтобы освободиться от нее. Я честно предупредил тебя относительно последствий твоего выбора и дал тебе массу времени, чтобы решить принимать его или нет.

Я ясно помнил, что дон Хуан отпустил меня в тот день. Он сказал мне, что если я не хочу ему помочь, то я свободен уехать и никогда не возвращаться назад. Я ощущал в тот момент, что я свободен выбрать свой собственный курс и не имею по отношению к нему никаких обязанностей.

Я покинул его дом и уехал со смесью печали и радости. Мне было жалко, что я покидаю дона Хуана и все же я был счастлив, что разделался со всей его деятельностью, которая приведет меня в расстройство. Я подумал о Лос-Анжелесе, о своих друзьях и обо всем том распорядке повседневной жизни, который ожидал меня. О тех маленьких распорядочках, которые всегда давали мне так много приятного. На некоторое время я ощутил эйфорию. Запутанность дона Хуана и его жизни была позади, и я был свободен.

Однако мое счастливое настроение длилось недолго. Мое желание покинуть мир дона Хуана было нестойким. Моя рутина потеряла свою силу. Я попытался подумать о чем-нибудь, что я хотел бы делать в Лос-Анжелесе, но там не было ничего. Дон Хуан однажды говорил мне, что я боюсь людей и научился защищаться тем, что ничего не желал. Он сказал, что не желать ничего было прекраснейшим достижением воина. В моей глупости однако, я расширил чувство нежелания ничего и заставил его проникнуть в чувство, что мне все нравится. Поэтому моя жизнь была пустой и нудной.

Он был прав. И пока я ехал на север по шоссе весь груз моего безумия совершенно неожиданно в конце концов свалился на меня. Я начал понимать масштаб моего выбора. Я в действительности покидал волшебный мир непрерывного обновления для своей тихой и нудной жизни в Лос-Анжелесе. Я начал вспоминать свои пустые дни, особенно ясно мне вспомнилось одно воскресенье. Весь день я чувствовал беспокойство от того, что было нечем заняться. Никто из моих друзей не пришел ко мне в гости, никто не пригласил меня на вечеринку. Те люди, к которым я хотел пойти, не оказались дома, и, что хуже всего, я уже успел пересмотреть все фильмы, которые шли в городе. К концу дня в полном отчаянии я еще раз просмотрел список кинофильмов и нашел один, который мне никогда не хотелось посмотреть. Он шел в городке, находящемся в 35 милях отсюда. Я поехал его смотреть. Он мне совершенно не понравился, но даже это было лучше, чем полное ничегонеделание.

Под грузом мира дона Хуана я изменился. Так, например, с тех пор, как я встретился с ним, у меня не было времени, чтобы горевать. Одного этого было для меня достаточно. Дон Хуан действительно правильно был уверен, что я изберу мир воина. Я развернулся и поехал назад к его дому.

— Что случилось бы, если бы я выбрал ехать назад в лос-анжелес? — спросил я.

— Это было бы невозможностью, — сказал он. — такого выбора не существовало. Все, что от тебя требовалось — это позволить твоему тоналю осознать, что это он решил вступить в мир магов. Тональ не знал, что решение находится в царстве нагваля. Все, что мы делаем, когда мы решаем, так это признаем, что что-то вне нашего понимания установило рамки нашего так называемого решения, м все, что мы делаем, так это идем туда.

В жизни воина есть только одна вещь. Один единственный вопрос, который действительно не решен: насколько далеко можно пройти по тропе знания и силы. Этот вопрос остается открытым, и никто не может предсказать его исход. Я однажды говорил тебе, что свобода воина состоит в том, чтобы или действовать неуязвимо, или действовать как никчемность. В действительности неуязвимость — единственное действие, которое свободно, и таким образом оно является единственной мерой духа воина.

Дон Хуан сказал, что после того, как ученик сделает свое решение вступить в мир магов, учитель даст ему прагматическое задание, задачу, которую он должен выполнить в своей повседневной жизни. Он объяснил, что та задача, которая должна подходить к личности ученика, обычно бывает своего рода растянутой жизненной ситуацией, в которую ученик должен попасть и которая будет являться средством, постоянно воздействующим на его взгляд на мир. В моем собственном случае я понимал такую задачу скорее как жизненную

шутку, чем как серьезную жизненную ситуацию. Со временем, однако, мне наконец стало ясно, что я должен быть очень усердным по отношению к ней.

— После того, как ученику была дана его магическая задача, он становится готовым к другому типу наставлений, — продолжал он. — здесь он уже воин. В твоем случае, поскольку ты уже не был учеником, я обучил тебя трем техникам, которые помогали сновидению: разрушение распорядка жизни, бег силы и неделание. Ты был очень инертен, онемевший как ученик и онемевший как воин. Ты старательно записывал все, что я тебе говорил, и все, что с тобой происходило, но ты не действовал в точности так, как я говорил тебе. Поэтому мне все еще приходилось подстегивать тебя растениями силы.

Затем дон Хуан шаг за шагом представил мне картину того, как он отвлек мое внимание от сновидения, заставив меня поверить, что важным моментом является очень трудная деятельность, которую он назвал неделание и которая состояла из перцептивной игры фокусирования внимания на трех чертах мира, которые обычно проходили мимо него, таких как тени предметов. Дон Хуан сказал, что его стратегией было отделить неделание, окружив его самой строгой секретностью.

— Неделание, как и все остальное — очень важная техника. Но она не была основным моментом, — сказал он. — ты попался на секретность. Ты — балаболка, и вдруг тебе доверили секрет!

Он засмеялся и сказал, что может себе вообразить те трудности, через которые я прошел, чтобы держать рот закрытым.

Он объяснил, что разрушение рутины, бег силы и неделание были проспектами к обучению новым способам восприятия мира, и что они давали воину намек на невероятные возможности действия. По идее дона Хуана знание отдельного и прагматического мира сновидения делалось возможным посредством использования этих техник.

Сновидение — это практическая помощь, разработанная магами. Они знали то, что делают и искали полезности нагваля, обучая свой тональ, так сказать, отходить на секунду в сторону, а затем хвататься вновь. Это утверждение не имеет для тебя смысла. Но этим ты и занимался все время. Обучал себя отпускаться не теряя при этом своих шариков. Сновидение, конечно, является венцом усилий магов. Полным использованием нагваля.

Он прошелся по всем упражнениям неделания, которые заставлял меня выполнять, по всем рутинным вещам моей повседневной жизни, которые он выделил для искоренения и по всем тем случаям, когда он вынуждал меня пользоваться бегом силы.

— Мы подходим к концу моего пересказа, — сказал он. — теперь нам нужно поговорить о Хенаро.

Дон Хуан сказал, что в тот день, когда я встретился с Хенаро, был очень важный знак. Я сказал ему, что не могу вспомнить ничего необычного. Он напомнил мне, что в тот день мы сидели на скамейке в парке. Он сказал, что ранее упомянул мне, что собирается встретиться с другом, которого я никогда раньше не видел, и потом, когда этот друг появился, я узнал его без всяких колебаний в гуще большой толпы. Это был тот знак, который заставил их понять, что Хенаро — мой бенефактор.

Когда он об этом сказал, я вспомнил, что мы сидели и разговаривали, а потом я повернулся и увидел небольшого поджарого человека, который излучал необыкновенную жизненность или грацию, или просто самобытность. Он только что повернул из-за угла в парк. В шутливом настроении я сказал дону Хуану, что его друг приближается к нам, и что, судя по тому, как он выглядит, он наверняка является магом.

— С того дня и далее Хенаро рекомендовал, что мне с тобой делать. Как твой гид в нагваль, он представил тебе безукоризненные демонстрации, и каждый раз, когда он выполнял действие как нагваль, ты оставался со знанием, которое противоречило твоему разуму и выходило за его границы. Он разобрал твою картину мира, хотя ты не осознаешь этого. Опять же, в этом случае ты вел себя так же, как в случае с растениями силы. Тебе нужно было больше, чем было необходимо. Несколько выпадов нагваля было бы достаточно, чтобы разрушить картину мира. Но даже до сего дня после всех выступлений нагваля твоя картина кажется неуязвимой. Как ни странно, но это твоя лучшая черта.

— в целом, затем, работа Хенаро должна была подвести тебя к нагвалю. Но здесь мы встречаемся со странным вопросом: что должно было быть подведено к нагвалю?

Он подтолкнул меня движением глаз ответить на этот вопрос.

— Мой разум? — спросил я.

— Нет, разум здесь не имеет значения. Разум выключается в ту же секунду, как только оказывается за своими узкими границами.

— Тогда это был мой тональ, — сказал я.

— Нет, тональ и нагваль являются двумя естественными частями нас самих, — сказал он сухо. — они не могут вести одна в другую.

— Мое восприятие? — спросил я.

— Вот тут ты попал, — закричал он, как если бы я был ребенком, который дал правильный ответ. — теперь мы подходим к объяснению магов. Я уже предупреждал тебя, что оно ничего не объясняет и все же...

Он остановился и взглянул на меня сияющими глазами.

— Это еще один из трюков магов, — сказал он.

— О чем ты говоришь? Какой еще трюк? — спросил я с оттенком тревоги.

— Объяснение магов, конечно, — ответил он. — ты увидишь это сам. Но давай продолжим. Маги говорят, что мы находимся внутри пузыря. Это тот пузырь, в который мы были помещены в момент своего рождения. Сначала пузырь открыт, но затем он начинает закрываться, пока не запаяет нас внутри себя. Этот пузырь является нашим восприятием. Мы живем внутри этого пузыря всю свою жизнь. А то, что мы видим на его круглых стенах, является нашим собственным отражением.

Он наклонил голову и взглянул на меня искоса. Он хихикнул.

— Ты с ума сошел, — сказал он. — тебе полагается задать здесь вопрос.

Я засмеялся. Как бы то ни было, его предупреждение об объяснении магов плюс осознание пугающих масштабов его понимания начали наконец оказывать на меня свое действие.

— Что за вопрос мне полагается задать? — спросил я.

— Если то, что мы видим на стенах, является нашим отражением, тогда то, что отражается должно быть реальной вещью, — сказал он улыбаясь.

— Это хороший довод, — сказал я шутливым тоном. Мой разум мог легко следить за этим аргументом.

— Та вещь, которая отражается, является нашей картиной мира, — сказал он. — эта картина — сначала описание, которое давалось нам с момента нашего рождения, пока все наше внимание не оказывается захваченным им, и описание становится видом на мир.

Задачей учителя является перестроить этот вид, подготовить светящееся существо к тому времени, когда бенефактор откроет пузырь снаружи, — он сделал еще одну рассчитанную паузу и еще одно замечание относительно отсутствия у меня внимания, судя по моей неспособности вставить подходящее замечание или вопрос.

— Каким должен бы быть мой вопрос? — спросил я.

— Зачем нужно открывать пузырь? — ответил он. Он громко рассмеялся и похлопал меня по спине, когда я сказал: «это хороший вопрос».

— Конечно, — воскликнул он. — он должен быть хорошим для тебя, потому что он один из твоих собственных

Пузырь открывается для того, чтобы позволить светящемуся существу увидеть свою целостность, — продолжал он. — естественно все это дело называния этого пузыря, это только способ говорить, но в данном случае это точный способ.

Осторожный маневр введения светящегося существа в целостность его самого требует, чтобы учитель работал изнутри пузыря, а бенефактор снаружи. Учитель перестраивает вид на мир. Я назвал этот вид островом тональ. Я сказал, что все, чем мы являемся, находится на этом острове. Объяснение магов говорит, что остров тональ создан нашим восприятием, которое было выучено концентрироваться на определенных элементах. Каждый из этих элементов и все они вместе взятые образуют нашу картину мира. Работа учителя, насколько это касается восприятия ученика, состоит в перенесении всех элементов острова на одну половину пузыря. К настоящему времени ты должно быть понял, что чистка и перестройка острова тоналя означает перегруппировку всех его элементов на сторону разума. Моей задачей было расчленить твой обычный взгляд, не уничтожить его, а заставить его перекатиться на сторону разума. Ты сделал это лучше, чем любой, кого я знаю.

Он нарисовал воображаемый круг на камне и разделил его пополам вертикальным диаметром. Он сказал, что искусством учителя было заставить своего ученика сгруппировать всю свою картину мира на правой половине пузыря.

— Почему правая половина? — спросил я.

— Это сторона тоналя, — сказал он. — учитель всегда обращается к этой стороне и, сталкивая своего ученика с одной стороны с путем воина, он заставляет его быть разумным и трезвым, и сильным душой и телом. А с другой стороны, с немыслимыми, но реальными ситуациями, с которыми ученик не может сладить, он заставляет его понять, что его разум, хотя он и является чудеснейшим центром, может охватить лишь очень небольшой участок. Как только воин столкнулся со своей невозможностью охватить разумом все, он сойдет со своей дороги, чтобы поддержать и защитить свой поверженный разум. А чтобы добиться этого, он сгрудит все, что у него есть, вокруг него. Учитель следит за этим, безжалостно подхлестывая его, пока вся его картина мира не окажется на одной половине пузыря. Другая

половина пузыря, та, которая очистилась, может тогда быть названа тем, что маги называют волей.

Мы лучше объясним это, сказав, что задача учителя состоит в том, чтобы начисто отмыть одну половину пузыря и заново сгруппировать все на другой половине. Задача бенефактора состоит затем в открытии пузыря на той стороне, которая была очищена. После того, как печать сорвана, воин уже никогда не бывает тем же самым. Он имеет после этого команду над своей целостностью. Половина пузыря является абсолютным центром воли, нагвалем. Вот какой порядок должен превалировать. Любая другая аранжировка бессмысленна и мелочна, потому что она будет идти против нашей природы. Она крадет у нас наше магическое наследство и низводит нас до ничего.

Дон Хуан поднялся и потянулся руками и спиной, а затем прошелся, чтобы расправить мускулы. К этому времени слегка похолодало.

Я спросил его, закончили ли мы.

— Ну, представление еще даже не начиналось, — воскликнул он и засмеялся. — это было только началом.

Он взглянул на небо и указал на запад небрежным движением руки.

— Примерно через час нагваль будет здесь, — сказал он и улыбнулся. Он опять уселся.

— У нас осталась еще одна вещь, — продолжал он. — маги называют ее секретом светящихся существ. И это тот факт, что восприниматель, то-есть наш пузырь — это пузырь восприятия. Наша ошибка состоит в том, что мы считаем, что единственное стоящее восприятие — это то, которое проходит через наш разум. Маги считают, что разум — это только один из центров и что он не должен так много принимать, как само собой разумеющееся. Хенаро и я учили тебя о восьми точках, которые образуют целостность нашего пузыря восприятия. Ты знаешь шесть точек. Сегодня мы с Хенаро еще больше почистим твой пузырь восприятия и после этого ты узнаешь две оставшиеся точки.

Он резко сменил тему и попросил меня дать ему детальный отчет о моих восприятиях предыдущего дня, начиная с того момента, когда я увидел на камне у дороги. Он не делал никаких замечаний и не прерывал меня совершенно. Когда я закончил, то добавил свое собственное наблюдение. Утром я говорил с Нестором и Паблито, и они пересказали мне свои восприятия, которые были похожи на мои. Я указывал на то, что он сам мне говорил, будто нагваль был индивидуальным опытом, свидетелем которого может быть только один наблюдатель. Предыдущим днем там было три наблюдателя, и все мы были свидетелями более или менее одной и той же вещи. Разница выражалась только в смысле того, что каждый из нас чувствовал или как реагировал на отдельные моменты общего явления.

— То, что случилось вчера, было демонстрацией нагваля для тебя, для Нестора и для Паблито. Я — их бенефактор. Мы с Хенаро выключили центр разума у всех трех вас. Хенаро и я имеем достаточно силы, чтобы заставить вас согласиться между собой относительно того, свидетелями чего вы были. Несколько лет назад мы с тобой находились с группой учеников однажды ночью. Однако у одного меня было недостаточно силы, чтобы заставить вас видеть одну и ту же вещь.

Он сказал, что судя по тому, что я ему рассказал о своих восприятиях предыдущего дня и из того, что он увидел во мне, его заключением было, что я готов к объяснению магов. Он добавил, что также готов и Паблито. Но он не был уверен относительно Нестора.

— Быть готовым к объяснению магов — очень трудное достижение, — сказал он. — оно бы не должно быть таким, но мы настаиваем на индульгировании в наших привычных взглядах на мир. В этом отношении и ты, и Нестор, и Паблито одинаковы. Нестор прячется за своим смущением и застенчивостью. Паблито позади своего обезоруживающего очарования, а ты за своим духом противоречия и словами. Все это взгляды, которые кажутся не угрожающими, но до тех пор, пока вы трое настаиваете на том, чтобы пользоваться ими, ваши пузыри восприятия еще не очищены, и объяснение магов не будет иметь смысла.

В виде шутки я сказал, что я в замешательстве перед знаменитым объяснением магов уже долгое время, но чем ближе я к нему подхожу, тем оно дальше удаляется. Я собирался добавить шутливое замечание, когда он выхватил эти слова прямо у меня изо рта.

— Не кажется ли в конце концов, что объяснение магов — это просто шутка? — спросил он хохоча.

Он похлопал меня по спине и, казалось, был доволен, как ребенок, приветствующий приятное событие.

— Хенаро цепляется за закон, — сказал он доверительным тоном. — ничего не поделаешь с этим пресловутым объяснением. Моя бы воля, так я бы дал тебе его давным давно. Не делай на него таких больших ставок.

Он поднял голову и осмотрел небо. — Теперь ты готов, — сказал он драматическим и мрачным тоном. — пора идти. Но прежде чем мы покинем это место, я должен сказать тебе

одну последнюю вещь. Загадка или секрет объяснения магов состоит в том, что оно имеет дело с разворачиванием крыльев восприятия.

Он положил руку на мою записную книжку и сказал, что мне следует пойти в кусты и позаботиться о своих телесных функциях, после этого я должен снять свою одежду и оставить ее в узле прямо тут, где мы находимся. Я посмотрел на него вопросительно, и он объяснил, что мне следует быть нагим, но что я могу оставить свои ботинки и шляпу.

Я настаивал на том, чтобы узнать, почему я должен быть нагим. Дон Хуан засмеялся и сказал, что причина эта довольно личного характера и что она связана с моим собственным удобством, и что я сам должен бы был сказать ему, что хочу этого. Его объяснение озадачило меня. Я чувствовал, что он разыгрывает со мной какую-то шутку или что в подтверждение того, что он мне открыл, он просто отводит мое внимание. Я хотел знать, зачем он так делает.

Он начал говорить о том инциденте, который произошел со мной несколько лет назад, когда мы находились в горах северной Мексики с доном Хенаро. В тот раз они объяснили мне, что разум явно не может охватить всего, что происходит в мире. Для того, чтобы дать мне убедительную демонстрацию этого, дон Хенаро выполнил великолепный прыжок как нагваль и «удлинил» себя так, что достиг пиков гор в пятнадцати милях в стороне. Дон Хуан сказал, что я просмотрел это событие и что настолько, насколько это касается убеждения моего разума, демонстрация дона Хенаро была неудачей. Но с точки зрения моей телесной реакции это было событием.

Телесная реакция, о которой говорил дон Хуан, была такой вещью, которая была очень жива в моей памяти. Я видел, как дон Хенаро исчез у меня перед глазами, как если бы ветер сдул его. Его прыжок или то, что он сделал, оказало на меня такой глубокий эффект, что я ощутил как если бы его движение порвало что-то у меня в кишечнике. Мои кишки освободились и мне пришлось сбрасывать свои штаны и рубашку. Мое неудобство и раздражение не знали предела. Мне пришлось идти голым, одев только шляпу по дороге, где было большое движение, пока я добрался до своей машины. Дон Хуан напомнил мне, что именно тогда я сказал ему, чтобы он не давал мне больше портить свою одежду.

После того, как я разделся, мы прошли несколько сот футов к очень большой скале, нависшей над каким-то оврагом. Он заставил меня заглянуть вниз. Отвесная скала была больше 30 метров. Затем он сказал мне, чтобы я выключил свой внутренний диалог и прислушался к звукам вокруг нас.

Через несколько мгновений я услышал звук камешка, задевающего о скалу, по пути на дно оврага. Я слышал каждый отдельный удар с невероятной ясностью. Затем я услышал, как еще одна галька была брошена вниз, затем еще одна. Я поднял голову, чтобы направить свое левое ухо в том направлении, откуда исходил звук и увидел дона Хенаро, сидящего на вершине скалы в пяти метрах от нас. Он небрежно бросал камни в овраг.

Он закричал и засмеялся, когда увидел что я его вижу, и сказал, что прятался здесь и ожидал, когда я его найду. Я испытал момент замешательства. Дон Хуан прошептал мне на ухо несколько раз, что мой разум не приглашен на это событие, и что я должен бросить несносное желание все контролировать. Он сказал, что нагваль был восприятием только для меня и что именно по этой причине Паблито не видел нагваля в моей машине. Он добавил, как бы читая мои невысказанные чувства, что хотя один я мог быть свидетелем нагваля, это все же был сам дон Хенаро.

Дон Хуан взял меня за руку и в игривой манере подвел меня к тому месту, где сидел дон Хенаро. Дон Хенаро поднялся и подошел ближе ко мне. Его тело излучало жар, который я мог видеть. Сияние, от которого у меня кружилась голова. Он подошел ко мне сбоку и, не касаясь меня, приблизил рот к моему левому уху и стал шептать. Дон Хуан также начал шептать мне в другое ухо. Их голоса слились. Они оба стали повторять одни и те же заявления. Они говорили, что я не должен бояться и что у меня есть длинные мощные нити, которые существовали не для того, чтобы защищать меня, потому что защищать было нечего, и не для того, чтобы от них обороняться. Но что они были здесь для того, чтобы руководить восприятием моего нагваля точно таким же образом, как мои глаза руководили моим обычным восприятием тоналя. Они сказали мне, что мои нити находятся повсюду вокруг меня, и что благодаря им, я могу воспринимать все сразу и что одной единственной нити достаточно, чтобы прыгнуть в овраг или чтобы прыгнуть из оврага на скалу.

Я слушал все, что они шептали. Каждое слово, казалось, имело для меня свое особое значение. Я мог ухватить каждый его оттенок, а затем отложить обратно, как если бы я был записывающим аппаратом. Они оба уговаривали меня прыгнуть на дно оврага. Они сказали, что я сначала должен ощутить свои нити, затем изолировать одну, которая идет вниз на дно оврага и следовать ей. Когда они говорили свои команды, я действительно мог соотносить их слова с соответствующими ощущениями. Я ощутил во всем себе почесывание, крайне

интересное ощущение, которое само по себе невыразимо, но приближается к ощущению «длинного почесывания». Мое тело действительно могло ощущать дно оврага, и я ощущал это чувство, как щекотку в каком-то неопределенном месте своего тела.

Дон Хуан и дон Хенаро продолжали уговаривать меня скользнуть по этому чувству, но я не знал, как это сделать. Затем я услышал один только голос дона Хенаро. Он сказал, что собирается прыгнуть вместе со мной. Он схватил меня, толкнул меня или обнял меня и бросился вместе со мной в бездну. У меня было общее ощущение физического «захвата духа», как будто мой живот пережевывали и пожирали. Это была смесь боли и удовольствия такой интенсивности и длительности, что все, что я мог делать, это кричать, и кричать, насколько у меня хватало легких. Когда это чувство уменьшилось, я увидел набор искр и темных масс, лучей света и облаковидных образований. Я не мог сказать, открыты мои глаза или закрыты, или где мои глаза находятся, или даже где находится мое тело. Затем я ощутил то же самое физическое чувство, хотя и не так выраженное, как в первый раз, а потом у меня было такое ощущение, будто я проснулся и оказался стоящим на скале вместе с доном Хуаном и доном Хенаро.

Дон Хуан сказал, что я опять сходил с ума, что бесполезно было прыгать, если мое восприятие прыжка собиралось быть таким хаотическим. Оба они бесчисленное количество раз шептали мне в уши, что нагваль сам по себе был бесполезен, что он должен усмиряться тоналем. Они сказали, что я должен прыгнуть охотно и осознавать свой поступок.

Я колебался не столько потому, что боялся, сколько потому, что сопротивлялся. Я ощущал свои колебания, как если бы мое тело болталось из стороны в сторону, как маятник. Затем какое-то странное настроение овладело мной, и я прыгнул всем своим физическим телом. Я хотел думать во время прыжка, но не смог. Я видел, как бы сквозь туман, стены узкого ущелья и острые камни на дне оврага. У меня не было последовательного восприятия моего спуска. Вместо этого у меня было ощущение, что я действительно нахожусь на земле на дне. Я различал каждую деталь камней в небольшом кругу вокруг себя. Я заметил, что мой взгляд не был направленным и стереоскопичным с уровня глаз, но плоским и повсюду вокруг меня. Через секунду я испугался и что-то дернуло меня вверх подобно мячику на резинке.

Дон Хуан и дон Хенаро заставляли меня выполнить прыжок вновь и вновь. После каждого прыжка дон Хуан уговаривал меня, чтобы я был менее напряжен и меньше сопротивлялся. Он повторял вновь и вновь, что секрет магов в использовании нагваля заключался в нашем восприятии. Что прыжки были просто упражнением в восприятии, и что упражнение закончится только тогда, когда я добьюсь того, что смогу воспринимать как совершенный тональ то, что находится на дне оврага.

В какой-то момент у меня возникло невообразимое ощущение. Я полностью и трезво осознавал, что стою на краю скалы, и дон Хуан с доном Хенаро шепчут мне на уши. А затем, в следующее мгновение я смотрел на дно оврага. Все было абсолютно нормально. К этому времени уже почти стемнело, но света было еще достаточно, чтобы можно было все в совершенстве узнавать, как в мире моей повседневной жизни. Я смотрел на какие-то кусты, когда услышал внезапный звук — камень, падающий вниз. Я мгновенно увидел хороших размеров камень, несущийся вниз по скале прямо ко мне. Как вспышку я увидел также дона Хенаро, сбрасывающего его. Я испытал чувство паники, и мгновение спустя я был втянут обратно на вершину скалы.

Я оглянулся, дона Хенаро больше нигде не было. Дон Хуан начал смеяться и сказал, что дон Хенаро нас покинул, потому что не мог больше выносить моей вони. Тут у меня появилось неприятное осознание того, что я действительно находился в отвратительном виде. Дон Хуан был прав, когда заставил меня снять одежду. Он провел меня к ручью, который тек поблизости, и отмывал меня как лошадь, поливая меня водой из моей шляпы и бросаясь ею в меня, в то время, как он делал смешные замечания относительно того, что спас мои штаны.

13. ПУЗЫРЬ ВОСПРИЯТИЯ

Я провел целый день один в доме дона Хенаро. Большую часть дня я спал. Дон Хуан вернулся к концу дня, и мы пошли прогуляться в полном молчании до ближайшей цепи гор. В сумерках мы остановились и сели на краю глубокого провала, пока совсем не стемнело. Тогда дон Хуан подвел меня к другому месту поблизости — монументальному утесу с совершенно вертикальной каменной стеной. Утес нельзя было заметить с той тропинки, которая к нему вела. Дон Хуан, однако, показывал его мне несколько раз ранее. Он заставил меня заглянуть через край и сказал, что весь утес был местом силы, особенно его основание, которое было в каньоне на несколько сантиметров ниже. Каждый раз, когда я смотрел на него, я испытывал неприятный озноб. Каньон всегда был темным и угрожающим. Прежде

чем мы достигли этого места дон Хуан сказал, что дальше мне следует идти одному и встретиться с Паблито на краю утеса. Он рекомендовал, чтобы я расслабился и исполнял бег силы для того, чтобы смыть свою нервную усталость.

Дон Хуан шагнул в сторону влево от тропы, и темнота просто поглотила его. Я хотел остановиться посмотреть, куда он делся, но мое тело не повиновалось. Я начал бежать, хотя был усталым настолько, что едва мог держаться на ногах. Когда я достиг утеса, я никого там не увидел и продолжал бежать на месте, тяжело дыша. Через некоторое время я расслабился. Я стоял неподвижно, прислонившись спиной к камню, и тогда заметил фигуру человека в нескольких футах от меня. Казалось, он прятал голову в руках. Я испытал момент интенсивного испуга и развернулся как пружина, но затем я объяснил самому себе, что этот человек, должно быть, Паблито, и без всяких колебаний я подошел к нему. Я громко позвал Паблито по имени. Я считал, что он, должно быть, не уверен, кто я такой, и так испугался, что прикрыл голову, чтобы не видеть. Но прежде чем я коснулся его, какой-то необъяснимый страх овладел мной. Мое тело застыло на месте с протянутой правой рукой, уже готовой коснуться его. Человек поднял голову. Это был не Паблито! Его глаза были два огромных зеркала как глаза тигра. Мое тело отскочило назад. Мои мускулы напряглись, а затем сняли напряжение без малейшего влияния со стороны моего желания. И я выполнил прыжок назад такой быстрый и такой большой, что при нормальных обстоятельствах я бы погрузился в грандиозную спекуляцию по поводу этого. Как бы то ни было, однако мой страх был настолько вне всяких пропорций, что у меня не было ни малейшей склонности к размышлениям, и я убежал бы отсюда, если бы кто-то крепко не схватил меня за руку. Ощущение, что кто-то держит меня за руку, бросило меня в полную панику. Я закричал. Однако мой крик, вместо того, чтобы быть визгом, как я думал он будет, был длинным дух захватывающим воплем.

Я повернулся лицом к своему нападающему. Это был Паблито, который трясся еще больше меня. Моя нервозность была на самом верху. Я не мог разговаривать, мои зубы стучали, и мурашки бежали у меня по спине, заставляя меня дергаться непроизвольно. Я вынужден был дышать через рот. Паблито сказал, между щелканьем зубов, что нагваль поджидал его и что он едва спасся из его когтей, когда наткнулся на меня и что я чуть не убил его своим воплем. Я хотел засмеяться и издал самые адские звуки, которые только можно вообразить. Когда я восстановил свое спокойствие, я рассказал Паблито, что, очевидно, та же самая вещь произошла со мной. Конечным результатом явилось в моем случае то, что усталость моя исчезла. Вместо этого я ощущал неудержимую волну силы и хорошего самочувствия. Паблито, казалось, испытывал те же самые ощущения. Мы начали глупо и нервно хихикать.

Я услышал звук мягких и осторожных шагов в отдалении. Я различил этот звук раньше Паблито. Он, казалось, прореагировал на то, что я застыл. У меня была уверенность, что кто-то приближается к тому месту, где мы находились. Мы повернулись в направлении звука. Секунду спустя показались силуэты дона Хуана и дона Хенаро. Они шли медленно и остановились в полутора—двух метрах от нас. Дон Хуан лицом ко мне, а дон Хенаро лицом к Паблито. Я хотел рассказать дону Хуану, что что-то испугало меня до безумия, но Паблито схватил меня за руку. Я знал, что он имеет в виду. Что-то странное было в доне Хуане и доне Хенаро. Когда я посмотрел на них, мои глаза начали выходить из фокуса.

Дон Хенаро дал резкую команду. Я не понял, что он сказал, но я знал, что он говорит, чтобы мы не раскрывали глаза.

— Темнота опустилось на мир, — сказал дон Хуан, глядя на небо.

Дон Хенаро начертил ущербный месяц на твердой земле. На мгновение мне казалось, что он использовал какой-то светящийся мел, но затем я сообразил, что он ничего не держит в руках. Я воспринимал воображаемый полумесяц, который он нарисовал своим пальцем. Он велел мне и Паблито сесть на внутреннюю кривую вогнутого края в то время как дон Хуан и он сели на концы полумесяца, скрестив ноги в полутора-двух метрах от нас.

Первым заговорил дон Хуан. Он сказал, что они собираются показать нам свои олли. Он сказал, что если мы будем смотреть слева от них между бедром и ребрами, то мы сможем «увидеть» что-то вроде тряпки или носового платка, подвешенного к их поясам. Дон Хенаро добавил, что помимо тряпочек у них на поясах были две круглых, похожих на пуговицы штучки, и что мы должны смотреть на их пояса до тех пор, пока мы не «увидим» тряпочек и пуговиц.

Прежде чем дон Хенаро договорил, я уже заметил какой-то плоский предмет, подобно куску материи, и один круглый камешек, который висел у каждого из них на поясе. Олли дона Хуана был более темным и более угрожающим, чем у дона Хенаро. Моей реакцией была смесь любопытства и страха мои реакции испытывались в животе, поскольку я ничего не судил разумным образом.

Дон Хуан и дон Хенаро достигли своих поясов и, казалось, отцепили темные кусочки материи. Они взяли их своими левыми руками. Дон Хуан подбросил свой в воздух у себя над головой, но дон Хенаро дал своему мягко опуститься на землю. Кусочки материи распахнулись, как если бы подбрасывание вверх и бросание вниз заставило их расстелиться, подобно совершенно гладким носовым платкам. Они опускались медленно, ныряя как воздушные змеи. Движение олли дона Хуана были точным повторением того, что я воспринимал как его действие, когда он кружил несколько дней назад. Когда кусочки материи стали ближе к земле, они стали твердыми, круглыми и массивными. Сначала они свернулись, как бы упав на дверную ручку, затем они расширились. Платок дона Хуана вырос в объемистую тень. Она выступила вперед и двинулась к нам, дробя мелкие камни и твердые куски земли. Она подошла к нам на один-полтора метра до самого углубления полумесяца между доном Хуаном и доном Хенаро. В какой-то момент мне казалось, что она собирается перекатиться по нам и растереть нас в пух и прах. Мой ужас в этот момент был подобен пылающему огню. Тень передо мной была гигантской, наверное около пяти метров в диаметре, и она двигалась, как бы ощупывая свою дорогу без всяких глаз. Она дергалась и раскачивалась. Я знал, что она разыскивает меня. Паблито в этот момент прижал свою голову к моей груди. Ощущение, которое его движение вызвало во мне, рассеяло часть пугающего внимания, которое я сфокусировал на тени. Тень, казалось, стала рассыпаться, судя по ее беспорядочным рывкам, а затем скрылась из вида, слившись в окружающей темноте. Я потряс Паблито. Он поднял свою голову и издал сдавленный крик. Я взглянул вверх. Незнакомый человек смотрел на меня. Он, должно быть, был сразу позади тени, может быть, прячась позади нее. Он был довольно высоким и стройным. У него было длинное лицо, совсем не было волос, и вся левая сторона его головы была покрыта болячкой или экземой какого-то рода. Его глаза были дикими и горели. Его рот был полуоткрыт. На нем был какой-то странный пижамообразный костюм. Его штаны были ему слишком коротки. Я не мог различить, был ли он обут. Он стоял, глядя на нас, казалось, долгое время, как бы ожидая просвета для того, чтобы броситься на нас и разорвать на части. Так много было ярости в его глазах. Это не была ненависть или жестокость, а какого-то сорта животное чувство недоверия. Я не мог выдержать напряжения больше. Я хотел принять боевую позицию, которой дон Хуан обучил меня несколько лет назад. И я так бы и сделал, еслибы не Паблито, который прошептал, что олли не может пересечь линию, которую Хенаро нарисовал на земле. Тогда я сообразил, что там действительно была яркая линия, которая, казалось, отделяла все, что было перед нами.

Через секунду человек двинулся прочь, налево, точно так же, как и тень ранее. У меня было ощущение, что дон Хуан и дон Хенаро отозвали их назад.

Последовала короткая спокойная пауза. Я больше не мог видеть ни дона Хуана, ни дона Хенаро. Они уже не сидели на концах полумесяца. Внезапно я услышал звук двух маленьких камешков, упавших на твердую каменистую землю, где мы сидели, и в мгновение ока весь участок перед нами был освещен расплывчатым желтоватым светом, который как бы включился. Прямо перед нами находилось огромное прожорливое животное, отвратительно выглядящий койот или волк. Все его тело было покрыто белым выделением, подобно поту или слюне. Его шерсть была взлохмачена и мокра. Глаза его были дикими. Он взвыл со слепой яростью, которая прогнала по мне дрожь. Его челюсти дрожали и клочья слюны разлетались вокруг. Он загребал ногами землю, как бешеная собака, пытающаяся сорваться с цепи. Затем он поднялся на задние ноги и стал быстро двигать передними лапами и челюстями. Вся его ярость, казалось, была сконцентрирована на том, чтобы сломать какой-то барьер перед нами.

Я осознал, что мой страх перед этим бешеным животным был другого сорта, чем страх перед теми двумя привидениями, которых я видел раньше. К этому животному я испытывал физическое отвращение и ужас. Я продолжал смотреть в полном бессилии на его ярость. Внезапно он, казалось, потерял свою дикость и убежал из виду.

Затем я услышал, что что-то еще приближается к нам. Или может быть, я почувствовал это. Совершенно внезапно фигура колоссальной кошки появилась перед нами. Сначала я видел ее глаза в темноте. Они были огромными и неподвижными как два озера воды, отражающие свет. Она тихо всхрапнула и зарычала. Она выдохнула воздух и двинулась взад-вперед перед нами, не отрывая от нас глаз. Она не обладала тем электрическим свечением, каким обладал койот. Я не мог ясно различить ее детали, и, однако, ее присутствие было бесконечно более опасным, чем присутствие другого зверя. Она, казалось, собирала силу. Я чувствовал, что этот зверь настолько смел, что он превзойдет свои границы. У Паблито, должно быть, было подобное чувство, потому что он прошептал, что мне следует пригнуть голову и лечь почти вплотную к земле. Через секунду кошка прыгнула. Она побежала к нам, а затем прыгнула с лапами, вытянутыми вперед. Я закрыл глаза и

спрятал голову в руках, прижавшись к земле. Я ощутил, что животное разорвало защитную линию, которую дон Хенаро начертил вокруг нас, и что оно уже находится сверху нас. Я чувствовал ее вес, прижимающий меня к земле. Мех ее брюха терся о мою шею. Казалось, ее передние ноги в чем-то завязли, она дергалась, чтобы освободиться. Я ощущал ее рывки и дерганья и слышал ее дьявольское пыхтение и сопение. Тогда я понял, что я пропал. У меня было смутное чувство разумного выбора, и я хотел спокойно отдаться своей судьбе в том, что я умру здесь. Но я боялся физической боли умирания при таких ужасных обстоятельствах. Затем какая-то странная сила вырвалась из моего тела. Казалось, что мое тело отказалось умирать и собрало всю свою силу в мою левую руку. Я почувствовал неодолимую волну, идущую по ней. Что-то неконтролируемое охватывало мое тело. Что-то такое, что заставило меня столкнуть массивный и опасный груз животного с нас. Паблито реагировал точно также, и мы оба поднялись сразу. Так много энергии было создано нами обоими, что животное отлетело как тряпичная кукла. Усилие было свыше меня. Я свалился на землю, хватая воздух. Мышцы моего живота были так напряжены, что я не мог дышать. Я не обращал внимания на Паблито и на то, что он делает. Наконец, я заметил, что дон Хуан и дон Хенаро помогают мне сесть. Я увидел Паблито, распростертого на земле лицом вниз с распростертыми руками. Казалось, он потерял сознание. После того, как они усадили меня, дон Хуан и дон Хенаро помогли Паблито. Оба они растирали его живот и спину. Они помогли ему подняться и через некоторое время он мог снова сесть сам.

Дон Хуан и дон Хенаро уселись на концах полумесяца, а затем они начали двигаться перед нами, как если бы между двумя концами был какой-то рельс. Рельс, который они использовали для того, чтобы менять свое положение туда и сюда с одного конца на другой. От их движения у меня закружилась голова. Они, наконец, остановились рядом с Паблито и начали шептать ему на ухо. Через секунду они поднялись все трое сразу и пошли по краю утеса. Дон Хенаро поднял Паблито как если бы тот был ребенком. Тело Паблито было твердым как доска. Дон Хуан держал Паблито за щиколотки. Они раскачали его, видимо, чтобы набрать инерцию и силу, а затем отпустили, забросив его тело в бездну через край куста. Я видел тело Паблито на фоне темного западного неба. Оно описывало круги точно так же, как раньше это делало тело дона Хуана. Круги были медленными. Паблито, казалось, набирал высоту вместо того, чтобы падать вниз. Затем круги стали ускоряться. На секунду тело Паблито завертелось как диск, а затем растаяло. Я воспринял это так, как будто он исчез в воздухе. Дон Хуан и дон Хенаро подошли ко мне, опустились на корточки и начали шептать мне в уши. Каждый из них говорил разное, однако я не имел затруднений в том, чтобы следовать их командам. Казалось, я был расщеплен в тот же момент, когда они издали свои первые слова. Я чувствовал, что они делают со мной то же самое, что они делали с Паблито. Дон Хенаро раскрутил меня, а затем у меня было совершенно сознательное ощущение вращения или парения на какой-то момент. Затем я несся сквозь воздух, падая вниз на землю с огромной скоростью. Падая, я чувствовал, что моя одежда срывается с меня, затем мое мясо слетело с меня, и, наконец, что мое тело расчленилось. Я потерял свой чрезмерный вес, и таким образом мое падение потеряло свою инерцию, а моя скорость уменьшилась. Мое снижение было больше пикированием. Я начал двигаться взад-вперед, как листик, затем моя голова лишилась своего веса, и все, что осталось от «меня», был квадратный сантиметр огорченного тонкого галькоподобного осадка. Все мое чувство было сконцентрировано здесь.

Затем неприятный осадок, казалось, взорвался на тысячи кусков. Я знал или что-то где-то знало, что я осознаю тысячи кусочков как один. Я был самим осознанием. Затем какая-то часть моего осознания начала собираться. Она росла, увеличивалась. Она стала локализованной, и мало по малу я обрел чувство границ сознания или чего бы то ни было. И внезапно тот «я» с которым я был знаком, превратился в захватывающий вид всех вообразимых комбинаций «прекрасных» видов. Это было, как если бы я смотрел на тысячи картин мира, людей и вещей.

Затем сцена стала туманной. У меня было ощущение, что сцены проносятся перед моими глазами на более высокой скорости, пока я ни одну из них не мог уже выделить для рассмотрения. Наконец, стало так, как будто бы я рассматриваю всю организацию мира, катящуюся перед моими глазами неразрывной бесконечной цепью.

Внезапно я опять оказался стоящим с доном Хуаном и доном Хенаро на скале. Они прошептали, что выдернули меня назад, и что я был свидетелем неизвестного, о котором никто не сможет разговаривать. Они сказали, что собираются швырнуть меня в него еще раз и что я должен позволить развернуться крыльям своего восприятия так, чтобы они коснулись одновременно и тоналя и нагваля, а не бросались от одного к другому.

У меня опять было ощущение, что меня раскрутили, бросили, ощущение падения, вращения на огромной скорости. Затем я взорвался, я распался. Что-то во мне поддалось.

Оно освободило что-то такое, что я всю свою жизнь держал замкнутым. Я полностью осознавал тогда, что затронут мой секретный резервуар и что он неудержимо хлынул наружу. Больше не существовало сладкого единства, которое я называл «я». Не было ничего, и, тем не менее, это ничто было наполнено. Это не была темнота или свет. Это не был холод или жара. Это не было приятное или неприятное. Не то, чтобы я двигался или парил, или был неподвижен. И не был я также единой единицей, самим собой, которым я привык быть. Я был миллиардами частиц, которые все были мной. Колонии раздельных единиц, которые имели особую связь одна с другой и могли объединиться, чтобы неизбежно сформировать единое осознание, мое человеческое осознание. Не то, чтобы я «знал» вне тени сомнений, потому что мне нечем было «знать», но все мое единое осознание «знало», что «я» и «меня» знакомого мира было колонией, конгломератом раздельных и независимых ощущений, которые имели неразрывную связь одно с другим. Неразрывная связь моих бесчисленных осознаний, то отношение, которое эти части имели одна к другой, были моей жизненной силой.

Способом описать это объединенное ощущение было бы сказать, что эти крупинки осознания были рассеяны. Каждая из них осознавала себя, и ни одна не была более важной, чем другая. Затем что-то согнало их, и они объединились в одно облако, в «меня», которого я знал. Когда «я», «я сам» оказывался таким, то я мог быть свидетелем связных сцен деятельности мира, или сцен, которые относились к другим мирам и которые, я считаю, были чистым воображением, или сцен, которые относились к «чистому мышлению», то-есть я видел интеллектуальные системы или идеи, стянутые вместе, как словесные выражения. В некоторых сценах я от души разговаривал сам с собой. После каждой из этих связных картин «я» распадался опять в ничто.

Во время одной из этих экскурсий в связную картину я оказался на скале с доном Хуаном. Я мгновенно сообразил, что я — это тот «я», с которым я знаком. Я ощущал себя физически как реального. Я скорее находился в мире, чем просто смотрел на него.

Дон Хуан обнял меня, как ребенок. Он посмотрел на меня. Его лицо было очень близко. Я мог видеть его глаза в темноте. Они были добрыми. Казалось, в них был вопрос. Я знал, что это за вопрос. Невыразимое действительно было невыразимым.

— Ну? — сказал он тихо, как если бы ему нужно было мое подтверждение.

Я был бессловесен. Слова «онемелый», «ошеломленный», «смущенный» и так далее ни в коей мере не могли описать моих чувств в данный момент. Я не был твердым. Я знал, что дону Хуану пришлось схватить меня и удерживать меня силой на земле, иначе бы я взлетел в воздух и исчез. Я не боялся исчезнуть. Меня страстно тянуло в «неизвестное», где мое осознание не было объединенным.

Наваливаясь на мои плечи, дон Хуан медленно привел меня к тому месту, где находился дом дона Хенаро. Он заставил меня лечь, а затем покрыл меня мягкой землей из кучи, которая, казалось, была приготовлена заранее. Он засыпал меня до шеи. Из листьев он сделал мягкую подушку, на которой могла лежать моя голова, и велел мне не двигаться и совершенно не спать. Он сказал, что собирается сидеть тут же и составлять мне компанию до тех пор, пока земля вновь не затвердит мою форму.

Я чувствовал себя очень удобно и почти необоримо хотел спать. Дон Хуан не позволял мне. Он требовал, чтобы я разговаривал о чем угодно под солнцем, коме того, что я испытал. Сначала я не знал, о чем говорить, затем я спросил о доне Хенаро. Дон Хуан сказал, что дон Хенаро забрал Паблито и зарыл его где-то поблизости, делая с ним то же самое, что он делает со мной.

У меня было желание поддерживать разговор, но что-то во мне было нецельным. У меня было необычное безразличие, усталость, которая больше походила на душевное утомление. Дон Хуан, казалось, знал, что я чувствую. Он начал говорить о Паблито и о том, как взаимосвязаны наши судьбы. Он сказал, что стал бенефактором Паблито в то же самое время, когда дон Хенаро стал его учителем, и что сила спаривала меня и Паблито шаг за шагом. Он заметил, что единственным различием между Паблито и мною было то, что в то время, как мир Паблито как воина находился в царстве насилия и страха, мой мир управлялся восхищением и свободой. Дон Хуан объяснил, что такая разница вызвана совершенно различными личностями бенефакторов. Дон Хенаро был мягким, привлекательным и забавным, в то время как сам он был сухим, строгим и прямым. Он сказал, что моя личность требовала сильного учителя, но нежного бенефактора, и что Паблито был противоположностью. Ему нужен был добрый учитель и суровый бенефактор.

Мы продолжали еще некоторое время разговаривать, а затем настало утро. Когда над восточными пиками гор показалось солнце, он помог мне подняться из-под земли.

После того, как я проснулся во второй половине дня, мы с доном Хуаном сидели у дверей дона Хенаро. Дон Хуан сказал, что дон Хенаро все еще находится с Паблито, подготавливая его к последней встрече.

— Завтра ты и Паблито отправитесь в неизвестное, — сказал он. — я должен подготовить тебя к этому сейчас. Вы пойдете туда самостоятельно. Прошлой ночью вы были, как мячики на резинке, и мы вас дергали взад и вперед. Завтра вы будете в своих собственных руках.

У меня появился зуд любопытства, и вопросы о том, что со мной произошло прошлой ночью, хлынули из меня. Мой поток не затронул его.

— Сегодня я должен выполнить самый критический маневр, — сказал он. — я должен в последний раз разыграть с тобой трюк. И ты должен клюнуть на мой трюк.

Он засмеялся и хлопнул себя по ляжкам.

— То, что Хенаро хотел показать вам первым упражнением прошлой ночью, было то, как маги используют нагваль, — продолжал он. — нет способа подобраться к объяснению магов, если по своей воле не используешь нагваль, или, скорее, если по своей воле не используешь тональ для того, чтобы твои действия в нагвале обрели смысл. Еще один способ прояснить все это — это сказать, что вид тоналя должен превалировать, если собираешься использовать нагваль так, как это делают маги.

Я сказал ему, что нахожу несоответствие в том, что он только что сказал. С одной стороны, два дня назад он дал мне невероятный пересказ своих поразительных действий в течение ряда лет. Действий, нацеленных на то, чтобы повлиять на мою картину мира. А с другой стороны, он хочет, чтобы эта же самая картина превалировала.

— Одно с другим никак не связано, — сказал он. — порядок в нашем восприятии относится исключительно к тоналю. Только там наши действия могут иметь последовательность. Только там они являются лесенкой, на которой можно пересчитать ступеньки. В нагвале ничего подобного нет. Поэтому картина тоналя — это инструмент, а как таковой, он не только лучший инструмент, но и единственный, который мы имеем.

Прошлой ночью пузырь твоего восприятия раскрылся, и его крылья развернулись. Больше нечего сказать об этом. Невозможно объяснить, что с тобой произошло, поэтому я не собираюсь пытаться, и тебе не следует тоже. Достаточно сказать, что крылья твоего восприятия были сделаны для того, чтобы коснуться твоей целостности. Прошлой ночью ты вновь и вновь двигался между нагвалем и тоналем. Тебя дважды забрасывали для того, чтобы не осталось возможности ошибок. Во второй раз ты испытал свое путешествие полностью, путешествие в неизвестное. И твое восприятие развернуло свои крылья, когда что-то внутри тебя поняло свою истинную природу. Ты — клубок.

— Это объяснение магов. Нагваль невыразим. Все возможные ощущения и существа и личности плавают в нем, как баржи, мирно, неизменно, всегда. Затем клей жизни связывает их вместе. Ты сам обнаружил это прошлой ночью. А также Паблито. И также Хенаро, когда он первый раз путешествовал в неизвестное. И также я. Когда клей жизни связывает эти чувства вместе, создается существо, которое теряет ощущение своей истинной природы и становится ослепленным сиянием и суетой того места, где оно оказалось, тоналем. Тональ — это то, где существует всякая объединенная организация. Существо впрыгивает в тональ, как только сила жизни свяжет все необходимые ощущения вместе. Я однажды говорил тебе, что тональ начинается с рождением и кончается смертью. Я сказал это, потому что знаю, что как только сила жизни оставляет тело, все эти единые осознания распадаются и возвращаются назад, туда, откуда они пришли — в нагваль. То, что делает воин, путешествуя в неизвестное, очень похоже на умирание, за исключением того, что его клубок единых ощущений не распадается, а расширяется немного, не теряя своей целостности. В смерти, однако, они тонут глубоко и более независимо, как если бы они никогда не были единым целым.

Я хотел сказать ему, насколько точно совпадали его заявления с моим опытом, но он не дал мне говорить.

— Нет способа говорить о неизвестном, — сказал он. — можно быть только свидетелем его. Объяснение магов говорит, что каждый из нас имеет центр, из которого можно быть свидетелем нагваля — волю. Поэтому воин может отправляться в нагваль и позволить своему клубку складываться и перестраиваться всевозможными образами. Я уже говорил тебе, что выражение нагваля — это личное дело. Я имел в виду, что от самого воина зависит направлять перестройки этого клубка. Человеческая форма или человеческое чувство являются первоначальными. Может быть, это самая милая форма из всех для нас. Есть, однако, бесконечное количество других форм, которые может принять клубок. Я говорил тебе, что маг может принять любую форму, какую хочет. Это правда. Воин, который владеет целостностью самого себя, может направить частицы своего клубка, чтобы они объединились любым вообразимым образом. Смысл жизни — это то, что делает такие объединения

возможными. Когда сила жизни выдохнется, то уже нет никакого способа вновь собрать клубок.

Я назвал этот клубок пузырем восприятия. Я сказал также, что он запечатан, закрыт накрепко и что он никогда не открывается до момента нашей смерти. Тем не менее, его можно открыть. Маги, очевидно, узнали этот секрет, и хотя не все они достигли целостности самих себя, они знали о возможности этого. Они знали, что пузырь открывается только тогда, когда погружаешься в нагваль. Вчера я дал тебе пересказ всех тех шагов, которые ты сделал, чтобы прибыть к этой точке.

Он пристально посмотрел на меня, как бы ожидая замечания или вопроса. То, что он сказал, было вне всяких замечаний. Я понял тогда, что если бы он сказал мне все это четырнадцать лет назад, что все бы это прошло без последствий. Или же, если бы он сказал мне все это в любой момент ученичества. Важным являлся тот факт, который я испытал своим телом или внутри него, опыт, который явился основой его объяснения.

— Я жду твоего обычного вопроса. — сказал он, медленно произнося свои слова.

— Какого вопроса? — спросил я.

— Того, который не терпится задать твоему разуму.

— Сегодня я устраняюсь от всех вопросов. У меня действительно нет ни одного, дон Хуан.

— Это нечестно, — сказал он смеясь. — есть один особый вопрос, который мне нужно, чтобы ты задал.

Он сказал, что если я выключу внутренний диалог просто на мгновение, то я смогу понять, что это за вопрос. Ко мне пришла внезапная мысль, моментальное озарение, и я знал, чего он хочет.

— Где находилось мое тело в то время, как все это происходило со мной? — спросил я, и он схватился за живот от хохота.

— Это последний из трюков магов, — сказал он. — скажем так, что я собираюсь тебе раскрыть, является последней крупинкой объяснения магов. До этого момента твой разум наобум следовал за моими поступками. Твой разум хочет принять, что мир не такой, каким его рисует описание, что в мире еще очень много всякого помимо того, что встречает глаз. Твой разум почти хочет и готов признать, что твое восприятие гуляло вверх и вниз по тому утесу и что что-то в тебе или, может быть, весь ты прыгал на дно ущелья и осматривал глазами тоналя то, что там находится, как если бы ты спускался туда с помощью веревки и лестницы. Этот акт осмотра дна ущелья был венцом всех этих лет тренировки. Ты сделал это хорошо. Хенаро увидел кубический сантиметр шанса, когда он бросил камень в тебя, который находился на дне оврага. Ты видел все. Мы с Хенаро поняли тогда без всяких сомнений, что ты готов к тому, чтобы тебя забросить в неизвестное. В тот момент ты не только видел, но ты и знал все о дубле, другом.

Я прервал его и сказал, что он оказывает мне незаслуженное доверие в чем-то таком, что находится вне моего понимания. Его ответом было, что мне нужно время для того, чтобы все эти впечатления осели и что, как только я это сделаю, ответы польются на меня точно так же, как лились из меня вопросы в прошлом.

— Секрет дубля заключается в пузыре восприятия, который в твоем случае той ночью был на вершине скалы и на дне ущелья в одно и то же время, — сказал он. — клубок чувств можно мгновенно собирать всюду. Иными словами, можно воспринимать здесь и там одновременно.

Он уговаривал меня подумать и вспомнить последовательность событий, которые, как он сказал, являлись столь же обычными, что я почти забыл их.

Я не знал, о чем он говорит. Он уговаривал меня попытаться еще.

— Думай о своей шляпе, — сказал он. И подумай о том, что Хенаро с ней сделал.

Я испытал потрясающий момент воспоминания. Я забыл, что действительно, Хенаро хотел, чтобы я снял свою шляпу, потому что она все время спадала, сдуваемая ветром, но я не хотел с ней расставаться. Я чувствовал себя глупо, будучи голым. То, что на мне была шляпа, которую я обычно не носил, давало мне незнакомое ощущение. Я был действительно не самим собой, а в этом случае быть без одежды не казалось столь неудобным. Дон Хенаро попытался поменяться со мной шляпами, но его была слишком мала для моей головы. Он отпускал шутки по поводу размеров моей головы и пропорций моего тела и в конце концов снял мою шляпу и обмотал мою голову старым пончо наподобие тюрбана.

Я сказал дону Хуану, что я забыл об этих событиях, которые, я уверен, произошли где-то между моими так называемыми прыжками, и однако же, мое воспоминание об этих прыжках было как единое непрерывное целое.

— Они действительно были непрерывным целым и таким же целым было шутовство Хенаро с твоей шляпой, — сказал он. — эти два воспоминания нельзя уложить одно за другим, потому что они происходили одновременно.

Он заставил пальцы своей левой руки двигаться так, как будто бы они не могли пройти между пальцами его правой руки.

— Эти воспоминания были только началом, — продолжал он. — затем пришла твоя настоящая экскурсия в неизвестное. Прошлой ночью ты испытал невыразимое — нагваль. Твой разум не может бороться с физическим знанием, что ты являешься безыменным клубком ощущений. Твой разум в этой точке может даже признать, что есть другой центр — воля, через который невозможно судить, или оценивать, или использовать необычные эффекты нагваля. Твоему разуму, наконец, стало ясно, что нагваль можно отражать через волю, хотя его никогда нельзя объяснить.

Но затем приходит твой вопрос. Где я находился, когда все это имело место. Где было мое тело? Убеждение в том, что есть реальный ты, является следствием того факта, что ты перекатил все, что у тебя было поближе к разуму. В данный момент твой разум признает, что нагваль невыразим не потому, что доказательства его убедили в этом, но потому, что признавать это для него безопасно. Твой разум на безопасной земле. Все элементы тоналя на его стороне.

Дон Хуан сделал паузу и осмотрел меня. Его улыбка была доброй.

— Пойдем к месту предрасположения дона Хенаро, — сказал он отрывисто.

Он поднялся, и мы пошли к тому камню, на котором мы разговаривали два дня назад. Мы удобно уселись на тех же самых местах, прислонившись спинами к камню.

— Постоянной задачей учителя является делать все, чтобы разум чувствовал себя в безопасности, — сказал он. — я трюком подвел твой разум к тому, что он поверил, будто бы тональ понятен и объясним. Мы с Хенаро трудились для того, чтобы дать тебе впечатление, будто бы только нагваль находится за границами объяснения. Доказательством того, что наши маневры были успешными, является то, что в настоящий момент ты, несмотря на все, жив.

Через что прошел, считаешь, что есть еще какой-то участок, который ты можешь назвать своим собственным, своим разумом. Это мираж. Твой драгоценный разум является только центром сбора, зеркалом, которое отражает все то, что находится вне его. Прошлой ночью, ты был свидетелем не только неописуемого нагваля, но также неописуемого тоналя.

Последний пункт объяснения магов говорит, что разум просто отражает наружный порядок и что разум ничего не знает об этом порядке. Он не может объяснить его так же, как он не может объяснить нагваль. Разум может только свидетельствовать эффекты тоналя, но никогда он не сможет понять его или разобраться в нем. Уже то, что мы думаем и говорим, указывает на какой-то порядок, которому мы следуем, даже не зная, того как мы это делаем, или того, чем является этот порядок.

Тогда я привел идею исследований западного человека в работах над мозгом и над возможностью объяснения того, чем этот порядок является. Он указал, что все эти исследования сводятся к тому чтобы признавать, что что-то происходит.

— Маги делают то же самое своей волей, — сказал он. — они говорят, что через волю они могут быть свидетелями эффектов нагваля. Я могу добавить теперь, что через разум, вне зависимости от того, что мы делаем или как мы это делаем, мы просто свидетельствуем эффекты тоналя. В обоих случаях нет никакой надежды когда-либо понять или объяснить, чему именно мы являемся свидетелями.

Прошлой ночью ты в первый раз взлетел на крыльях своего восприятия. Ты был еще очень боязлив. Ты отправился только в полосу человеческих восприятий. Маг может использовать эти крылья, чтобы коснуться других ощущений.

Например, вороны, койота, сверчка или порядка других миров в этом бесконечном пространстве.

— Ты имеешь в виду другие планеты, дон Хуан?

— Конечно, крылья восприятия могут унести нас в удаленнейшие пространства нагваля или в невообразимые миры тоналя.

— А может ли маг, например, отправиться на луну?

— Конечно, может, — ответил он. Но он не сможет оттуда принести мешок камней. Мы посмеялись и пошутили об этом, но его заявление было сделано с совершенной серьезностью.

— Мы прибыли к последней части объяснения магов, — сказал он. — прошлой ночью мы с Хенаро показали тебе две последние точки, которые образуют целостность человека — нагваль и тональ. Я однажды говорил тебе, что эти точки находятся вне нас и в то же время, это не так. Это парадокс светящегося существа. Тональ каждого из нас является просто отражением того неописуемого и неизвестного, что наполнено порядком. Нагваль каждого из нас является только отражением той неописуемой пустоты, которая содержит все.

Теперь ты должен посидеть на месте расположения Хенаро до сумерек. К тому времени ты поместишь объяснение магов на место. Так как ты сидишь сейчас здесь, ты не имеешь ничего, за исключением силы своей жизни, которая связывает клубок ощущений.

Он поднялся.

— Задача завтрашнего дня состоит в том, чтобы броситься в неизвестное самому, в то время как мы с Хенаро будем следить за тобой не вмешиваясь, — сказал он. — сядь здесь и выключи свой внутренний диалог. Ты можешь собрать силу, необходимую для того, чтобы развернуть крылья своего восприятия и полететь в эту бесконечность.

14. РАСПОЛОЖЕНИЕ ДВУХ ВОИНОВ

Дон Хуан разбудил меня на самом рассвете. Он вручил мне переносную флягу с водой и сумку с сухим мясом. Пару миль мы шли в молчании до того места, где я оставил свою машину двумя днями раньше.

— Это путешествие — наше последнее путешествие вместе, — сказал он спокойным голосом, когда мы прибыли к моей машине. Я ощутил сильный толчок в моем животе. Я знал, что он имеет в виду.

Он прислонился к переднему бамперу, пока я открывал дверцу, и смотрел на меня с таким чувством, какого я никогда раньше в нем не замечал. Мы сели в машину, но прежде чем я завел мотор, он сделал несколько неясных замечаний, которые я тоже понял в совершенстве. Он сказал, что у нас есть несколько минут, чтобы посидеть в машине и коснуться некоторых чувств очень личного характера.

Я сидел спокойно, но на душе у меня было беспокойство. Я хотел что-то сказать ему, что-то такое, что существенно успокоило бы меня. Я напрасно искал подходящих слов, той формулы, которая, как я знал, выразила бы то, что я «знал» и без слов. Дон Хуан заговорил о маленьком мальчике, которого я когда-то знал, и о том, как мои чувства к нему неизменны с годами и расстоянием. Дон Хуан сказал, что он уверен, что всегда, когда я думаю об этом мальчике, моя душа радостно подпрыгивает, и я без следа эгоизма или мелочности желаю ему всего лучшего.

Он напомнил мне о той истории, которую я ему когда-то рассказал о маленьком мальчике. Историю, которая ему понравилась и в которой он находил глубокое значение. Во время одной из наших прогулок в горах вблизи Лос-Анжелеса маленький мальчик устал идти и я вынужден был посадить его к себе на плечи. Волна бесконечного счастья охватила нас тогда, и мальчик выкрикивал свои благодарности солнцу и горам.

— Это был его способ прощания с тобой, — сказал дон Хуан. Я почувствовал боль от того, что у меня перехватило горло.

— Есть много способов прощания, — сказал он. — наилучший способ, пожалуй, это удержать конкретное воспоминание радости. Например, если ты живешь, как воин, то тепло, которое ты ощущал, когда маленький мальчик ехал на твоих плечах, будет свежим и неизменным все время, пока ты живешь. Это способ прощания воина.

Я поспешно включил мотор и поехал быстрее, чем обычно, по каменистой почве до тех пор, пока мы не попали на грунтовую дорогу.

Небольшое расстояние мы ехали, а затем прошли остальной путь пешком. Примерно через час мы прибыли к роще деревьев. Дон Хенаро, Паблито и Нестор были там, ожидая нас. Я поздоровался с ними. Все они, казалось, были счастливы и полны энергии. Когда я посмотрел на них и на дона Хуана, меня охватило чувство глубокой привязанности ко всем ним. Дон Хенаро обнял меня и похлопал меня ласково по спине. Он сказал Нестору и Паблито, что я прекрасно выполнил прыжки на дно ущелья. Держа руку все еще на моем плече, он обратился к ним громким голосом:

— Да, господа, — сказал он, глядя на них. — я его бенефактор, и я знаю, что это было действительно достижением. Это было венцом многих лет жизни воина.

Он повернулся ко мне и положил мне на плечо другую руку. Его глаза были блестящими и спокойными.

— мне нечего сказать тебе, Карлитос, — сказал он, медленно произнося слова, — за исключением того, что у тебя необычайное количество экскрементов в кишках.

При этом он и дон Хуан взвыли от смеха так, что казалось, он вот-вот потеряют сознание. Паблито и Нестор нервно хихикали, не зная в точности что делать.

Когда дон Хуан и дон Хенаро успокоились, Паблито сказал мне, что он не уверен в своей способности пойти в неизвестное самому.

— Я действительно не имею ни малейшей идеи, как это сделать, — сказал он. — Хенаро говорит, что ничего не нужно кроме неуязвимости, как ты думаешь?

Я сказал ему, что знаю еще меньше, чем он. Нестор вздохнул, будучи, казалось, действительно озабоченным. Он подвигал руками и ртом нервно, как бы собираясь вот-вот сказать что-то важное и не зная, как это сделать.

— Хенаро говорит, что вы оба сделаете это, наконец сказал он.

Дон Хенаро сделал знак рукой, что мы уходим. Он с доном Хуаном шел впереди в нескольких метрах от нас. Мы шли по одной и той же горной тропе почти целый день. Мы шли в полном молчании и ни разу не останавливались. Все мы несли с собой сухое мясо и флягу воды. Отсюда следовало, что мы будем есть, пока идем. В каком-то месте тропа определенно стала дорогой. Она обогнула гору и внезапно перед нами открылся вид долины. Это был дух захватывающий вид. Длинная зеленая долина, отсвечивающая под лучами солнца. Над ней нависли две великолепные радуги, и повсюду над окрестными холмами были видны участки дождя.

Дон Хуан перестал идти и вздернул подбородок, указывая на что-то внизу в долине дону Хенаро. Дон Хенаро покачал головой. Это не был ни отрицательный, ни положительный жест, он больше походил просто на кивок головы. Оба они стояли неподвижно долгое время, глядя в долину.

Тут мы покинули дорогу и, казалось, стали срезать угол, пойдя напрямик. Мы начали спускаться по более узкой и неровной тропе, которая вела к северной части долины.

Когда мы достигли равнины, был уже полдень. Меня охватил сильный запах речных ив и мокрой почвы. На какое-то мгновение на деревьях слева от меня был виден дождь, подобный мягкому зеленому шороху. Затем он только поколыхивал листья. Я слышал журчание ручья. На секунду я остановился послушать. Я взглянул на вершины деревьев. Высокие, слоистые облака на западном горизонте выглядели, как клочья ваты, рассеянные по небу. Я стоял там, наблюдая за облаками довольно долго, так, что все остальные ушли далеко вперед. Я побежал за ними.

Дон Хуан и дон Хенаро остановились и повернулись сразу. Их глаза двигались и застыли на мне с такой точностью и таким единством, что казалось, они были единым лицом. Это был короткий поразительный взгляд, который вызвал озноб у меня на спине. Затем дон Хенаро засмеялся и сказал, что я бегу, топая, как трехсотфунтовый плоскостопый мексиканец.

— Почему мексиканец? — спросил дон Хуан.

— Плоскостопый трехсотфунтовый индеец не бегает, — сказал дон Хенаро, объясняя.

— О, — сказал дон Хуан, как если бы дон Хенаро действительно объяснил ему что-то.

Мы пересекли узкую сочную зеленую долину и забрались на горы с востока. В конце дня мы, наконец, пришли к остановке на вершине плоского загроможденного камнями утеса, нависшего над долиной с юга. Растительность резко изменилась. Всюду вокруг нас находились выветренные горы. Земля в долине и по бокам холмов была размежевана и обработана, и, однако же, весь ландшафт давал мне чувство отдаленности.

Солнце уже было низко над юго-западным горизонтом. Дон Хуан и дон Хенаро позвали нас на северный край утеса. С этого места ландшафт открывался более гористый. Тут были бесконечные долины и горы к северу и гребень высоких гор на западе. Солнечный свет, отражаясь на далеких северных горах, делал их оранжевыми, таким же, как окраска облаков на западе. Пейзаж, несмотря на свою красоту, был печальным и одиноким.

Дон Хуан вручил мне мой блокнот, но я не чувствовал желания делать заметки. Мы сели полукругом с доном Хуаном и доном Хенаро по бокам.

— Ты начал путь знания, записывая, и ты закончишь его так же, — сказал дон Хуан.

Все они уговаривали меня писать, как если бы это было существенно.

— Ты на самом краю, Карлитос, — сказал дон Хенаро внезапно. — и ты, и Паблито, — вы оба.

Его голос был мягким. Без своих шутливых оттенков он звучал добрым и озабоченным.

— Другие воины, путешествуя в неизвестность, останавливались на этом самом месте, — сказал он. Все они желают вам двоим добра.

Я чувствовал, как что-то рвется вокруг меня, как если бы воздух был наполовину твердым, и что-то создало волну, которая прорвалась сквозь него.

— Все мы здесь желаем вам всего хорошего, — сказал он. Нестор обнял Паблито и меня, а затем сел в стороне от нас.

— У нас еще есть время, — сказал дон Хенаро, глядя на небо. А затем повернувшись к Нестору, он добавил: — чем мы пока будем заниматься?

— Мы должны смеяться и развлекать друг друга, — ответил Нестор быстро.

Я сказал дону Хуану, чтоя боюсь того, что меня ожидает, и что я определенно был трюком вовлечен во все это. Я, который даже не воображал ситуации, подобной той, в которой мы с Паблито сейчас оказались. Я сказал, что что-то действительно пугающее овладело мной и

мало-помалу подталкивало меня, пока я не оказался лицом к лицу с чем-то, что может быть хуже смерти.

— Ты жалуешься, — сказал дон Хуан сухо. Ты чувствуешь жалость к самому себе до последней минуты.

Они все рассмеялись. Он был прав. Что за необоримая тяга! А я-то думал, что изгнал ее из своей жизни. Я попросил их всех простить мой идиотизм.

— Не извиняйся, — сказал мне дон Хуан. — извинения — это чепуха. Что действительно имеет значение, так это быть неуязвимым воином в этом уникальном месте силы. На этом месте были лучшие воины. Будь таким же, какими были они.

Затем он обратился к Паблито и ко мне, к обоим.

— Вы уже знаете, что это последняя задача, в которой мы будем вместе, — сказал он. — вы войдете в нагваль и тональ путем одной своей личной силы. Хенаро и я находимся здесь только для того, чтобы попрощаться с вами. Сила определила, чтобы Нестор был свидетелем. Да будет так.

Это будет также последним перекрестком у вас, свидетелем которого будем мы с Хенаро. Как только вы войдете в неизвестное сами, вы уже не сможете зависеть от нас в том, чтобы возвратиться, поэтому это решение спорное. Вы можете решить, возвращаться или нет. Мы уверены, что у вас двоих хватит силы вернуться, если вы решите это сделать. Прошлой ночью вы смогли в совершенстве вместе или по отдельности отшвырнуть олли, который иначе раздавил бы вас до смерти. Это было испытанием вашей силы.

Я могу добавить также, что мало воинов остаются живыми после встречи с неизвестным, которое сейчас ждет вас. Не столько потому, что это трудно, но потому, что нагваль привлекателен вне всяких слов, и воины, которые отправляются в него, находят, что возвращаться к тоналю или к миру порядка шума и боли неприятнейшее дело.

Решение остаться или вернуться делается чем-то внутри нас, что не является ни нашим разумом, ни нашим желанием, а нашей волей. Поэтому невозможно заранее узнать исход.

Если вы выберете не возвращаться, то вы исчезнете, ка если бы земля поглотила вас. Но если вы выберете вернуться на эту землю, то вы должны будете ждать, как истинные воины, они будут закончены или успехом или неудачей, вы обретете власть над целостностью самих себя.

Дон Хуан на секунду остановился. Дон Хенаро посмотрел на меня и подмигнул.

— Карлитос хочет узнать, что это значит, обрести власть над целостностью самого себя? — сказал он, и все засмеялись.

Он был прав. При любых других обстоятельствах я бы спросил это, однако ситуация была слишком мрачной для вопросов.

— Это означает, что воин в конце концов встретился с силой, — сказал дон Хуан.

— Никто не может сказать, что каждый воин будет с ней делать. Может быть вы двое будете бродить мирно и незаметно по лицу земли, или может быть вы вернетесь чтобы стать ненавидимыми людьми, а может быть почитаемыми или добрыми. Все это зависит от неуязвимости и свободы вашего духа.

Важной вещью, однако, является ваша задача. Это дар, который делает учитель и бенефактор своим ученикам. Я надеюсь, что вы оба успешно доведете свои задачи до их кульминации.

— Ожидание, чтобы выполнить эту задачу, является весьма особым ожиданием, — сказал дон Хенаро совершенно внезапно. — и я собираюсь рассказать вам историю о племени воинов, которое жило в другие времена на горах где-то в том направлении, — он небрежно указал на восток, но затем, после секундного колебания он, казалось, изменил решение, поднялся и указал на далекие северные горы.

— Нет, они жили в том направлении, — сказал он, глядя на меня и улыбаясь со знающим видом. — в точности в 135 километрах отсюда.

Дон Хенаро, должно быть, изображал меня. Его рот и лоб были наморщенными, его руки были плотно прижаты к груди, удерживая какой-то воображаемый предмет, который, должно быть, был записной книжкой. Он принял очень смешную позу. Я однажды встретился с немецким студентом синологом, который выглядел в точности так. Мысль о том, что все это время, может быть, бессознательно я подражал гримасам немецкого синолога, была забавной для меня. Я засмеялся про себя. Казалось, эта шутка была прямо для меня.

Дон Хенаро уселся опять и начал свой рассказ.

— В тех случаях, когда член племени воинов совершал поступок, который, как считалось, шел против их законов, то его судьба решалась ими всеми. Обвиняемый должен был объяснить причины, по которым он сделал то, что сделал. Его товарищи должны были выслушать его, а затем они расходились, потому что находили его причины убедительными, или же они выстраивались со своим оружием на самом краю плоской горы, очень похожей на

ту гору, на которой мы сидим сейчас, готовые привести в исполнение его смертный приговор, потому что они находили его причины неприемлемыми. В этом случае приговоренный воин должен был попрощаться со своими старыми товарищами, и его казнь начиналась.

Дон Хенаро взглянул на меня и Паблито, как бы ожидая от нас знака. Затем он повернулся к Нестору.

— Может быть, свидетель может сказать нам, что общего эта история имеет с этими двумя? — сказал он Нестору.

Нестор улыбнулся застенчиво и, казалось, на секунду погрузился в глубокое раздумье.

— Свидетель не имеет никакого представления, — сказал он и засмеялся нервным смешком.

Дон Хенаро попросил каждого подняться и пройти вместе с ним взглянуть через западный край утеса.

Там был пологий склон до дна равнинного образования. Затем там была узкая полоска земли, заканчивавшаяся пропастью, которая, казалось, была естественным каналом для стока дождевой воды.

— Как раз там, где находится эта расщелина рос ряд деревьев в тех горах, о которых рассказывается, — сказал он. — за этой чертой был густой лес. Попрощавшись со своими товарищами приговоренный воин должен был начать спускаться по склону к деревьям. Его товарищи затем брали свое оружие и нацеливались на него. Если никто не стрелял, или если воин, пережив свои ранения, достигал края деревьев, он был свободен.

Мы вернулись назад к тому месту, где мы сидели.

— Как теперь, свидетель, — спросил он у Нестора, — можешь ты сказать?

Нестор был самой нервозностью. Он снял свою шляпу и почесал голову. Затем он закрыл лицо руками.

— Откуда может бедный свидетель знать? — бросил он наконец вызывающим тоном и засмеялся вместе со всеми.

— Говорили, что там были люди, которые прорывались без ранения, — продолжал дон Хенаро. — скажем так, что их личная сила влияла на их товарищей. Волна проходила по ним, когда они целились, и никто не смел использовать своего оружия. Или может быть они боялись его смелости и не могли причинить ему вреда. Дон Хенаро взглянул на меня, а затем на Паблито.

— Там было одно условие для этой ходьбы к краю деревьев, — продолжал он, — воин должен был идти спокойно, ни на что не обращая внимания. Его шаги должны быть уверенными и твердыми. Его глаза должны были смотреть вперед спокойно. Он должен был спускаться не спотыкаясь, не оборачиваясь, чтобы посмотреть назад и превыше всего не пускаясь бежать.

Дон Хенаро сделал паузу. Паблито отозвался на его слова кивком.

— Если вы двое решите вернуться на эту землю, — сказал он, — то вы должны будете ждать как истинные воины до тех пор, пока не будут выполнены ваши задачи. Это ожидание очень похоже на спуск воина в этом рассказе.

Видите ли, воин вышел из человеческого времени, и вы также. Единственная разница заключается в том, кто целится в вас. Тем, кто целились в воина, были его товарищами-воинами. Но то, что целится в вас двоих — это неизвестное. Единственным вашим шансом является ваша неуязвимость. Вы должны ждать, не ожидая наград. И вы должны направить всю вашу личную силу на выполнение ваших задач.

Если вы не будете действовать неуязвимо, если вы начнете елозить и станете беспокойными, отчаетесь, то вы будете безжалостно застрелены меткими стрелками из неизвестного.

С другой стороны, ваша неуязвимость и личная сила таковы, что вы способны выполнить ваши задачи. Тогда вы достигнете обещания силы. А что это за обещание, можете вы спросить? Это то обещание, которое сила дает людям как светящимся существам.

Каждый воин имеет различную судьбу, поэтому невозможно сказать, чем именно будет это обещание для каждого из вас.

Солнце почти село. Светло-оранжевая окраска на далеких северных горах потемнела. Пейзаж давал мне ощущение выметенного ветром одинокого мира.

— Вы узнали, что законом воина является быть смиренным и эффективным, — сказал дон Хенаро, и его голос заставил меня подпрыгнуть. — вы научились действовать, не ожидая ничего в награду. Теперь я скажу вам, что для того, чтобы выстоять то, что лежит за границами этого дня, вам понадобится ваша абсолютная выносливость.

Я испытал потрясение в своем животе. Паблито начал тихонько дрожать.

— Воин должен быть всегда готовым, — сказал он. — судьба всех нас здесь состояла в том, чтобы знать, что мы являемся пленниками силы. Никто не может сказать, почему именно мы. Но какая великая удача!

Дон Хенаро перестал говорить и опустил голову, как бы утомившись. В первый раз я услышал, чтобы он говорил подобными словами.

— Здесь принято, чтобы воин попрощался со всеми присутствующими и со всем тем, кого он оставляет позади себя, — сказал дон Хуан. — он должен сделать это своими собственными словами и громко так, чтобы его голос всегда оставался на этом месте силы.

Дон Хуан своим голосом ввел еще одно измерение в мое состояние в данный момент. Наш разговор в машине стал еще более обостренным. Как прав он был, когда сказал, что умиротворенность окружающего нас пейзажа была только миражем, и что объяснение магов наносит такой удар, который никто не способен парировать. Я слышал объяснение магов, и я испытал его основные моменты, и теперь я находился тут, более обнаженным и более беспомощным, чем за всю свою жизнь. Ничто из того, что я когда-либо сделал, ничто из того, что я когда-либо воображал не могло сравниться с болью и одиночеством этого момента.

Объяснение магов содрало с меня даже мой разум. Дон Хуан опять был прав, когда говорил, что воин не может избежать боли и печали, а избегает только индульгирования в них. В этот момент моя печаль не вмещалась ни в какие рамки. Я не мог вынести прощания с теми, кто разделял со мной повороты моей судьбы. Я сказал дону Хуану и дону Хенаро, что я обещал одному человеку умереть вместе, и что мой дух не может вынести того, что остается один.

— Мы совершенно одиноки, Карлитос, — сказал дон Хенаро мягко. — это наше условие.

Я ощутил в своем горле боль своей привязанности к жизни и к тем, кто был близок мне. Я не хотел прощаться с ними.

— Мы одиноки, — сказал дон Хуан. — но умереть одному — это не значит умереть в одиночестве.

Его голос звучал приглушенно и сухо, как покашливание. Паблито тихо плакал. Затем он поднялся и заговорил. Это не было набором слов или исповедью. Чистым голосом поблагодарил он дона Хуана и дона Хенаро за их доброту. Он повернулся к Нестору и поблагодарил его за то, что тот дал ему возможность заботиться о нем. Он вытер свои глаза рукавом.

— Что за прекрасная штука было быть в этом прекрасном мире! В это чудесное время! — воскликнул он и вздохнул. Его настроение было захлестывающим.

— Если я не вернусь, то я прошу вас, как о высшем благодеянии помочь тем, кто делил мою судьбу, — сказал он дону Хенаро.

Затем он повернулся к западу в направлении своего дома. Его поджарое тело сотрясалось от слез. Он подбежал к краю утеса с вытянутыми руками, как бы собираясь обнять кого-то. Его губы двигались, он как бы говорил тихим голосом.

Я отвернулся. Я не хотел слышать, что говорит Паблито. Он вернулся назад туда, где мы сидели, плюхнулся рядом со мной и повесил голову.

Я не мог сказать ничего. Но затем какая-то внешняя сила овладела мной и заставила меня встать, и я тоже высказал свои благодарности и свою печаль.

Мы затихли снова. Северный ветер тихо посвистывая дул мне в лицо. Дон Хуан посмотрел на меня. Я никогда не видел в его глазах столько доброты. Он сказал мне, что воин прощается, благодаря всех тех, кто сделал ему что-то доброе или оказал участие. И что я должен выразить свою благодарность не только им, но также и тем, кто заботился обо мне и помогал мне на моем пути.

Я повернулся на северо-запад к Лос-Анжелесу, и вся сентиментальность моего духа вылилась наружу. Что за очистительное облегчение было произнести свои благодарности!

Я сел опять. Никто не смотрел на меня. — воин признает свою боль, но не индульгирует в ней, — сказал дон Хуан, — поэтому настроением воина, который входит в неизвестное, не является печаль. Напротив, он весел, потому что он чувствует смирение перед своей удачей, уверенность в том, что его дух неуязвим и превыше всего полное осознание своей эффективности. Радость воина исходит из его признания своей судьбы и из его правдивой оценки того, что лежит перед ним.

Последовала долгая пауза. Моя печаль была чрезмерной. Я хотел что-нибудь сделать, чтобы вырваться из этой подавленности.

— Свидетель, пожалуйста, сдави свой ловец духов, — сказал дон Хенаро Нестору. Я услышал громкий и очень смешной звук игрушки Нестора. Паблито истерически рассмеялся и точно так же дон Хуан с доном Хенаро. Я заметил характерный запах и сообразил тогда, что Нестор перднул. Что было ужасно смешным, так это выражение совершеннейшей

серьезности на его лице. Он пернул не для шутки, а потому что у него не было при себе его ловца духов. Он помогал нам наилучшим образом, как только мог.

Все они отрешенно смеялись. Что за легкость была у них в смещении из грустной ситуации в совершенно смешную.

Паблито повернулся ко мне внезапно. Он захотел узнать, не поэт ли я. Но прежде, чем я успел ответить, Хенаро составил строфу:

— Карлитос спокоен и верно он немного поэт и дурак примерный, — сказал он.

Все они опять расхохотались.

— Вот это настроение лучше, — сказал дон Хуан. — а сейчас, прежде чем мы с Хенаро попрощаемся с вами, вы двое можете сказать все, что угодно. Может быть это последний раз, когда вы можете что-либо сказать.

Паблито отрицательно покачал головой, но у меня было кое-что. Я хотел выразить свое восхищение, свое поражение исключительностью духа воина дона Хуана и дона Хенаро, но я запутался в своих словах и кончил тем, что ничего не сказал, или хуже того, я кончил тем, что я вроде бы опять жаловался.

Дон Хуан покачал головой и чмокнул губами в насмешливом неодобрении. Я невольно засмеялся. Не имело значения однако то, что я не смог воспользоваться своим шансом сказать им о моем восхищении. Очень любопытное ощущение начало овладевать мной. У меня было чувство радости, веселья, абсолютной свободы, которая заставляла меня смеяться. Я сказал дону Хуану и дону Хенаро, что мне нет никакого дела до исхода моей встречи с неизвестным, что я счастлив и собран, и что буду ли я жив или умру совершенно не важно для меня в данный момент.

Дон Хуан и дон Хенаро, казалось, порадовались моим словам еще больше, чем я. Дон Хуан хлопнул себя по ляжкам и засмеялся. Дон Хенаро бросил свою шляпу на землю и закричал, как будто бы он объезжает дикую лошадь.

Внезапно дон Хенаро сказал:

— Мы развлекались и смеялись во время ожидания совершенно так, как рекомендовал свидетель. Но естественным условием порядка является то, что это всегда приходит к концу.

Он посмотрел на небо.

— Уже почти пришло время нам разойтись, как делали воины в рассказе, — сказал он. — но прежде чем мы пойдем нашими различными путями, я должен сказать вам двоим одну последнюю вещь: я хочу раскрыть вам секрет воина. Может быть, вы можете назвать его предрасположением воина.

Он обернулся в особенности ко мне и сказал, что я когда-то им говорил, что жизнь воина холодна и одинока и лишена чувств. Он даже закончил, что как раз в этот момент я убежден, что это так.

— Жизнь воина ни в коем случае не может быть холодной, одинокой или лишенной чувств, — сказал он, — потому что она основывается на его привязанности, его стремлении, на том, что он посвятил себя тому, кого он любит. И вы можете спросить, кто это тот, кого он любит. Я покажу вам сейчас.

Дон Хенаро поднялся и медленно отошел на совершенно плоский участок как раз перед нами, в 3-4 метрах в стороне. Там он сделал странное движение. Он двигал своими руками, как бы очищая пыль с своей груди и живота. Затем произошла странная вещь. Поток почти неощутимого света прошел сквозь него. Он исходил из земли и, казалось обнял все его тело. Он сделал что-то вроде заднего пируэта, нырок назад, точнее говоря, и приземлился на грудь и на руки. Его движение было выполнено с такой точностью и легкостью, что он казался невесомым существом, червеобразным существом, которое перевернулось. Когда он оказался на земле, он исполнил ряд неземных движений. Он скользил всего в нескольких дюймах над землей, или катался на ней, как если бы он лежал на шарикоподшипниках, или же плавал, описывая круги и поворачиваясь с быстротой и ловкостью угря, плывущего в океане.

Мои глаза начали успокаиваться в какой-то момент и затем без всякого перехода я уже следил за шаром света, скользящим взад и вперед по чему-то, что, казалось, было поверхностью катка с тысячами лучей света, сияющими на ней.

Картина была ясной. Затем шар огня остановился и остался неподвижным. Голос встряхнул меня и рассеял мое внимание. Это заговорил дон Хуан. Сначала я не мог понять, что он говорит. Я опять взглянул на шар огня. Я мог различить только дона Хенаро, лежащего на земле с разбросанными руками и ногами. Голос дона Хуана был очень ясным. Он, казалось, нажал на какой-то курок во мне, и я начал писать.

— Любовь Хенаро — это этот мир, сказал он. — он только что обнимал эту огромную землю, но поскольку он такой маленький, все, что он может делать, только плавать в ней. Но земля знает, что он любит ее, и заботится о нем. Именно поэтому жизнь Хенаро наполнена

до краев, и его состояние, где бы он ни был, будет изобильным. Хенаро бродит по тропам своей любви, и где бы он ни находился, он цельный.

Хенаро сел перед нами на корточки. Он мягко погладил землю.

— Это предрасположение двух воинов, — сказал он. — эта земля, этот мир. Для воина не может быть большей любви.

Дон Хенаро поднялся и минуту сидел на корточках рядом с доном Хуаном, пока они оба пристально смотрели на нас. Затем они оба сели, скрестив ноги.

— Только если любишь эту землю с несгибаемой страстью, можно освободиться от печали, — сказал дон Хуан. — воин всегда весел, потому что его любовь неизменна и предмет его любви — земля — обнимает его и осыпает его невообразимыми дарами. Печаль принадлежит только тем, кто ненавидит ту самую вещь, которая дает укрытие всем своим существам.

Дон Хуан опять с нежностью погладил землю.

— Это милое существо, которое является живым до последней крупицы и понимает каждое чувство, успокоило меня. Оно вылечило мои боли и, наконец, когда я полностью понял мою любовь к нему, оно научило меня свободе.

Он сделал паузу. Тишина вокруг нас была пугающей. Ветер свистел мягко, а затем я услышал далекий лай одинокой собаки.

— прислушайся к этому лаю, — продолжал дон Хуан. — именно так моя любимая земля помогает мне представить вам этот последний момент. Этот лай — самая печальная вещь, которую можно услышать.

Минуту мы молчали. Лай этой одинокой собаки был настолько печален, а тишина вокруг нас настолько интенсивной, что я ощутил щемящую боль. Она заставила меня думать о моей собственной жизни, о моей собственной печали, о моем собственном незнании куда идти и что делать.

— Лай этой собаки — это ночной голос человека, — сказал дон Хуан.

— Он исходит из дома в той долине к югу. Человек кричит через свою собаку, поскольку они являются компаньонами по рабству на всю жизнь, выкрикивая свою печаль и свою запутанность. Он просит свою смерть прийти и освободить его от мрачных и ужасных цепей его жизни.

Слова дона Хуана затронули во мне самую беспокойную струну. Я чувствовал, что он говорит, обращаясь прямо ко мне.

— Этот лай и то одиночество, которое он создает, — говорят о чувствах людей, — продолжал он. — людей, для которых вся жизнь была как один воскресный вечер. Вечер, который не был совершенно жалким, но довольно жалким, нудным и неудобным. Они много попотели и попыхтели, они не знали, куда пойти и что делать. Этот вечер оставил им только воспоминания о мелочных раздражениях и нудности. А затем внезапно все кончилось. Уже наступила ночь.

Он пересказал историю, которую я когда-то рассказывал ему о семидесятидвухлетнем старике, который жаловался, что его жизнь была такой короткой, что ему казалось, будто всего день назад он был мальчиком. Этот человек сказал мне: «я помню ту пижаму, которую я обычно носил, когда мне было десять лет от роду. Кажется прошел всего один день. Куда ушло время?» — Противоядие, которое убивает этот яд — здесь, — сказал дон Хуан, лаская землю. — взгляните на вас двоих. Вы добрались до объяснения магов, но какая разница от того, что вы знаете его? Вы более уединены, чем когда-либо, потому что без непреклонной любви к тому существу, которое дает вам укрытие, уединенность кажется одиночеством.

Только любовь к этому великолепному существу может дать свободу духу воина. А свобода это есть радость, эффективность и отрешенность перед лицом любых препятствий. Это последний урок. Он всегда оставляется на самый последний момент, на момент полного уединения, когда человек остается лицом к лицу со своей смертью и своим уединением. Только тогда этот урок имеет смысл.

Дон Хуан и дон Хенаро поднялись и потянулись руками и спиной, как если бы от сидения их тела онемели. Мое сердце начало быстро колотиться. Они заставили меня и Паблито подняться.

— Сумерки — это трещина между мирами, — сказал дон Хуан — это дверь в неизвестное.

Он указал широким движением руки на утес, где мы стояли.

— Это плато находится перед дверью.

Он указал на северный край утеса.

— Там дверь. За ней — бездна. А за бездной — неизвестное.

Затем дон Хуан и дон Хенаро повернулись к Паблито и попрощались с ним. Глаза Паблито были влажными и неподвижными. Слезы катились у него по щекам. Я услышал голос дона Хенаро, прощавшегося со мной, но не слышал дона Хуана.

Дон Хуан и дон Хенаро подошли к Паблито и коротко что-то шепнули ему на уши. Затем они подошли ко мне. Но еще прежде, чем они что-либо прошептали, я ощутил то особое чувство расщепленности.

— Мы теперь будем просто пылью на дороге, — сказал Хенаро. — может быть, когда-нибудь она опять попадет в твои глаза.

Дон Хуан и дон Хенаро отошли в сторону и, казалось, слились с темнотой. Паблито взял меня за руку и мы попрощались друг с другом. Затем странный порыв силы заставил меня бежать вместе с ним к северному краю утеса. Я ощущал его руку, когда мы прыгнули, а затем я был один.